

СИБИРИАДА

НИКОЛАЙ
ЛУТИНОВ

По
ВЕЛЕНИЮ
ЧИНГИСХАНА

Сибиряда

Николай Лугинов

**По велению Чингисхана. Том
1. Книги первая и вторая**

«ВЕЧЕ»

2000

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Лугинов Н. А.

По велению Чингисхана. Том 1. Книги первая и вторая /
Н. А. Лугинов — «ВЕЧЕ», 2000 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-8915-0

«По велению Чингисхана» – это исторический эпос о создателе великой монгольской империи. Его образ привлекал многих писателей. В нем видели завоевателя, жестокого покорителя народов, коварного восточного тирана или же мудрого правителя, храброго и непобедимого воина и стратега. В основу романа Н. Лугинова положены легенды и факты, рассказывающие о возникновении империи Чингисхана, о судьбах ее жителей, многие из которых вошли в историю, память о них жива и по сей день.

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-8915-0

© Лугинов Н. А., 2000
© ВЕЧЕ, 2000

Содержание

Под духовным крылом	6
О «людях длинной воли»	7
Книга первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвертая	26
Глава пятая	36
Глава шестая	42
Глава седьмая	48
Глава восьмая	55
Глава девятая	58
Глава десятая	65
Глава одиннадцатая	68
Глава двенадцатая	77
Глава тринадцатая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Николай Алексеевич Лугинов
По велению Чингисхана
Книги первая и вторая

© Лугинов Н.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

Под духовным крылом

Я помню 1992 год, когда проходил первый съезд Международного Сообщества Писательских Союзов (МСПС). Помню слова якутского писателя Софрона Данилова, который сказал: «Очень хочу, чтобы на учредительном документе рядом со мной подписался мой молодой земляк – писатель Николай Лугинов».

Доверие обязывает, и сегодня мы видим, что старший коллега не ошибся: на счету у Николая Лугинова несколько книг прозы, и среди них роман «По велению Чингисхана» об основателе великой империи.

Радует в романе совершенно новое отношение к теме, свежая, порой неожиданная трактовка старой проблемы, которая не оставляет читателя равнодушным. Хочется поспорить, и это уже немало, значит, автор задевает читателя. Особенно читателя со сложившимся мировоззрением.

Роман интересен еще и тем, что, несмотря на разделяющие нас восемь веков, читатель найдет в нем множество аналогий с сегодняшней жизнью. Значит, автору удалось найти и затронуть некие общие закономерности становления и разрушения государств, закономерности в жизни людей, в человеческих чувствах.

Так мы в очередной раз убеждаемся в талантливости и художественности национальных литератур, выросших под могучим духовным крылом русской классической и современной литературы. Я с большой надеждой смотрю на золотистую ниву российских национальных литератур, уже создавших и свою классику. Зрелая поросль таких писателей, как Николай Лугинов, продолжает эти классические национальные традиции. И пусть им помогает талант и вдохновение в этом благородном деле.

*Сергей Михалков
Декабрь 2000 года*

О «людях длинной воли»

Образ Чингисхана привлекал многих художников слова. В нем видели завоевателя, жестокого покорителя народов, коварного восточного тирана. Роман Николая Лугинова «По велению Чингисхана» – это исторический эпос о создателе великой империи. Будущий непобедимый воитель в пятнадцать лет становится Ханом одного из самых малочисленных и слабых племен в Великой степи, живущей постоянной враждой и кровопролитием. Сильный здесь истребляет слабого, но чем могущественнее он становится, тем больше навлекает на себя врагов и завистников. Чтобы отстоять свое племя, Тэмучин разрабатывает свою собственную тактику и стратегию войны, учится побеждать малым числом. Но главное, он вводит своеобразный моральный кодекс – «Ясу Чингисхана». В ней твердо указаны наказания за проступки и почести за доблесть и верное служение. Себя и воинов своего рода Тэмучин называет «людьми длинной воли». И эта четкая родовая, а по существу, государственная выстроенность дает возможность не только победить более многочисленные враждебные племена, но и объединить все народы Степи: отдельные воины и целые племена зачастую добровольно стекались под знамена Чингисхана, увлеченные славой его и определенным знанием того, что ждет их впереди, какая доля уготована. Чингисхан в романе Николая Лугинова – философ, учитель народа. А воин он скорее по необходимости.

Такова историческая версия писателя Николая Лугинова. С ней можно соглашаться или нет, но нельзя не признать, что художественная ткань его произведения выписана убедительно, с точностью и знанием нравов и быта того времени.

Может быть, с северных земель, где условия жизни неизмеримо сложнее, нежели в Центральной России, в Москве, Николаю Лугинову стало виднее, понятнее, что значит защищенность, которую человек обретает в сильном государстве! «Свободный человек зависим ото всего вокруг и лишен того, без чего свобода теряет всякий смысл – покоя...» – предупреждает писатель.

Сегодня, когда мы переживаем упадок государственности, размытость моральных ценностей, роман «По велению Чингисхана» обретает особую актуальность. Писатель возвращает нас к нашей первооснове, к пониманию того, как из следования родовым законам и заповедям, из четких моральных требований складывается, как из кирпичиков, великое государство, создающее человеку основу для его полноценного личностного самовыражения. Николай Лугинов утверждает: только «люди длинной воли» способны творить историю и строить будущее.

Владимир Карпов

Книга первая

*Пусть свершится по установке Одун-бшиса,
Пусть будет по велению Чингисхана,
Пусть выйдет по решению Джьылга-тойона.
Что там наша воля?
Что там наше желание?
Благородным – решать.
Родовитым – повелевать...
Так-то!*

П. Ойунский

«Стремительный Нюргун-батыр»

Глава первая

Притча о Чингисхане

Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не кушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели.

Плано Карпини. XIII век

Кровным предком, зачинателем рода-племени Чингисхана, нашего великого вождя и предводителя, сумевшего переместить тех, кто прозябал на отшибе да на окраине, в самую сердцевину, тех же, кто жировал в центре, пируя да блаженствуя, веселясь да играючи, будто рыба в теплой воде, оттеснить на обочину; связавшего тугим монгольским узлом воедино судьбы разных народов и огромных государств; заключившего в объятия свой мир земной, прославляемого и проклинаемого, оправданного и оклеветанного, хулимого и возносимого в веках, – был досточтимый Борте-Чоной, возвращенный и спущенный с небес с predetermined целью Верхними Высокими Божествами Айыы.

Супругой Борте-Чоной была госпожа хотун Куо-Марал-тай. Они кочевали вдоль устья реки, огибающей подножие горы Бурхан-Халдун. От них родился Бата-Чаган.

Бата-Чаган родил Тамачу, Тамача родил Хорочоон Мэргэнэ, Хорочоон Мэргэнэ родил Уоджу Борохула, Уоджу Борохул родил Салы Хачая, Салы Хачай родил Еке-Джудуна, Еке-Джудун родил Сим Сэчи, Сим Сэчи родил Хорчу.

Жену сына Хорчу Борджугунатая Мэргэнэ звали Могол-джун-Куо. От нее родился сын Тороголджун Байан. У того в свою очередь родились сыновья Дуба-Соххор и Добун Мэргэнэ. Старший из братьев отличался исключительной зоркостью, несмотря на то что был слепым на один глаз, а потому и прозывался Соххором – кривым.

Однажды, сидя на высокой скале Бурхан-Халдуна, Дуба-Соххор заметил вдали большое число людей. Он понял, что со стороны севера приближается неизвестный ему род, и послал своего младшего брата Добун Мэргэнэ навстречу, чтобы разузнать, откуда и куда кочует племя и каковы намерения его вождей.

Добун Мэргэнэ выяснил: один из крупных предводителей хоро-туматов Хоролортой Мэргэнэ, женатый на Баргуд-жун-Куо, дочери знаменитого правителя земель, называемых Хол Боргуджун, Бархадай Мэргэн, уводил свой род подальше от распрей и кровавых раздоров за лучшие охотничьи угодья, обильно политые в последние времена кровью ближних. Мирные

цели пришлых людей пришлось по душе Добун Мэргэнэ, но более всего молодца поразила невиданная красота дочери их вождя Алан-Куо. Вернувшись, Добун Мэргэнэ, полнясь восхищением, рассказал старшему брату о прекрасной девушке, выразив желание взять ее в жены незамедлительно. Дуба-Соххор сам отправился сватать невесту за младшего брата.

Хоролортой Мэргэн, его жена Баргуджун-Куо, старейшины, оторванные от отчей земли, с радостью согласились породниться с сильным местным родом, умиловив дарами духи Бурхан-Халдуна, вселившиеся в идолов, а также задоблив кровью жертвенного скота верхние божества.

Так Добун Мэргэнэ и Алан-Куо стали мужем и женой. У них родились два мальчика: Бугунатай и Бэлгинэтэй.

А у Дуба-Соххора было четыре сына. Именно им впоследствии судили боги стать прародителями четырех изгоев – родов Дюрбюен. Характер они показали смолоду. Как только умер отец, четыре брата, не подчинившись, как того требовал обычай, своему дяде Добун Мэргэнэ, откочевали на четыре стороны. С той поры и пошла поговорка: «Четыре Дюрбюена, не признающих ни крови, ни родства!» На все их потомство пала тень, так что по сей день люди сторонятся Дюрбюенов или посматривают на них косо.

Удивительно, однако же – как река от истока до устья проносит свои воды, так и по родовому руслу течение поколений несет в себе характер праотцев. Человеку лишь кажется, что он впервые живет и по-своему видит белый свет, являясь в мир единственным и неповторимым. Он может не знать, забыть своих предков, но все равно останется похожим на них, повторит их повадки, поступки, судьбу... Мудрецы-долгожители, называемые в народе «оком земли», безошибочно предрекают еще несмышленому младенцу его будущее, нрав, ошибки и затруднения, поджидающие на жизненном пути, не потому что, как обычно считают, умеют заглянуть вперед, а потому, что тщательно и беспристрастно, ничуть не умиляясь детской пригожестью, изучив внешность ребенка, понаблюдав поведение, умеют определить, кровь каких предков преобладает в нем. При этом им ведомы до мельчайших подробностей дела и поступки каждого из двух линий сорока колен в родословной младенца, циклично и неотвратно повторяющиеся характеры и судьбы родов. Родословная перебирается мудрецами с особой тщательностью, когда речь идет о подборе подходящей невесты или нужного жениха для обретающих силу юноши или девушки.

Впрочем, все это важно лишь для избранных, веками, из поколения в поколение с гордостью отстаивающих имя «родовитые». Простым же смертным, челяди или рабам, которым все равно, какие они и каким будет их потомство, подобное внимание к характеру и делам предков ни к чему: их удел – личная свобода...

Добун Мэргэнэ ненадолго пережил своего старшего брата. Бедная Алан-Куо осталась вдовой с двумя сыновьями. Тем не менее она не только не расточила, но и приумножила свои богатства, умело управляя работниками и объединив родичей. При этом безмужняя вдова умудрилась родить еще трех сыновей: Беге Хадагы, богатыря Салджы и Бодончора. Все три парня имели совершенно удивительную для степи внешность: были светловолосы, светлоглазы, белы телом и лицом, росли необычайно крепкими, превосходя своих сверстников в силе и выносливости намного. Старцы-мудрецы, глядя на мальчишек, лишь вздымали руки к небу, указывая тем самым на Божественное провидение, обычные люди судили иначе.

Не без наущения последних, охочих до похищений и чужого раздора людей, старшие сыновья, рожденные Алан-Куо от Добун Мэргэнэ, Бугунатай и Бэлгинэтэй, однажды затеяли разговор:

– Поблизости нет ни одного человека с такой светлой кровью, от кого же родила наша мать наших младших братьев?!

– Конечно, неплохо, что у нас появились братья, но плохо, что после смерти матери все наше богатство придется делить на пятерых, вместо того чтобы поделить его на двоих.

От матери, как известно, ничего не скроешь: Алан-Куо стало известно об этих речах. Дело было весной, в самую голодную пору, когда кончаются все запасы. Мать достала из самых дальних тайников копченое мясо, сварила, усадила всех пятерых сыновей рядком, а когда те наелись досыта так, что замаслились их глаза, вручила мальчикам по прутику толщиной в мизинчик. «Ломайте», – предложила она. Каждый из них без затруднений поломал свой прутик. Тогда Алан-Куо протянула сыновьям по связке из пяти прутьев. И вновь предложила сломать. Сколь мальчики ни усердствовали, ни одному из них не удалось переломить связанные вместе прутья.

– Так и вы, пятеро родных братьев, – сказала мать. – Будете вместе, в одной связке, как эти пять прутьев, станете непобедимы. Ваша взаимная вера, мир, дружба добавят вам сил. А поддадитесь жадности, корысти, зависти и себялюбию, разбредетесь на пять сторон – не то чтобы черпать силы, даже та сила, что была с вами, оставит вас. Тогда вместо того, чтобы стать великими тойонами, будете подавателями кушаний, открывателями дверей, держателями лошадиных уздечек, слугами дружных родов.

Пятеро сыновей внимали матери, но у двух из них, старших, стали при словах ее опускаться стыдливо глаза.

– У вас есть повод подозревать свою мать, – обратилась она теперь только к ним, к Бэлгинэтэю и Бугунатаю. – На это я вам отвечу: в молодой поспешности не берите на себя грех, давая слишком простое и низменное толкование вещам, понимание которых вам пока недоступно. Слушайте, как было на самом деле... Однажды, когда небо утонуло в кромешной тьме, вдруг словно день воссиял передо мной: в дымоход сурта спустился будто светящийся человек, волосы его отливали золотом, глаза лучились небесной голубизной... Он тихо присел рядом... Я замерла, не в силах пальцем пошевелить, дыша и не дыша, ибо страха не было во мне, а было лишь удивление и странная радость, сердце, стучавшее, казалось, на всю степь, откликнулось на давний зов Высокой Судьбы Айы... Еще в детстве мне была предвещена встреча с этим человеком, грезы о нем я порой считала наваждением, пыталась выкинуть их из головы, но от Судьбы не уйдешь... Солнечный человек распростер надо мной руки, и из разведенных его пальцев вырвалось пламя, которое обожгло меня, проникло внутрь, и в нижней части зародилось тепло... Не знаю, долго ли, коротко ли сидел он со мною рядом, только так же неожиданно, как появился, человек поднялся в воздух и улетел в дымоход, подобно огненной птице. Так были зачаты ваши братья. Вы же толкуете об этом, как люди без роду-племени, ходящие заезженными тропками, имеющие короткие мысли, нищие духом... Через века, когда наши потомки станут царями царей, повелевающими великими странами, о них, а значит, и о нас станут слагать легенды и предания, тогда наконец люди поверят в наше Божественное происхождение, поверят и никчемные людишки, мусор и пыль времен. Я сказала, что сказала!

ЛЕГЕНДА О БОДОНЧОРЕ

Пришла пора, и умерла Алан-Куо. По завещанию матери сыновья первое время жили вместе, сообща управляли хозяйством, растили скот. Но без главы, единого хозяина, которому бы все подчинялись, начали расходиться швы жизни, не ладилась работа. Посоветовавшись, они решили разделить богатство, жить хоть и недалеко друг от друга, но порознь. При дележе, как это часто бывает по отношению к младшему из братьев, ничего не досталось Бодончору. Во-первых, рассудили старшие, он холост и одинок, во-вторых, ни о чем, кроме рыбалки и охоты, не помышлял, ничему не придавал значения, проще говоря, слыл придурковатым. Однако, памятуя наказ матери, старшие братья все-таки совестились совсем уж ничего ему не дать, решили собрать все, что им самим негоже. Последыш Бодончор, при жизни матери ни в чем не знавший отказа, великодушно отослал «свою долю» – обноски братьев – по назначению: нищим и увечным... Показно, чтоб видели люди, оседлал худого серого облезлого жеребца,

покрытого язвами и коростой, гордо молвил: «Суждено помереть – так помру, выжить – так выживу!» – и отправился один-одинешенек вниз по реке Онон.

День ехал, другой... Ярость обиды на братьев начала утихать, и все более бередило душу тревожащее чувство, неведомый ему ранее страх перед завтрашним днем. Становилось ясно: одной охотой да рыбалкой не проживешь, потому что у всякой живности есть своя пора. Скоро настанут холода, снег выпадет: где же он будет зимовать?!

Размышлял он так, на своей кляче едучи, голову понуро опутив, как вдруг к ногам его камнем упал гусь-гуменник, убитый метким ударом сокола. Не зря говорится: голь на выдумки хитра. Бодончор, озабоченный своим будущим, вырвал из хвоста своего облезлого жеребца пучок волос, сплел из них силок, поставил петлю, положив для приманки убитого гуся. На его счастье, сокол, привлеченный своей добычей, попал в силки! Бодончор обладал легким нравом, поэтому быстро приручил вольного сокола: так у него появился друг и кормилец.

Скоро Бодончор стал использовать для получения добычи и волков. Однажды он, преследуя дичь, наткнулся на целое стадо оленей, загнанное в овраг волками. Он убил одного оленя, наелся досыта, поразмыслил и понял, что волк, задрав оленя, два-три дня лежит в снегу лежкой, не представляя никакой угрозы, оленю же в страхе все еще жмутся друг к другу где-нибудь в расщелине, представляя собой легкую добычу. Судьба улыбалась ему, но волки, словно спасаясь от непонятного человека, топчущего их следы, вдруг скрылись из этих мест.

Стали чахнуть травы и деревья, похолодало враз так, что ночами зуб на зуб не попадал, охватывал его, коченеющего во тьме под зыбкими звездами, ужас. «Что делать, боги?! Неужели я рожден только для того, чтобы замерзнуть в степи одиноким, будто раненый, загнанный зверь?!» – стенала душа.

Бодончор построил себе урасу, утеплив жилище оленьими шкурами. Но и это не спасало от преследующего, выматывающего силы, жуткого страха... Гордый Бодончор, в самых лютых боях и схватках не знавший боязни, теперь обмирал душой при малом завывании ветра!.. В такие мгновения только сокол мог поддержать его, величественно вздымая крылья...

За зиму сокол стал для него роднее родных!.. Прокормились они оленьиной да мясом тарбагана. А весной, когда стали прилетать птицы, под ударами сокола гуси и утки падали с неба, будто шишки с горного кедрача по осени.

Тогда же, весной, с верховья реки Тюнγκэлик спустилось кочующее племя и разбило стан неподалеку, на противоположном берегу.

Бодончору в его одинокой жизни не раз встречались люди. Сначала он радовался им и заговаривал, но потом стал сторониться: он шел навстречу с распростертыми объятиями, а его откровенно пускали на смех... «Посмотрите, да это тот самый придурковатый последыш Алан-Куо, которая умудрилась родить его, будучи вдовой!..» Бывало, такая злоба брала, хотелось выхватить из ножен меч да и сделать хотя бы из трех-четырех корм воронью, а там будь что будет!.. Но в удушье обиды, стыдясь расплакаться да разрыдаться на пущее посмешище, он лишь бросался прочь, бежал, подгоняемый раскатами хохота, презируя весь род людской, ненавидя себя...

Люди с верховья Тюнγκэлик были иными. Им было все равно, кто он, откуда, почему один, ибо каждый из них, оставаясь в племени, жил сам по себе, независимо от общих желаний и решений – молодой человек здесь был равен старшему, женщина – мужчине, а слово вождя не являлось законом.

Бодончор присматривался к жизни этих людей, все более очаровываясь: разве плохо, когда каждый поступает, как хочет, никто никому не подчиняется и никем не распоряжается? Каждый сам себе господин, все позволено!.. Прекрасная, удивительная, свободная жизнь!

Среди тюнγκэлинцев Бодончор не чувствовал себя изгоем. Он приносил им гусей и уток, а они поили его кумысом, ни о чем не спрашивая. И совсем уж сердце одинокого юноши возликовало, когда он познакомился с одной из женщин пришлого племени. Выделил из других

он ее раньше: Бодончор тайком любовался ею с противоположного берега, когда та приходила по воду, – чуть приподняв подол платья, она забредала по щиколотку, ладным красивым движением откинув волосы назад, словно конь гриву, зачерпывала воду бадьей, уходила, извиваясь водорослью... Женщина также заметила его и помахала рукой, смеясь... А когда он в стыдливости хоронился так, что она не могла его видеть, женщина всегда угадывала его взгляд, отвечая на него то кивком, то заливистым смехом... Тогда он осмелился и подошел к ней, переправившись через реку. Звали ее Адангхой, была она из рода уранхаев. Но... оказалась замужней.

Бодончор приносил в ее сурт гусей и уток, которых в изобилии добывал сокол. Она наливала ему кумыс, и он вздрагивал, немел от прикосновения кончиков ее пальцев, чарующего движения ниспадающих волос, близких улыбающихся губ...

Мужчины и женщины племени, пришедшие с верховья Тюнгкэлика, были свободны в любви. То, что в роду Бодончора называлось распутством и осуждалось, здесь было делом обычным, нормой: женщины не хранили верность, а девицы не берегли честь... Ибо каждый поступал в соответствии со своими желаниями: столь безгранична была тяга к свободе!.. Но вольный Бодончор в отношениях с Адангхой не мог переступить законов и понятий, сложившихся в его племени. Он уходил, все более восторгаясь жизнью племени Тюнгкэлик: «Ах, если бы все так жили, не было бы войн, вражды, корысти!..»

Когда же он увидел полюбившуюся ему женщину в объятиях одного из мужчин племени, имевшего жен и детей, сладить со своим пониманием ему стало сложнее. Адангха, ласкавшая чужого мужа у семейного очага, ничуть не смутилась, когда вошел Бодончор, а лишь поднялась и взяла с улыбкой из его одеревенелых рук гостинцы... Бодончор вышел, побрел, будто в забытьи... Но тут же его заставил вздрогнуть и словно проснуться голос юноши, который кричал на согбенного старика!.. Бодончор попытался вступить за старца, но тот затряс руками, мол, ладно, ладно, что ты, что ты, пусть...

Старики не были здесь равны молодым, как ему сначала показалось: они были зависимы от них, ибо немощны.

Не успел Бодончор переправиться через реку, как нагнал его оклик:

– Эй, друг, продай мне своего сокола!

Это был вождь племени. На сокола он уже давно смотрел горящими глазами, как, впрочем, и многие мужчины племени, не знавшие прежде соколиной охоты.

– Как же я без него буду жить?! – простодушно ответил Бодончор.

– Отдаю за него стадо овец!..

– Нет...

– Табун лошадей!..

– Зачем мне столько скота? – был непреклонен Бодончор. – Одни хлопоты. А с соколом я не пропаду!..

Даже через реку было видно, как пламя злости, жадности и зависти полыхнуло в глазах вождя.

– Смотри, – произнес он угрожающе страшные слова правды, – ты одинокий человек. Мы могли бы отобрать у тебя сокола силой – за тебя некому вступить. Но мы хотели с тобой по-людски... Так что пеняй на себя...

Бодончор остро ощутил себя одиноким тоненьким стебельком ковыль-травы, пригибающимся под дуновением слабого ветра... При жизни с братьями он не дал бы обидчику и с места сойти.

Но что делать... С ним действительно легко расправиться, и не только никто не отомстит, но даже и не пожалеет о нем!..

Бодончор поплелся восвояси, понимая, что давно живет заячьей жизнью, прислушиваясь к каждому шороху, вздрагивая от каждого звука.

Свободный человек, оказалось, зависим ото всего вокруг и лишен того, без чего свобода теряет смысл – покоя... «Даже чайки, – глянул Бодончор на резвящихся над водой птиц, – не имеющие гнезд, откладывающие яйца где попало, сбиваются в стаи, чтобы защититься от врагов!»

«Дурак всегда запоздало кручинится, принимая от наделяющего людей судьбой божества Джылга-Хана лишь то, что тот ему пошлет, – вспомнились ему слова матери. – Умный же судьбу завоевывает, зная путь наперед...»

Охватывала тоска по братьям, вымещая из памяти обиду. Сокол в клетке посреди жилища гортанно вскрикнул навстречу, словно предупреждая, что от пришедшего безродного племени нужно держаться подальше.

* * *

Утро было ясным. Ласково покалывали щеки лучики солнца, речная гладь переливалась бликами. Но и это не приносило утешения, а скорее наоборот... Бодончор сидел на берегу, и нехорошие мысли пошли-поплыли от манящего, завораживающего движения реки: а не здесь ли, не под толщей ли этой воды судьба его?.. Камень на шею – и отмучился...

– Бодончор!.. – помахал ему с другого берега молодой охотник-тюнгкэлинец.

Изгой напрягся: неужто к нему опять насчет сокола?!

– У нас находится человек, который разыскивает тебя! Он очень на тебя похож, такой же светлый, но только очень-очень важный! Настоящий Хан!

Бодончор вскочил, не зная, что сказать, махнул лишь в ответ, потряс головой да снова сел: подкосились ноги-то!.. Пронаблюдал искоса, когда молодой охотник удалится, и в неожиданном, страстном приливе сил вновь поднялся, забегал кругами... Кто-то из братьев приехал, понимал он, кто еще может быть на него похожим, да и кому он еще нужен?! Верилось и не верилось: неужели он, в самом деле, нужен?! А может, просто дошли до них слухи да пересуды о нем, несчастном перекасти-поле, разыскивают, чтобы не позорил...

Опять ноги стали не слушаться, подкашивались, будто у древнего старика... Вдруг показался всадник вдали, ведущий за собой свободного скакуна... По выправке и осанке Бодончор узнал Беге Хадагы, брата, который всегда был ему особенно близок и которого он вспоминал чаще других...

Бодончор собрал все силы, распрямылся, встал степным орлом, ожидая...

Но лишь приблизился брат так, что стали различимы черты родные его, очи ясные, не выдюжил гордец, спала спесь, застлались слезами глаза, крик ли, рев ли звериный вырвался из груди, да и бросился он брату навстречу!.. Заревел в голос, по-бабьи, и Беге Хадагы, братка родный, спрыгнул с коня, стиснул, рыдая, в объятиях!..

Потом они сидели, смотрели друг на друга с такой пристальностью и удивлением, будто небожитель встретился с обитателем преисподней...

– С Божьей помощью зиму пережили, – рассказывал Беге Хадагы тоном почтительным и смущенным, словно перед ним был не младший брат, а старец-мудрец, называемый «оком земли».

Именно таким, возмужавшим, познавшим тяготы и премудрости жизни, Беге Хадагы и воспринимал еще всего лишь год назад озорного и бездумного Бодончора.

– Хотя с осени было дело, чуть не полегли все... – продолжал Беге Хадагы. – Перед самыми заморозками вдруг напало на нас неизвестно откуда взявшееся племя!.. Были на волосок от гибели, едва удалось отбиться...

– Напали, когда вы были порознь?

– Конечно. Во время осеннего отора, когда перебирались, прежде чем остановиться на зимовку, на более богатое отавой место, захватили брата Бэлгинэтэя, потом Бугунатая, не

дав опомниться. К счастью, это увидели нукеры Хадагына, рыбачившие на противоположном берегу. Прибежали ко мне. Мы с Хадагыном собрали своих людей, напали сообща, заставили их умыться кровью... Главарей убили, а мелких разбойников поделили меж собой как слуг и рабов.

– Даже после этого вы не съехались?

– Съехаться не съехались, но решили не разбредаться, как раньше, держаться друг друга, жить общим советом.

– Жить советом – это хорошо. Но рано или поздно наступит момент, когда вы не сможете найти общего решения. Кто-то должен быть главным...

– Ты же знаешь своих братьев!.. Подчиняться они не умеют...

– Ну, если вы не можете распорядиться собой, быстро найдутся те, кто станет распоряжаться вами...

– Ты говоришь так, брат, будто ты чужой, – встревожился Беге Хадагы, – ты ведь тоже наш...

– Разве?.. – чуть усмехнулся Бодончор. – Посмотри внимательнее на себя – и на меня...

– Прости, брат... – искренне засовестился Хадагы, – я за этим и приехал, просить прощения... И все остальные просят прощения и понимают вину перед тобой. Я приехал сказать тебе, чтобы ты возвращался... Каждый из нас, старших, выделит тебе твою долю...

Бодончор опять усмехнулся с тоской в глазах: мог бы он напомнить о том, что однажды братья уже выделяли ему «долю»... Но одиночество не лишило Бодончора гордости, а лишь добавило к ней великодушие:

– Пусть будет так. Я вернусь с тобой. Дадите долю – хорошо, а не дадите – и на том спасибо. Но одна просьба у меня есть. Племя, которое ты повстречал на пути... Оно многочисленно, но безродно. Всяк в нем живет по-своему, не подчиняясь никому. Это племя обречено так же, как обречен был на безродность и животную смерть я, оставаясь один. Помогите мне покорить его!..

Сразу же после радости встречи и веселого пира братья, вновь сплотившиеся дети Алан-Куо, решили напасть на жителей реки Тюнгкэлик.

Возглавил поход человек, знающий местность и заранее все обдумавший: Бодончор.

Новому военачальнику удалось взять тюнгкэлинцев, что называется, голыми руками: он захватил их спящими, когда даже караульных, опившихся аракой, трудно было добудиться.

Так, в один миг Бодончор из нищего одиночки превратился во владельца многочисленного люда и скота. Ни один из братьев теперь не мог с ним сравниться богатством!.. Он также понимал, что, хотя бы того или нет, зависть даст о себе знать... Бодончор опередил ее, зловредную, отдал каждому из братьев их долю, считая победу общей. Братья были так рады, что наконец-то на самом деле выделили младшему его долю из числа исконных, преданных слуг. Таким образом, у Бодончора образовался круг подчиненных, на которых он мог опираться в управлении своенравными, не привыкшими к повиновению людьми.

Жизнь шла на лад: Бодончор крепко взял узды судьбы в свои руки. Но вновь и вновь приходилось ему поражаться и с изумлением открывать премудрости жизни: с виду все просто, а вот изнанка многообразна... Был гол, не имел ничего, кроме тени своей да верного сокола, считал, что одинокий человек не может быть свободным и счастливым, потому что находится в вечной службе у своего живота! Стал большим господином, а... разве можно быть свободным и счастливым с утра до ночи, с ночи до утра занимаясь всеми и всем, только не собой?!

А тут еще народ такой, что, кроме собственной прихоти да придури, ничего знать не желает!.. Характер же не изменишь: думами овладеть несложно, а вот привычки, нравы веками не вымоешь!

И братья, и все вокруг советовали ему жениться, пытались сосватать невест. Бодончор и сам понимал, что надо, пора. Не лежала ни к кому душа. Приведут – и хороша, и умела,

а... не нужна. Кто был нужен – он знал. И всех других он сравнивал с ней, вспоминая, как заходила она в воду, приподняв чуть подол... Полюбилась ему Адангха в дни тяжкие, смутные, когда белый свет казался черной ямой, а она так поддержала дух его своим игривым смехом... Помучился, помучился, а потом решил – зачем? Отказался от всех родовитых невест, нашел среди подданных своих Адангху – была она к тому времени на сносях, но и это его не остановило, – да и сделал ее женой-госпожой.

Адангха хоть и жила среди тюнгкэликов, но взята была из доброго племени, а потому, когда пришла пора и она родила, сына назвали в память о материнском роде – Джарадарай. Внук Джарадарая – дед блистательного воителя Джамухи, состязавшегося в ратной славе с самим Чингисханом! Как знать, на какие высоты воинской доблести взошел бы Джамуха, если бы не сбивал с пути на пустое веселье и озорство его отзвук крови далеких предков...

Четыре брата, сыновья Алан-Куо, дали начало крупным родам.

Бэлгинэтэй – бэлгиниэты.

Бугунатай – бугунуоты.

Беге Хадагы – хадагы.

Букутай-Салджы – салджы.

От младшего же, Бодончора, пошли великие бурджугуты.

Семь сыновей внука Бодончора Менге-Тудуна расширили родовое древо так: от старшего из них, Хойду, пошли тайчиуты и бэсиуты; от Джодун-Ортогоя – оронгоры, хонг-котои, арыласы, сонгуты, хатыргасы, кэнигэсы.

Громадный Барылатай дал жизнь известным обжорам, рослым и крупнотелым барыла-сам.

Харандай основал род быдаа, которые пошли в своих предков-тюнгкэлинцев привычкой к беспорядку и хаосу.

От одного из внуков Менге-Тудуна, горделивого и спесивого Наяхыдая, берет начало найахинский род, ни на йоту не растерявший в веках нрав своего прародителя.

Сын Хачыана, непримиримый упрямец Адархай Адаар – зачинатель рода хадаар, что означает «грубый, ищущий причину для ссоры».

Два сына Начын-Батыра от его младшей жены Урутай и Мангытай дали степи великих воителей, мужественных и стойких урутов и мангытов.

Потомство Тумбуная-Сэсэнэ было величайшим из великих, сравнимым лишь с сиянием небесных светил. Его сын Хангыл-Хаган сумел объединить и возглавить всех монголов. Правнуку же Хангыл-Хагана Тэмучину, прозванному Чингисханом, суждено было объять своей дланью пол-Земли.

Глава вторая

Охотники

§ 59. Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен Татарских Темучжин-Уге, Хори-Буха и других. Тогда-то ходила напоследях беременности Оэлуи-учжин, и именно тогда родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною в пальчик. Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приходом Татарского Темучжин-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином.

Сокровенное сказание монголов. 1240 г.

Охотники тремя сюнами – сотнями верховых, словно сетями охватив местность, спустились в низину, сжимая кольцо. Их гортанные крики и топот лошадиных копыт слагались в кровожадно нарастающий гул, сотрясая устланную снегом степь, выгоняя зверя из норы, из теплого логова, сбивая с привычных троп, пугая и тесня малого и большого.

– Держать строй! – прерывая гул, раздался грозный рык джасабыла, распорядителя охоты.

Аргас невольно глянул на младшего сына, который скакал по левую от него руку: молодые в нетерпеливости часто вырываются вперед, нарушая цепь. Нет, его Мэргэн мчался, будто воин в бою, припав к гриве, чуть склонившись с коня, цепко глядя перед собой, устремленный вперед, но не нарушал строя. Теплый собачий язык нежности лизнул сердце Аргаса, и старик мысленно ругнул себя: старуха-мать и без того забаловала меньшенького, как говорят, поскребыша, и сам он с ним не по-мужски мягок...

Откуда-то из-под ног коня выскочил заяц и запетлял, теряясь в снежной белизне. Тотчас вжикнула слева тетива. Стрела с пестрым оперением воткнулась перед зайцем. Вторая стрела, выпущенная сыном через миг, угодила в заячий след... Аргас держал зайца на прицеле, но не торопился, зная, что косою обязательно присядет...

Третья стрела с пестрым оперением настигла во всю прыть мчавшегося зайца.

– Хороший выстрел, – похвалил отец. – Но почему не выжидаешь, когда заяц присядет?

– Хотел проверить себя.

Сын, пытаясь скрыть радость, торжество победы – ведь он опередил отца, старого охотника! – степенно спустился с лошади, собрал стрелы, добычу привьючил к седлу. Аргас же вновь подумал: «Надо строго наказать старухе, чтобы не потворствовала своему любимчику Мэргэну... А то, может, отослать его к старшему, в железные руки?..»

– Тот, кто может сразить бегущего зверя – хороший стрелок. Но хороший стрелок – это еще не хороший охотник, – проговорил Аргас, прищпорив коня.

Мэргэн после этого сразил одного за другим еще двух зайцев и трех тарбаганов, стреляя только в бегущего зверя. Движения его были стремительны, точны, глаз необыкновенно цепок. Отец, вида не подавая, с радостью принимал свое поражение в этом негласном споре с сыном.

Меж тем кольцо охотников сужалось. Смыкая ряд, они стали продвигаться совсем медленно, стреляя в мечущуюся дичь. Аргас замечал: с десятков стрел метнулись в бегущего наперерез кулана, но впилаась ему в бедро одна, знакомая, с пестрым оперением...

По цепи охотников передали приказ остановиться. Наступало время настоящей, большой охоты. По обычаю, право первых выстрелов принадлежало тойонам и уважаемым старикам. Аргас, все более охватываемый звериным предощущением добычи, молодея от азарта, уже выбирал, метил цель, ожидая команду.

– Сегодня право первой охоты получают юноши, впервые вставшие в стремена рядом со взрослыми, – раздался голос распорядителя охоты Мухулая.

Мальчишки, среди них и Мэргэн, выехали вперед. Ах, как горели глаза их, с какой единой верноподданностью устремлялись взгляды в сторону Мухулая, как играла в юнцах каждая жилочка!.. Глядя на них, Аргас заново переживал давно знакомые ему, понятные чувства, тем более что среди подростков был и его младшенький...

Молодых разбили на арбаны – десятки, назначили арбанай-тойонов – десятников. Мэргэн стал одним из арбанай-тойонов. И на глазах, как по волшебству, из ликующих юнцов мальчишки превратились в организованных, собранных, суровых охотников-воинов.

– Кюр-р! – сорвал их с места клич, зовущий вперед. Ряды устремленных к цели юных охотников были подобны монолиту. И так же чеканно, на едином дыхании, по новому приказу они встали как вкопанные. Звери, стиснутые в кольцо, притаившиеся в зарослях тальника, словно в такт людскому движению, затравленно бросились в разные стороны – прямо на охотников. Окрестность пронзил запальчивый посвист стрел!..

– Кюр-кюр! – снова раздалась команда. И опять навстречу охотникам, словно комариный рой, высыпало зверье, в основном куланы. Мальчишки неистово посылали стрелы, ряды их теперь нарушились, и, как сквозь прорванную сеть, не только заяц или лиса, целое стадо оленей вырвалось за пределы первого кольца...

– Хар! – прогремела команда. Юноши бросились назад, по своим местам. Вновь быстро образовали строй. Запоздавшую десятку джасабыл пригрозил отстранить от охоты...

В дело со всей мощью вступали опытные охотники. Аргас свалил оленя и трех куланов, приостановился, пытаясь в толчее разглядеть сына: опасно было слишком горячего и нетерпеливого надолго выпускать его из вида...

– Шоно! Шоно! – раздался крик охотников, выгонявших притаившихся в кустарнике зверей. – Волчица!..

В той стороне, куда бросилась волчица, охотники расступились, образовав проход: их предки называли себя потомками волков!..

Скоро загремел бубен, возвещая о конце охоты. Аргас наконец-то разыскал глазами Мэргэна: тот, совсем, кажется, забыв об отце, скликавая свою десятку, как и положено, направился к центру, на построение.

Верховые, стоя рядами, внимали громовому голосу командира охоты.

– Когда минул полдень, левое крыло отставало, – подводил итог Мухулай, – а правое чересчур торопилось. Молодые достойны похвалы: они точно следовали приказам и не позволяли себе ничего лишнего.

Тойоны-сюняи – сотники, а затем арбанай – десятники в свою очередь сделали замечания своим людям. И только после этого Мухулай пригласил уставших, взмыленных от пота охотников к дележу добычи.

Разожгли костры, в больших чанах варили потроха. Мясо разделявали на длинные узкие полоски, коптили на дыму, развешивали для сушки. Потом, довольные охотой, покрасневшие от жара костров и обильной пищи, чревоугодничая, неторопливо ели, снимая мясо ножами с костей, выскребая их до белизны, прихлебывая загодя припасенную для такого случая кислую молочную архи. Завязывались обстоятельные разговоры, кто-то заводил песнь...

Вестовой на рыже-пегом коне объехал охотников, пригласил тойонов-сюняев к Мухулаю.

* * *

– Хорошая была сегодня охота! – чуть улыбаясь и приглашая всех жестом к трапезе, проговорил Мухулай. – Молодежь показала себя. Особенно твой Мэргэн отличился: у него острый глаз!

Аргас сдержанно кивнул, понимая, что речь пойдет о другом. Мухулай не торопился, давая возможность проголодавшимся суньям и старейшинам насладиться пищей. Аргас давно уже не испытывал той страсти, с которой молодые суньяи поедали куски парящегося мяса: неторопливо, смакуя, он снимал с ребрышка мясные дольки, выскребая кость до сияющей белизны.

– Наступает конец дням, когда мы могли вот так вольно охотиться и жить спокойно... – заговорил вновь Мухулай, когда в лицах охотников появилось отдохновение сытости. – Видит Бог, мы никому не грозили силой. Но теперь уже найманы, как нам донесли, собираются двинуться в нашу сторону!..

Лица охотников тотчас посуровели, а в глазах молодых суньяев даже заблестели огоньки воинственного азарта: для них война была еще и возможностью показать себя, выдвинуться, прославить имя свое и род свой.

– Я думаю, наше войско должно иметь другое устройство. До сих пор перед каждым новым сражением мы поручали руководить войском новому выборному человеку. В малых столкновениях – это себя оправдывало. Но в большой войне может начаться разброд. Скажем, выберем мы сегодня Ходо – он распорядится по-своему, а завтра вновь выбранный Мадай начнет дело с другого конца... А в результате, от арбаная до мегеня никто не будет знать, что делать. Нужен один человек, для которого войско, военное дело – станет основным делом! Тойонов-суньяев и мегенеев-тысячников назначит сам Хан своим указом. Важно правильно подобрать людей. Этим займутся шесть тойонов-чербиев – советников Хана, и пятеро самых уважаемых стариков, лучше других знающих родословную каждого: Усун, Аргас, Содол, Джэлмэ, Мадай.

– Позволь сказать? – насупился в задумчивости гордый и обычно медлительный Усун.

– Говори, говори...

– Если, к примеру, мегенеем будет один тойон, то как расти другим? Ведь, допустим, суньяй стремится отличиться в бою, чтобы в следующем бою быть уже мегенеем!..

– У мегеня – десять суньяев. Он может поручить ведение боя одному из них, не снимая с себя ответственности. Сам суньяй может вызваться вести бой вместо мегеня, если получит его согласие. Все действия будут оцениваться старейшинами, тойонами-чербиями, на совете с Ханом. К тому же тойоны будут уходить с поста, сохраняя за собой звание: если воин стал мегенеем, то чин мегеня остается за ним на всю жизнь...

– Что же получается?.. – развел в недоумении свои нечеловечески огромные пятерни Усун. – Я теперь останусь мегенеем, даже если стану немощным и буду лежать у старухи под боком?!

– Посмотрите на него, – засмеялся толстый Мадай, отчего лицо его стало еще шире, – он и в немоци собирается со старухой лежать!..

Все заулыбались: в свои почтенные годы Усун напоминал племенного быка – прямой затылок переходил в крепкую шею, а та, в свою очередь, в мощные покатые плечи, как бы перерастающие в богатырские руки... Мало кто до сих пор мог сравниться с ним в борцовских поединках!

– Да, – продолжил Мухулай, – ты теперь навеки мегеней.

Аргас настроженно относился к изменениям в укладе жизни, но это нововведение ему пришлось по нраву: оно укрепляет род.

– Хан пока еще не назначил мегеня вашего мегена, – обратился Мухулай к остальным собравшимся, – не определены еще пока и шесть суньяев. Вот я и хочу вас спросить: кого вы до поры можете выбрать на место мегеня, чтобы этот человек мог заняться подготовкой к войне?

– Благодарю вас, друзья! – воздел тяжелые руки тучный Мадай. – Мы вместе прошли не одну войну, одержали не одну победу. И мне приятно, что вы сейчас смотрите на меня и меня хотите видеть своим мегенеем. – Мадай, как всегда, самонадеянно опережал события. – Но, догоры, силы мои уже не те, пусть командуют молодые...

При этих словах Мадай почему-то кивнул на Аргаса, хотя был с ним одногодок.

– Согласен с тобой, Мадай, согласен, – кивнул Мухулай. – Заслуга твоя велика, большинство из нас прошли твою науку, чтобы стать хорошими нукерами!..

– Да, – поддержал Джэлмэ, – мы одержали не одну победу и с Божьей помощью не раз одолевали превосходящего нас числом и оружием противника: или, меркитов, татар, кэрэитов... Но ныне на нас идет враг, превосходящий нас неоднократно. В тойоны нам нужно выбирать не молодых и не старых, а тех, в кого будут верить все, от мала до велика.

– Надо готовиться к долгой войне, – коротко сказал Аргас.

– Кто будет мегенеем, решит Хан, – подвел черту разговору Мухулай. – А до той поры задачу подобрать сюняев, подготовить тысячу к военным действиям я возлагаю... на Аргаса.

Старый охотник и воин казался себе недостойным звания мегеня даже на время, но в беспрекословном повиновении перед вышестоящим в роду опустил на правое колено, склонил голову:

– Ты сказал, я услышал.

После сытного обеда и решенного дела подоспела пора испить араки: пошла чаша по кругу...

– Догор, зайдем ко мне, – по обыкновению, широким жестом подхватил Аргаса под локоть Мадай, когда тот отвязывал узду своего коня.

– Зачем? – Аргасу не нравились молодецкие выходки Мадаю, который ко всему прочему еще и выглядел старше своих почтенных лет.

– В кои-то веки заделались тойонами: я – сюняй, как ни говори, а ты вообще... считай, мегеней! Это дело надо отметить!..

– Полвека тебя знаю и не могу понять: ты и впрямь такой или прикидываешься? Страшная война на подходе, а тебе все хаханьки!.. Ну, скажи, зачем ты выскочил вперед других в разговоре с Мухулаем?..

– Я и сам не понимаю, сказал, а потом думаю: чего это я ляпнул?

– Аргас, сделай его сюн алгымчой – охранной сотней, – встрял в разговор Усун. – Потрясет свое толстое пузо день и ночь в седле, может, поумнеет!..

Усун подтянул потуже подпругу и поскакал в сторону своего стана. Аргасу и Мадаю было по пути. Они помчались рысью по безбрежной заснеженной степи. Солнце уже садилось за край земли, но еще лило свой вечерний тихий свет, рассыпаясь искорками в каждом хрусталике талого снега.

– Чох, чох!.. – припустил галопом коня Мадай и, оглядываясь и посмеиваясь, высоко взмахивая плетью, стал уходить вперед.

Аргас вздохнул было, придерживая рванувшегося вслед коня, не желая участвовать в детских шалостях старого друга, но тотчас выиграло, застучало в неожиданном мальчишечьем азарте сердце, пятки сами шлепнули скакуна по бокам, взметнулась плеть, и с гиканьем, припав к гриве, он понесся, полетел, словно выпущенная из тугого лука стрела.

– Чох!.. – кричал в небеса Мадай, которому склониться вперед мешал живот, и он скакал, как бы отвалившись назад. Но при этом ему удавалось быть ловким и держаться крепко в седле.

– У-ра-а!.. – поравнялся с ним Аргас.

– Ура! – поддержал его воинственный клич Мадай. Так, бок о бок, их кони взбежали на пригорок. Но на самой вершине конь Аргаса резко пошел вперед...

– Подожди, догор, сдаюсь! – взмолился Мадай.

Аргас проскакал по дуге и, останавливаясь, вздыбил коня – ну, чисто юнец! Вздыбил коня и Мадай, показывая, что он хоть и поотстал, но удалы пока еще хватает!.. Смеясь, друзья съехались, дальше им было в разные стороны.

– Ну что, догор, может, все-таки завернешь ко мне, – в глазах улыбающегося Мадая появилась печаль, – а то и впрямь, удастся ли нам еще посидеть спокойно за чаркой араки, потолковать...

* * *

Возле сурга старых воинов-охотников встретили два сына Мадая, приняли поводья.

– Дай бог нашим детям такой жизни, какую прожили мы... – сказал в умилении Мадай.

– Мы жили, вечно защищаясь, жили в страхе. Мы не развязали ни одной войны.

– Разве это плохо?..

– Это было бы хорошо, если бы мы сейчас были сильнее найманов. наших детей может ждать иная слава!..

– Дай-то бог, дай-то бог...

Парни даже не вошли в юрту. Пока друзья усаживались, очень молодая и красивая женщина поставила перед ними кожаную чашу с сушеными молочными пенками и белые глиняные пиалы, доставшиеся Мадаю после битвы. Женщину можно было принять за дочь или невестку Мадая, но по тому, как тот оскалил в масляной улыбке свои лошадиные редкие зубы, стало ясно, что это его младшая жена. «Он и пригласил для этого, – подумал Аргас, – чтобы погордиться молодухой...»

– Ты суровый человек, Аргас, – заговорил Мадай, подливая другу чай, – а мне, если честно, всю жизнь больше нравилось спать со своими женами и кочевать со скотом...

Щемящей негой обдало сердце Аргаса: с малых лет ему рисовалось счастье именно таким – степной костер, табун лошадей вдали и нежные, ласковые глаза любимой рядом... Но большую часть жизни он провел в седле, с колчаном за спиной и острой саблей на поясе. Как, впрочем, и Мадай... Помолчав, отхлебнув чайку, Аргас сказал то, о чем любил думать:

– Что наша жизнь в сравнении с задачами рода?..

– Ты думаешь, мы одолеем найманов?

– А разве у нас есть выбор?

Молодая хозяйка подала парящееся мясо на огромном блюде. Мадай и Аргас, вооружившись длинными отточенными ножами, принялись за него со страстью: у Мухулая им было не до еды...

– Ты решил уже, кого можешь предложить в сюнйи? – не оставляла забота Аргаса.

– Пока одного могу предложить...

– Кого?

– Твоего сына, Мэргэна.

– Зелен еще!..

– Зато и ловок, и на глаз острый!.. Его хоть сейчас арбанаем можно ставить!..

– Рано, рано. – Аргасу трудно было быть категоричным.

Подспели бозы – мелко рубленное мясо в тесте, – приготовленные на пару. Мужчины откусывали края, с чмоканьем выпивали наваристую жидкость, а уж потом поедали бозы. И только теперь, когда муж и гость насытились, молодая хозяйка подала бурдюк с аракой.

– Говорят, что в стране большого холода люди сначала пьют, а потом едят... – проговорил Мадай, наполняя чарки.

– У разных племен – разные обычаи. Но наши предки были умными людьми!..

Помянули в молчании великих предков: сначала, как водится, окропили аракой землю, точнее, кошму, на которой сидели, плеснули на четыре стороны духам, выпили... Терпко-кисловатая арака налила приятной тяжестью ноги и сладко затуманила голову. Аргас невольно глянул искоса на красивую молодуху, мелькнула мысль, что и он еще вполне мог бы... Но

тотчас отсек ее, сдавил невидимыми перстами сердце: не только поддаваться соблазнам, даже думать о подобном не время!..

– А все-таки, Аргас, мы были с тобой не последними людьми в роду! – поднял воодушевленно чарку Мадай. – Нам есть чем гордиться!

– Гордиться... – как-то опечаленно задумался Аргас – Если мы и можем гордиться, то только тем, что принадлежали великому роду.

Подняли чарки за великий род.

– Догор, ты меня, конечно, прости, – пьянея, проговорил Мадай, – но ты можешь сегодня, хоть один вечер, не думать о том, что будет завтра, что нас всех ждет... а просто посидеть, порадоваться, что мы с тобой вместе, выпиваем, едим... Съешь еще лопатку кулана, а? Какой жирный кулан-то, будто осенний!..

– Прости и ты меня, догор, но не могу... Не могу не думать.

Выпили за землю, которая вскормила их – за Великую степь.

– А почему раньше, догор, мы с тобой никогда вдвоем не сидели, не толковали?... Жизнь, можно сказать, рядом прошла, и как-то все...

Аргас понял, что пора домой: за жизнь они с Мадаем не единожды и выпивали вместе, и толковали...

– Давай-ка, догор, спать, а с утра подумай: кого предложишь сюнями. Испытывать людей будем вместе...

Годы брали свое: по дороге домой, после съеденного и выпитого, Аргас почувствовал смертельную усталость. Подумалось даже, что вот подыщет он арбанаев, сюняев, организует тысячу – и на покой... А в сражениях будет участвовать как рядовой: не потянуть в тойонах!..

Залаяли собаки.

– Кто? – послышался оклик караульного.

– Свои...

– Мегеней! – подобострастно вытянулся караульный. Усталость как рукой сняло: собранным, подтянутым военачальником проехал Аргас.

И только дома, перед старухой своей, единственной женой, можно было вновь расслабиться. Она не спала, как всегда, дожидалась. Мерцал огонь у очага.

– Что поздно? – спросила тихо жена, не переставая мять еще не выделанную кожу.

– Был на совете, – проговорил ей в тон Аргас, все еще погруженный в свои мысли, – а потом завернул к Мадаю...

– Я так и подумала. Поэтому людей уложила, тебя не дожидаясь. А дети так устали после разделки добычи, что толком даже не поели, завалились спать.

– Как младший? Он сегодня хорошо поохотился!

– Спит. Больше не пушу его, у ребенка еще кости не окрепли, а ты таскаешь его наравне со взрослыми.

– Когда окрепнут кости – мозги заостенеют... – пробормотал Аргас. – А что ему сейчас усталость – выспится, и как жеребенок!

Жена приоткрыла чан, и сурт наполнился запахом еды. В круглой деревянной чаше она поднесла мужу шипящие в жире мелко нарезанные олени потроха. Аргас принялся есть с таким аппетитом, будто у него с утра не было ни росинки во рту: так было всегда – как ни хорошо, ни сытно кормили в гостях, а из рук жены все казалось вкуснее и лучше. Даже воды она поднесет – и у воды особый вкус!

– Что, снова война?

Аргас даже вздрогнул от неожиданности: старуха, казалось, научилась слышать его мысли...

– Да, тревожно... – ответил он уклончиво.

– О, горе горькое, – вздохнула жена, – никак не дают нам пожить в спокойствии...

Аргасу стало нестерпимо жаль ее, за годы совместной жизни он тоже стал понимать мысли жены – ее дума была о детях, о сыновьях...

– Мы сильны, но немногочисленны. В этом наша беда.

– Найманы?

– Найманы...

– Большой род, очень большой. И очень богатый...

– Скоро отправляем обоз с сушеным мясом в глубь степей, может, тебе поехать с ним, навестить родных?

Старуха ярче раздула огонь, протянула мужу кусочек обжаренного жира, ветку багульника:

– Нет уж, Аргас, век с тобой прожила, придется – с тобой и помирать буду... – вздохнула, глядя в глаза мужа. Помолчала и вдруг добавила с женской капризностью: – Но если я тебе мешаю, скажи, уеду беспрекословно.

– Как ты мне можешь мешать, когда еда не из твоих рук – уже не еда для меня, чай, налитый не твоими руками, – мимо рта течет!.. Просто хотел, чтобы ты съездила, погостила, распорядилась там чем надо, мало ли что... Мэргэна взяла бы, с родными повидаться...

– А пожалуй, и верно, съезжу, – оживилась жена. – А Мэргэна там и оставлю, все помощь мужская...

– Не мели пустое!.. – вскипел Аргас. – У нукера одна судьба: хороший воин – хороший человек, плохой воин – совсем не человек!..

– Ну, ладно, тогда вернется...

– Нет, – стал непреклонен старик, который сам и предлагал взять Мэргэна, – пусть ходит на учения. А то он не очень-то любит приказы исполнять!..

– Вечно ты так... – проворчала старуха.

Легли спинами друг к другу, как поссорившиеся люди.

– С Божьей помощью до сих пор нам удавалось одолевать врагов, – молитвенно проговорила старуха в темноту. – Не прогневим Бога мы, Бог не оставит нашего великого Хана...

Глава третья

Неожиданная весть

Мы здесь. И всегда будем. А вы?..

Откуда вы родом? Где берут начало ваши кровные корни?

Не знаете?! Не помните?!

О, бедняги, сироты несчастные без роду, без племени, забывшие свое имя, перекасти-поле, не ведавшие предназначения, утратившие судьбу, бродяги заблудшие...

...Но все равно, несчастные они наши.

Легенды о древнемонгольских вождях

Чингисхан привычно не спал. В сиянии ночного светила, глядящего за край земли, Тэмучин пытался найти ответ на вопрос, преследовавший его в последнее время: где конец войны?.. Когда-то он, юнцом, думал, – одолеть бы тайчиутов, от которых бегал по всей степи, словно заяц, – и задыхал бы вольно!.. Но после тайчиутов были меркиты, кэрэиты, распри между гольскими родами, а конца войне не видно, более того, кажется, она только еще начинает разворачиваться: чем больше силы твои, тем мощнее идет на тебя противник!..

Весть о новой войне принес знаменитый батыр Уй Хунан, правая рука Алагыс-Тэгина, великого Хана онгутов. Уже по гулкому, ночному лаю собак, которые нюхом чувствуют звание и положение человека, Тэмучин понял, что прибыл не простой вестовой. А когда караульный сообщил, что это батыр Уй Хунан со срочным посланием от Алагыс-Тэгина, Чингисхан уже знал, о чем пойдет речь. Поэтому, несмотря на ночь, он решил принять его подобающим образом: в сурте для большого сугулана, где обычно собирался военный совет. Не было у него сомнений и в том, что созвать своих ближайших тойонов ему придется этой же ночью.

Уй Хунан был уже немолод, толст, с седеющими волосами и очень зорким взглядом округлых глаз.

– Слушаю тебя, великий батыр Уй Хунан, – обратился к нему Тэмучин.

– Чингисхан, меня послал к тебе Алагыс-Тэгин, восточный Хан онгутов. Алагыс-Тэгин сказал так: «Найман Тайан-Хан грозит напасть на тебя войной, унести с собой твой лук. Мне он предложил примкнуть к нему, стать его правой рукой. Но я ушел в сторону».

Чингисхан знал, что рано или поздно придется встретиться в степи с многочисленными и сильными найманами... Но не ждал, что так скоро. Видно, недооценивал он себя: если найманы собирают войска и зовут на помощь Алагыс-Хана, значит, видят, что он может стать для них угрозой.

– Хан, – продолжил Уй Хунан, – я выполнил поручение, теперь позволь мне убраться так же тихо, как пришел: путь мой должен остыть, след исчезнуть, словно не человек приезжал, а ночная птица пролетела...

– Передай Алагыс-Хану, что я в долгу перед ним! Добро его сам всю жизнь помнить буду и детям своим накажу!.. Благодарю и тебя, батыр Уй Хунан, за твою великую услугу, отодвигающую беду... Не прими за расплату, а прими за знак признания доблести твоей подарка от меня...

Одарил Тэмучин Уй Хунана щедро, дал сопровождающего в дорогу и добрых коней, чтобы, пересаживаясь с одного на другого, можно было день и ночь скакать без передышки.

* * *

Совет той же ночью созвать не удалось. За тойонами были разсланы мальчишки-порученцы, но мало кого они застали в своих суртах: люди охотились, разъехавшись в погоне за добычей по степи. Собрались военачальники только к вечеру следующего дня, после хорошей охоты возбужденные и шумные; последним чуть ли не с песнями ввалился брат Бэлгитей, улыбаясь всем своим блестящим от пота лицом и радостно шуря мутные от араки глаза. У Тэмучина никогда не получалось быть взыскательным к нему: очень уж тот напоминал ему его дядю, славного батыра Бэлгитея, в честь которого брат и получил свое имя. Но на этот раз гнев в нем разыграл не на шутку.

– Посмотрите друг на друга... – обвел испепеляющим взором Чингисхан своих военачальников. – Кого вы видите?! Потомков великих монголов или сирое племя, готовое стать дичью для настоящих охотников?!

Тойоны разом притихли. Тэмучин прошелся из стороны в сторону и заговорил, сменив тон:

– Высокие божества – свидетели, что мы никогда не желали чужой крови, не искали ссор и раздоров, не наносили первыми ран. Но зависть, корысть, властолюбие не оставляют врагов наших, желающих сделать нас рабами!.. На этот раз войну нам готовят найманы!..

Единодушный вздох удивления и оцепенения послышался в ответ, и настала гнетущая тишина. Шаги Хана нарушили ее, словно стук сердца в обмеревшем теле.

– Время они выбрали неподходящее, – проговорил сдержанный Мухулай, – снег рыхлеет, оседает, а зелень еще не проклюнулась...

– Только охота хорошая пошла! – досадливо махнул горячий Хорчу, будто только в том беда и состояла, что нарушена охота.

– Лошади еще мясо не нагуляли, как на таких воевать?! – озадачился молодой, но знающий себе цену Аччыгый.

– У найманов – тоже не нагуляли. Тут мы равны... – ответил ему Хорчу.

– Равны, да не очень, – осанисто поднял голову Джэлмэ. – Найманы – народ древний, с громкой славой и несметными богатствами. Еще во времена Инанчи-Билгэ-Хана, отца Тайан-Хана, все роды почитали их как старших братьев, искали у них защиты, справедливости... Вокруг них соберутся множество мелких родов, примкнут к ним и побежденные нами. Каждому из нас придется драться с шестью. Нам нельзя быть неповоротливыми!

– Добавь к этому, – согласился Хорчу, – что с ними сам Джамуха!

– Воевать сейчас с найманами – это добровольно лечь на стрелы, – заключил Мухулай.

– И что ты предлагаешь?! – возмутился Аччыгый. – Сдаться без боя, что ли?!

– Зачем? Нужно окружить их по степи, увести в свои земли, хорошо нам знакомые, дожидаться лета и начать бить их разрозненные отряды, – развивал тактическую мысль Мухулай.

– Погоди, догор, – захопал глазами Бэлгитей, – чего-то я не пойму... Вы что, собрались на наши пастбища, в наши станы, к нашим семьям привести найманов?! В свое гнездо орла?! Да вы что?! Налететь на них немедля, пока они собираются, да и делу конец! Они же уверены, что мы будем сидеть и дрожать здесь! А мы опередим, и на их земле им по головам-то!

Все рассмеялись. Но тут же стало ясно, что подвыпивший Бэлгитей сказал не последнюю глупость. А по тому, как посмотрел Хан на Бэлгитея, словно через него, вдаль куда-то, было понятно, что и Тэмучин услышал в словах его разумное зерно. Но Чингисхан до поры до времени старался не выказывать своего отношения к чему-либо, тем более во время общих обсуждений.

Бэлгитей из обороны развернул мысли тойонов в сторону нападения.

– Сердце мое с Бэлгитеем! – первым поддержал его Аччыгый.

– В самом деле, если мы победим найманов на нашей земле, то ничего, кроме походного снаряжения, нам не достанется! – возмутился Хорчу. – А если мы одолеем этих богатеев на их земле – мы же такими станем богатыми! – схватился за голову и вытарашил глаза.

Тойоны дружно расхохотались.

– Вот молодец! – воскликнул Джэлмэ. – Война еще не началась, а он уже добычу считает!

Тэмучин проговорил вдруг серьезно:

– Каждый монгол достоин того, чтобы быть Ханом в среде другого народа.

Простые слова Чингисхана странным образом тронули души его тойонов, они вновь затихли, устремив на своего вождя вдохновенностью наполненные взгляды.

– Преимущество найманов очевидно, – продолжил после паузы Тэмучин. – А в чем наши выигрышные стороны?

– Скорость, – сказал Джэлмэ, – большая часть их войска – пешие, они не смогут за день пройти более чем два кеса в день...

– Конники их тоже медлительны, – добавил Хорчу, – они не меняют лошадей в пути и перед боем.

– Наши луки бьют за пятьсот шагов! – заметил Аччыгый. – Таких луков нет ни у кого! Наши передние луки пробивают любые доспехи, а задние легки – наши женщины стреляют из них не хуже мужчин!

– Я говорил о том, что нам лучше увести найманов в глубь наших, хорошо знакомых нам земель, и там закружить, размотать, растерзать их войско, заставить потерять цельность: ведь большое количество – это еще и обуза! – подал голос Мухулай. – Но так же можно действовать и при нападении: бить, собравшись в кулак, в отдельные, наиболее слабые, места их войска и, не ввязываясь в большую драку, мгновенно рассыпаться по степи.

– А к тому времени, – вздохнул Джэлмэ, – когда к месту нашей атаки найманы подтянут пополнение, мы должны уже собраться и нанести удар там, где нас не ждут!

Порешили: самое важное в подготовке к войне – кони и луки. На каждого воина должно быть по три лошади, луки нужны тяжелые и легкие, причем особое внимание важно уделить подготовке хорчу-лучников, умеющих пользоваться силой и направлением ветра.

– С утра завтра людей не тревожьте, – сказал на прощание Тэмучин, – пусть день поохотятся вволю, а к вечеру соберите своих тойонов. Нужно уплотнить ряды мегенов, сюнов, арбанов.

...Третью ночь дуновение войны волновало степь. Наедине с мертвящим сиянием полной луны, в ясном зове предначертанной ему судьбы, Тэмучин отвечал на свой вопрос: «Конец войне для него там, где конец мира...» И вздыхая, обреченно, с умилением и любовью думал о великой своей защитнице и советнице – о матери, его родившей.

Глава четвертая

Ожулун, дочь племени олхонутов

§ 60. От Оэлуи-учэсины родилось у Есугай-Баатура четверо сыновей: Темучжин, Хасар, Хачиун и Темуге. Родилась и одна дочь, по имени Темулун. Когда Темучжину было девять лет, то Чжосчи-Хасару в это время было семь лет, Хачиун-Эльчио – пять лет, Темуге-Отчигин был по третьему году, а Темулун – еще в люльке.
Сокровенное сказание монголов. 1240 г.

Отец Ожулун Хордойон-батыр был одним из самых уважаемых людей среди олхонутов. Правда, почетную прибавку к имени «батыр» ему никто не присваивал, ибо не было у олхонутов Хана, который раздавал бы чины и почести. Племя это не имело и настоящего войска. Олхонуты никогда не жили вместе, оградившись на отвоеванной земле от других народов; они жили порознь, рассыпавшись между иными родами-племенами по всей Великой степи. Стоило боевитым и своенравным родам начать тяготиться соседством с олхонутами, последние тотчас перекочевывали, уходили и даже убегали. Когда на их пути попадались коварные люди, творившие по отношению к ним черные дела, обманывавшие, грабившие, они никогда не преследовали таковых. Что толку усугублять вражду, если не имеешь сил объединить всю степь?

Во все века люди пытались не объединить, а разделить эту широкую, казалось, бескрайнюю степь, обильно поливая землю собственной кровью. Что касается олхонутов, то для них опасность всегда грозила не со стороны великих, многочисленных народов, но шла от племен, подобных себе, таких же перекаати-поле. Впрочем, не только человеческая алчность гнала олхонутов по белу свету, им приходилось кочевать в поисках лучших пастбищ, жизнь равнинных степняков менялась, будто стремительное течение горной реки.

Ожулун была еще совсем девчонкой, когда мужчины стали невольно засматриваться на ее стройный стан, а старцы улыбаться и кивать с таким удовольствием, будто пред очи им являлась их далекая горячая юность. Только великий скаун, равных которому, по признанию старцев, не было столетие, мог сравниться с обожанием, поклонением всего рода, выпавшим на долю прекрасной Ожулун.

Когда Ожулун достигла возраста, уважаемые люди племени собрались вокруг отца ее, Хордойона-батыра, понимая, что настала пора породниться с самыми знатными и могущественными: всё хорошо обдумав и посоветовавшись, с выгодой для всего рода приняли решение сосватать красавицу за Еке-Чилэди – младшего брата одного из самых достопочтенных меркитов Тохтоо-Бэки. Вопрос скоро был решен: стоило Еке-Чилэди раз взглянуть на Ожулун – знатнейший из могущественных меркитов Тохтоо-Бэки прибыл с ужином сватовства к отцу ее, отдавая поклон всему роду олхонутов.

Большой свадебный пир раскинулся на высоком берегу реки. Великие роды не погнушались мелкими племенами, приветив на празднестве всех в округе. Знатное угощение должно было показать, что теперь олхонуты не по зубам, не чета тем, кто по отношению к ним таил корыстные цели, всяким там малым племенам «перекаати-поле»; теперь их берет под свое крыло великое племя меркитов!

Странно, хоть и была на том пиру Ожулун, словно во сне, но знала: все это, уготовленное ей как испытание, временно, настоящее впереди, – главное, настолько огромное, что может раздавить... И тогда уже ее влекло, манило и заставляло волноваться, содрогаться тревожно это неведомое будущее, наполнять покоем веры в свое предназначение, в высокую судьбу Айыы, ведущую по уготовленному пути, рыдай не рыдай.

С замужеством Ожулун стала воспринимать свое прошлое, словно сквозь марево. Отец, мать, братья и сестры, их жизнь в вечных заботах и нуждах были никак не сопоставимы с новой жизнью, наполненной богатством и достоинством. Зато все явственнее, будто это и было подлинной жизнью, стал приходить на ум сон, который привиделся ей лет в десять.

...Вдруг наполнилась степь таким светом, что стало больно глазам. И словно из этого сияния появилась, на диво, красивая, необыкновенно статная, удивительно нарядная женщина. Она плавно, зовуще протянула руку, и маленькая Ожулун, замерев от неизъяснимой радости, подала ей навстречу свою ручонку. Прекрасная женщина повела Ожулун за собой – а под ногами оказалось песок не песок, снег не снег, что-то зыбкое, колыхающееся, будто клубы тумана, так что при каждом шаге обмирала душа... Впереди, сквозь слепящее сияние, Ожулун увидела высокого, белого как лунь старика, который вел навстречу мальчика ее лет... Они приблизились, старик мягкой-мягкой ладонью ласково провел по волосам Ожулун, тепло посмотрел на мальчика, а потом соединил их руки. Не то от света, не то от смущения она не могла глядеть в лицо мальчику, замечала лишь, что он совершенно не похож ни на кого из тех, кого видела она до сих пор в степи: в глазах его отражалось небо, а волосы отливали солнцем... В эти мгновения все ее существо словно перелилось, стало единым целым с его нежной и крепкой ладонью. Старик что-то говорил, шевелилась белая его борода, но одно слово ясно осталось в памяти Ожулун: «Благословляю!»

Проснувшись, она вдруг зарыдала в голос, потому что не хотела, не хотела уходить из этого сна, не хотела понимать, что это только сон!.. Мать взяла ее на руки, как маленькую, качала, гладила, что-то ласково приговаривая. Поднялась и бабушка, развела среди ночи огонь, заварила травы и стала бормотать заклинания. «Может, злые духи проникли в нее, растравили душу ребенка?» – забеспокоился дедушка.

А бабушка, напоив своим отваром, попросила рассказать сон. И выслушав, она изрекла в задумчивости: «Никому больше не рассказывай свой сон. И как бы ни крутила тебя в будущем жизнь, как бы ни было сложно, никогда не иди наперекор судьбе. Высокая Айыы, Всемогущие боги, если ты сама не сойдешь с уготованной для тебя дороги, всегда будут охранять тебя...»

По весне меркиты, не считаясь со многими переходами и водными переправами, решили увезти новую невестку в свои обетованные земли. Боги были благосклонны и наделили приходу той поры ярчайшим благоуханием!

Путников не встречал степной пронзительный ветер, не поджидали весенние похолодания; стада оленей и сайгаков кружили рядом, становясь легкой добычей, стаи гусей и уток летели тучами... В изобилии и благолепии природы можно было без опаски идти по земле любого рода иль племени: никто не хотел потерять предрасположенность богов!..

До середины пути Ожулун провожали мать с отцом, младший брат и дяди по отцу, там простились, и они пошли обратно. А меркиты решили остановиться для отдыха на высоком яру реки Онон. Чилэди с тремя нукерами отправились искать брод. Служанки и молодой каравальный занялась приготовлением пищи, а Ожулун пошла прогуляться берегу.

Ожулун выросла на берегу великого озера, а потому дыхание водных просторов наполняло ее грудь радостью и силой. Красота, сочность жизни ощущались в каждом проявлении ее! Как интересно было наблюдать за резвящимися на залитом половодьем лугу стаями перелетных птиц! А сколь прекрасна степь, как бы на глазах покрывшаяся зеленым ковром, расцвеченным чудесными цветами!.. Даже трудно представить, что уже через какой-то месяц эта дивная степь станет бурой, от жары и зноя будет трудно дышать, и все живое словно бы вымрет.

А вот бы узнать, куда улетают эти прекрасные, разные птицы? Что за удивительные земли, озера и реки их ждут, если они поднимают и уводят туда свои выводки каждый год? И почему возвращаются вновь?..

Ожулун, сняв кожаные сапожки, шла по кромке воды, когда из-за молодых порослей камыша с громким хлопаньем крыльев поднялась стая лебедей. Лебеди, выстраиваясь косяком,

пролетали очень низко, так что Ожулун видела их круглые глаза, красные лапки. Вдруг птица, летевшая первой, вздрогнула, издала гортанный, какой-то совершенно человеческий крик и камнем понеслась вниз. Следом из камышиных зарослей взметнулась вторая стрела, не задев птиц, с высоты она впиалась в подножие ствола засохшей ивы. Ожулун выдернула из дерева стрелу, наконечник и оперение которой были невиданной формы и изящества.

Камыши зашевелились, захлюпала вода под чьей-то поступью... Ожулун спряталась за дерево. Снизу на берег в несколько прыжков поднялся парень. Был он в высоких торбазах, чтобы бродить по воде, на плече висел небольшой лук, за спиной колчан, полный стрел с дивным опереньем, а на золоченом поясе жарко отсвечивали на солнце украшенные драгоценностями ножны с рукоятью ножа, тут же висело огниво.

А разглядев лицо парня, Ожулун едва удержалась на ногах: был он, действительно, наружности весьма редкой в степи. Светлые золотистые волосы вились тугими кольцами, на белом лице играл румянец, глаза отливали небесной голубизной...

Наваждение или явь, но это был тот самый мальчик, которого видела она во сне десятилетней девочкой, только, как и она, повзрослевший...

Парень поднял убитого лебедя, громко хохотнул и подпрыгнул, как маленький, выдернул стрелу, вложил в колчан, стал искать глазами вторую стрелу... И увидел ее, прячущуюся за ивой... Ожулун вышла из-за дерева, держа в руке его стрелу:

– Ты чуть не убил меня.

Парень смотрел на Ожулун, изумленно ширя свои и без того огромные светлые глаза, будто и она ему казалась наваждением.

– Я... – молвил он наконец, – я стрелял в поднимающихся в небо лебедей, а стрела, как в сказке, привела к царевне-лебедь.

– Ты промахнулся, а я подобрала твою стрелу.

Она протянула ему стрелу и пошла прочь.

– Подожди!.. – воскликнул он. – Поверь, я не встречал девушки краше тебя, откуда ты, кто ты?

– Какая же я девушка, разве не видишь?! – Ожулун тряхнула двумя косами – знаком замужней женщины.

– Я вижу. Но почему я тебя здесь встретил, если не привели тебя сюда боги?

И опять покачнулась Ожулун, услышав то, что давно ждала.

– А ты кто таков? Степной разбойник? Или, может, вор?

– Я военачальник. Зовут меня Джэсэгэй, а звание мое – батыр. – Парень чуть улыбнулся.

– Как же, такой молодой, ты смог получить столь высокий чин?

– После весенней войны мне присвоил его Амбагай-хаган.

– Ну, раз ты такой большой тойон, наверняка имеешь несколько жен?

– Нет, матери пока только ведут переговоры.

– А ты тем временем хочешь погнаться за замужней женщиной?

– Жен выбирают матери, таков закон, а тебя я полюбил с первого взгляда.

Ожулун отвернулась, чтобы скрыть жар, подхлывший к лицу.

– Скажи свое имя!

– Ожулун...

– Ожулун?! Как странно... Будто я уже слышал его, будто я знал его с малых лет!..

– И мне кажется, что я тебя знаю, – проговорила Ожулун, – я тебя видела во сне, в детстве.

Джэсэгэй приблизился, смотрел в глаза, словно хотел в них раствориться, но не касался ее. Она слышала его дыхание, чувствовала тепло, и как тогда, в детском сне, ей начинало казаться, будто она переливается, перетекает в этого необыкновенного юношу...

– Прощай. – Ожулун стремительно зашагала прочь.

– Ожулун! Я найду тебя! Отвоюю у любого племени или народа! – прокричал он. – Скажи только «да»!!!

– Да... – услышала она с недоумением свой голос и бросилась бежать.

Под чанами уже горел огонь, издали вкусно потягивало готовящейся пищей. Слуги в предобеденной суете, похоже, даже и не заметили, что она отлучалась. Чилэди с людьми еще не вернулись.

«Да не сон ли это был вновь?.. – начинала сомневаться в случившемся на берегу Ожулун. – Как же я, замужняя женщина, могла так разговаривать с первым встречным?! Но ведь он же не первый встречный – он тот, кого еще в детстве нагадала судьба!.. А судьбе нельзя перечить, говорила бабушка!.. Что будет? Что ждет меня? Что нас ждет?! Нет, нет, что со мной, нельзя так, я же замужняя женщина!..»

Ожулун, словно в забытии, сидела перед огнем, языки которого напоминали золотые кудри встреченного на берегу парня, уголья вспыхивали его глазами, такими родными, давно-давно знакомыми...

– Переночуем здесь, – ударом кнута врезался в ее грезы голос, она вздрогнула, хотя и не сразу поняла, что это был голос мужа.

Чилэди спрыгнул с коня, передал поводья своему человеку.

– Брод мы нашли, но очень далеко, а коням надо передохнуть, – присел он, улыбаясь, напротив Ожулун, сомкнул в своих ладонях ее руки. – Отправимся с утра пораньше.

Его дочерна смуглое лицо блестело от пота. В сознании Ожулун мелькнула картина предстоящей ночи, сердце стиснуло от ужаса, но что самое страшное – ей показалось это грехом неверности перед тем, которого она против воли своей называла в мыслях суженым!..

– Нет! – вспыхнула Ожулун. – Давай отправимся сейчас! Или переправимся на другой берег вплавь и там заночуем?!

– Что с тобой? Ты чего-то боишься?! Тебя кто-то напугал?! Тут был кто-то?! – обратился он к старому слуге Нахаю.

– Кому тут взяться... – развел руками Нахай. – В это время людей бояться не стоит.

– Дичи полно, – поддержала мужа старуха Маргаа, – от сытости даже хищник обретает добрый нрав.

– Так что с тобой? Почему тебе не нравится здесь? – Чилэди вновь посмотрел на Ожулун.

– Нет-нет, – отвела она взгляд, – нравится. Просто почему-то захотелось на тот берег...

– Ладно, – по-отечески улыбнулся муж. – Пообедаем и отправимся в путь. Еще не поздно. Переправимся и переночуем на том берегу.

У Ожулун не то в глазах потемнело, не то она их просто закрыла от стыда: лучше бы Чилэди не был так заботлив...

– Не искупать бы невестку, – улыбнулась Маргаа. – Ей продолжать великий род, а вода еще холодная...

– Я с людьми отправлюсь вперед: одни подготовят переправу, а другие переправятся на тот берег и начнут разводять костры, чтобы к прибытию молодых все было готово. Но прежде надо накормить людей.

Челядь, как условились, двинулась сразу после обеда. Ожулун провожала их взглядом в непрекращающейся тревоге. Но уже скоро на противоположной стороне реки, вдали, запылали огни. Она успокоилась.

Чилэди тем временем сам запряг лошадь, усадил, легко приподняв, жену на арбу. Сел верхом на своего скакуна, а поводья упряжи привязал к седлу. Ожулун прилегла на мягкое ложе из овечьих шкур и под мерное покачивание задремала.

Проснулась в страхе: из-за укрытия арбы не было видно, что происходит снаружи – земля, казалось, гудела под топотом копыт, воздух раздирали чужие воинственные кличи. Она, едва удерживая равновесие в подпрыгивающей арбе, приоткрыла завесу. Чилэди нещадно хлестал

коня, устремляясь к реке. Лошадь в упряжке неслась следом, вытянувшись, как стрела. А наперез мчались всадники! Того, который был во главе их, она не могла не узнать...

Чилэди на скаку выхватил лук и стрелу из колчана. Сердце Ожулун вздрогнуло – она испугалась, но не за Чилэди...

– Нохо! – хрипло и густо прокричал один из всадников. – Только попробуй выстрелить, безмозглый меркит. Выпустишь одну стрелу, получишь семь!

Чилэди взревел, как зверь, и натянул тетиву: он был настоящим воином.

– Не надо! Не надо, Чилэди! – вырвалось из груди Ожулун. – Видишь, сколько их. Что ты можешь сделать один?! Не губи свою жизнь! Не губи ее из-за меня!

Чилэди замер на мгновение, приподнявшись в стременах: на берег реки взметнулись из низины верховые – его люди!.. Но это была пустая надежда – вражьи всадники стояли цепочкой, отрезав путь.

– Мы не тронем ни тебя, ни твоих людей, ни твое добро, – проговорил их командир. – Мы пришли за той, которую ты везешь на арбе.

– Уйди с дороги! – вновь вскинул лук Чилэди. – Я получу семь стрел, но в тебя я успею выпустить свою!

– Я не стою твоего светлого дыхания, Чилэди, – еще раз остановил его голос жены. – Девушку, подобную мне, гораздо лучшую, ты найдешь в каждом сурте. Если Бог не хранит наш союз, значит, у нас разная судьба. Не надо идти судьбе наперекор.

Чилэди глянул на нее в оторопи странной, как бы невидяще, потом на командира всадников, на Джэсэгэя, обмяк весь, сжался, ткнулся лицом в гриву коня, резко, то ль со стоном, то ль с криком орлиным взмахнул саблей, отсекая поводья арбы, и так, накренившись, помчался во весь опор, не разбирая пути... Конные молча расступились перед ним. Не приостановившись возле своих, Чилэди с ходу бросился в воду и пустился с конем вплавь на другой берег.

Ожулун резко сомкнула полы арбы, оставшись в полной тьме: она еще не вполне понимала, что произошло, – не могла поверить, что извечный зов высокой судьбы Айыы так внезапно изменил ее жизнь. Было удивительно: только что она была женой меркита Чилэди, и уже не его жена. А чья? Пока ничья. Что же будет? Что ждет ее? Оправдается ли до конца давнее видение, или судьба готовит ей уловку?

Полы арбы резко распахнулись, ударил свет в глаза.

– Я пришел к тебе, Ожулун.

Как и тогда, во сне, она увидела Джэсэгэя в лучах слепящего солнечного сияния: сверкала кольчуга, искрился островерхий шлем, и ниспадающие золотистые кудри казались небесными...

– Ты ждала меня?

– Да.

Теперь Джэсэгэй взял поводья упряжи, а рядом с арбой, по обе стороны, поехали, как догадывалась Ожулун, родные его братья: один совершенно юный, безусый еще, но очень плотный, крепкий парень, другой – уже немолодой.

– Эх, братишка, какую девушку мы отбили у этих меркитов! Глаз не отвести! – восторженно восклицал первый.

– Не думай, дитя, что ты попала в полымя, – утешающе говорил второй. – Ты нашла свое счастье! Мой брат Джэсэгэй – отпрыск великого рода, стать одной из его жен – честь для любой девушки! А недавно сам Амбагай-хаган присвоил ему звание батыра, достигающееся только лучшим из лучших!

Она сидела в углу арбы, смотрела на реку Онон, привораживающую своим мерным течением, в голове проносились видения детства, свадебного пира, вставало перед глазами скорбное лицо Чилэди, уже такого далекого, совершенно чужого, что даже было страшно представить. А не случись все это, не явись Джэсэгэй, неужто так и прожила бы она?

Вдруг подступил комок к горлу, хлынули слезы, и она ничего не могла поделать с собой, заплакала, зарыдала в голос, со всхлипами и стоном. И, словно переживая вместе с ней, заволновалась река, тревожащая рябь пошла по водной глади.

– Посмотри, брат! – в изумлении промолвил младший, Бэлгитей. – Само небо от голоса ее закручивает вихри...

– Может, это знак? Может, пока не поздно, пока не начались другие бедствия, вернуть ее?.. – продолжил старший, Ньыкын-Тайджи.

– Нет, убай. Мне беда с ней не страшна, – повернулся к Ожулун с улыбкой Джэсэгэй. – Ожулун, милая, почему прекрасные твои глаза полны слез, почему вздрагивают в горечи твои чудные губы, о чем скорбит твой певучий голос?

Ожулун хотелось ответить, что она плачет от счастья, но стыдно было признаться в этом при всех, стыдно было за свое счастье перед далеким уже, но не забытым еще Чилэди, и вместо ответа она лишь всхлипнула громче и закрыла лицо руками.

– Тогда условимся так, – посуровел Ньыкын-Тайджи. – Пока отвези девушку в свой сурт, а мы с Бэлгитеем срочно съездим к олхонутам.

– Зачем?! Я все равно на ней женюсь – на этом оставим разговор.

– Не мели пустое! – стал вразумлять брата Ньыкын по праву старшего. – Ты что, хочешь сойтись с женщиной, будто животное, не узнав, каких она кровей, кто были ее предки?! А если род ее окажется увечным, хворым, а то и с дурной болезнью, передаваемой из поколения в поколение?! А ведь она должна стать твоей старшей женой – женой-хотун!

– Да не ослеп ли ты, брат мой? Разве белое ее лицо, ладный стан, ее движения и манеры не говорят тебе о том, что эта девушка доброго, почитаемого рода-племени?! Бэлгитей, скажи ты хоть слово!

– Что говорить! По мне, так будь она самого последнего рода – красивей девушки я не видел!

– Вижу я и понимаю все не хуже вас... – пробормотал Ньыкын-Тайджи, вздохнув. – Но надо съездить, надо переговорить с родными. Надо, чтобы все было по-людски. Если твои дети не будут знать и чтить предков матери своей, тогда не уповай и ты на высокое потомство, которое может прославлять твой род в веках! Да и сам ты, в двадцать лет получивший чин батыра, рядом с безродной женой можешь стать перекаати-полем – вольным, свободным, но без родных и близких!

Вскоре послышались первые признаки человеческого жилья – лай собак, бляение баранов, мычание коров. Взгляду Ожулун открылась просторная низина со множеством суртов, окруженных для обороны цепью арб и кибиток.

– Плачь громче, – вдруг со смехом сказал Бэлгитей, – сейчас все сбегутся посмотреть, кого это мы привезли!

И Ожулун, чуть всхлипнув, тотчас замолчала, и просветлел лик ее, будто не было слез, да и небо – о, чудо! – сразу же прояснилось, и опускающееся за станом солнце словно бы распахивало молодым свои объятия.

– Не девушку ты, брат, нашел, – зарделся в улыбке юный Бэлгитей, – а чудо!

Остановились у белого сурта в центре. Ожулун поглядывала вокруг, пряча глаза, ожидая, что действительно все сбегутся, станут рассматривать и расспрашивать, но у этого племени, видимо, были другие обычаи: люди продолжали заниматься своими делами.

– Приехали, Ожулун, – подал ей руку Джэсэгэй. – Войди в мое жилище.

Ожулун хотелось одного – быстрее скрыться с глаз людских. Но она подала неспешно руку, степенно спустилась с арбы, сдержанно улыбаясь.

Джэсэгэй, не выпуская руки, ввел ее в сурт. Следом ввалился с тяжелой ношей Бэлгитей, кажется, прихватив с собой сразу все тюки и сундуки с приданным.

Увидев брошенными посреди чужого жилища вещи, так любовно собранные ее матерью, которая где-то далеко сейчас и ничегошеньки не знает о ее судьбе, Ожулун опять разрыдалась, припав к тряпью, пахнущему родной стороной.

Джэсэгэй потоптался рядом и вышел. Тотчас вбежали две девушки, стали оглядывать Ожулун со всех сторон, щебетать.

Ожулун при них не стеснялась плакать, а наоборот, повернувшись к ним, стала искать сочувствия и понимания.

– Посмотри, Алтынай! – воскликнула одна из них с китайским говорком. – Просто диво, как она хороша!

– Да, Хайахсын, она прекрасна!

– А как стройна, какие у нее длинные косы! – восхваляя, утешала китаянка Хайахсын. – А шея просто лебединая!

– И где только брат мой разыскал такую красавицу, сравнимую только с Божьим оленем! – в тон ей говорила Алтынай.

– Ну, что ты, не надо плакать! Радоваться надо, что стала любя такому парню, как Джэсэгэй! Любая девушка почитала бы это за счастье! Только бы уговорить стариков! – искренне озабоченная, Хайахсын повернулась к Алтынай.

– Мой младший брат – любимец всего рода. Матери не станут противиться его желанию. Только не смей тогда плакать, когда они будут смотреть.

При этих словах вернулся Джэсэгэй. Девушки бросились вон, игриво переглянувшись. Ожулун не хотела, чтобы парень видел ее заплаканное лицо, отвернулась в показной сердитости.

– Ожулун... Ожулун, повернись ко мне. Я хочу видеть твой небесный лик, хочу смотреть в твои чудные глаза!

– Не повернись... – выговорила она с трудом.

– Но почему? Почему?! Что случилось?! Чем я обидел тебя?!

– Ты поймал меня среди поля, силком, как дичь!

– Но ты же сама сказала «да»...

– Я не поняла... Я сказала «да» потому, что твой образ виделся мне в детском сне, как предсказание судьбы, но я не думала, что ты налетишь кочетом на нашу повозку и... и заберешь меня, как добычу!

– Выпущенную стрелу не вернешь, – ответил Джэсэгэй спокойно, но голос его выдавал сдержанное чувство влюбленности. – Подумай до возвращения Ньыкын-Тайджи. Если согласишься стать моей женой, отвезу тебя обратно к родным. Отправлю богатые дары твоему мужу, чтобы простил за своеволие и ошибку. Что еще остается виноватому?!

Затем он повернулся к выходу так резко, что пламенем взметнулись его светлые волосы, и вышел из сурта стремительный и прекрасный, словно видение!..

Джэсэгэй больше не появлялся. Время для Ожулун стало тянуться необыкновенно медленно. День не кончался, а с долгожданной ночью не забирал сон. Она лежала с открытыми глазами, смотрела во тьму, и ей виделось, как отец, выслушав вест от Ньыкын-Тайджи, выгоняет в страшном гневе незадачливого свата со двора! Тот возвращается, низко свесив голову... И Джэсэгэй отвозит ее к родителям. А дальше что? Неужели век вековать с Чилэди, если тот еще возьмет ее, оскорбленный... Ах, зачем, зачем она испытывала судьбу, вертящуюся по высшему предсказанию?

Лишь к утру второй ночи она сама не заметила, как заснула. И в сладкой неге, в слепящем сиянии солнца привиделся ей мальчик, очень похожий на того, из детского сна. С такими же светлыми, спадающими на плечи волосами, только пошире костью и с недетским, будто обозревающим все видимые с небес земли, взглядом. Проснулась она в необычайной легкости, радуясь пробывавшемуся в куполе сурта свету.

– Дитя мое, – словно продолжение сна, вошел в сурт Ньыкын-Тайджи, – весть о случившемся в степи долетела до твоих родителей раньше, нежели принес ее я. Они уповают на судьбу. Теперь слово за нашими стариками. Я отправляюсь к ним. А ты соберись, принарядись – поглядят на тебя ласково старухи, все решится добром.

Тут же прибежали Алтынай и Хайахсын с двумя девушками, стали прихорашивать, наряжать Ожулун: одни расчесывали, заплетали ей косу, другие примеряли, надевали украшения...

– Идут! – заглянула пятая девушка.

Все они мгновенно исчезли, словно растворились.

Медленно и важно вошли в сурт три старухи. Ожулун догадалась, что это матери Джэсэгэя, но какая из них родная, сразу было не понять.

За ними следом вновь появились Алтынай и Хайахсын. На глазах старух они принялись раздевать Ожулун. От неожиданности и стыда Ожулун не могла пошевелинуться. Изо всех сил она старалась сдерживаться, помня предостережение Алтынай: «Не смей тогда плакать»... Но слезы сами покатались по щекам.

Старухи ходили вокруг голой девушки и рассматривали, будто коня при покупке: поглаживали шершавыми ладонями ее тело, щупали суставы. Запустили пальцы в волосы, нашарили шрам, оставшийся после падения в детстве. Зашушукались.

Когда она оделась, начали с пристрастием выяснять родословную. Все интересовало – здоровье отца и матери, предков, положение в роду, почести, склонность характеров... Потом принялись расспрашивать о детстве и юности самой Ожулун, о том, что умеет шить, как готовит...

Она так и не разобрала, какая из старух родила Джэсэгэя: за долгую жизнь вместе они сделались похожими друг на друга, как глиняные чашки, отлитые в единой форме. Старухи как вошли, так и вышли гуськом, переваливаясь, как три гусыни, так ничем и не выразив отношения к избраннице своего любимого сына. Но сердце подсказывало Ожулун, что она им понравилась.

Вскоре вошел Ньыкын-Тайджи, подтвердил ее догадку. Но при этом озабоченно добавил, что Джэсэгэя срочно вызвали в ставку Хана.

* * *

В те дни среди монголов распространилась страшная весть.

Амбагай-хаган, который сосватал свою дочь за главу племени Айыр, чтобы породниться и установить мир с воинственными татарами, провожая молодую к ее суженому, пропал без вести на пути к озеру Буйур-Ньюур...

Джэсэгэя вызвали в ставку хагана и поручили отправиться вслед ему. Батыр с тремя сюнами воинов, каждый из которых имел сменного коня, вернулся уже через пять суток, разувшись: Амбагай-хагана подстерегли татары из рода Джогуна и отвели его к Алтан-Хану. Более того, в степи Джэсэгэй встретил человека из рода бэсиит по имени Балагачы, которого Амбагай-хаган успел отправить перед пленением с посланием сыновьям своим: Хабул-Хану, Хутуле и Хадаану. Послание гласило:

«Слушайте! Меня, великого хагана народа монгольского, убили выродки степей с черными помыслами, когда я провожал выдаваемую мной замуж дочь. Мстите за меня, уничтожайте их злой дух, пока не будут истерты ваши десять пальцев. Сотрите черный род с лица земли, разбросайте пепел по ветру, превратите в прах и пыль. Сделайте так, заложите тяжкий камень их судьбы, чтобы потомки всех племен и родов в степи проклинали нечестивых за тяжкий грех!..»

Это сказал я, великий вождь народа монгольского – Амбагай-хаган...»

Завещание великого хагана сначала огласили в ставке перед большими тойонами, потом отправили вестовых разнести его по всей степи, до самого дальнего костра.

И каждый из монголов, преклонив колени, отвечал завещанию Амбагай-хагана клятвенными словами: «Ты сказал, я услышал!»

Все вокруг закипело подготовкой к войне.

Джэсэгэй-батыр дал распоряжения тойонам-мегеням своего тумена – десяти тысячного войска – и отправился решить вопросы своей личной жизни. Перед войной, конец которой никто не мог предсказать, надо было это сделать как можно скорее. Он еще не знал, что решили старухи, как отнеслись к Ожулун, но хорошо помнил: матери имели виды на дочь одного из почтеннейших тойонов рода тайчиут по имени Сачыхал, вели о ней переговоры.

Как выяснилось, старухам Ожулун пришлась по душе. Но поскольку первая жена становится старшей, женой-хотун, матери были за ту, которую знали лучше: за Сачыхал. Джэсэгэй с этим не согласился.

– Даже взрослому, зрелому мужчине, по обычаю предков, не дано решать свое будущее из одного лишь желания обладать той или иной женщиной. А что говорить об увлечении юноши, пусть даже и заслужившем высокий чин. Твои чувства еще много раз пройдут и улягутся, – говорила старшая из матерей.

– Ты в двадцать лет стал батыром, породнившись с родом тайчиут, ты впоследствии можешь стать Ханом... – утверждала средняя из матерей.

Казалось, противиться невозможно. Но все решило провидение...

Степь облетела новая весть: Амбагай-хаган по приказу Алтан-Хана был не просто убит, он был распят на доске и выставлен в степи на обозрение каждому! Неслыханное поругание!

Более того: это был знак презрения к народу монголов как неспособному постоять за себя! Смертельная обида! Мстить за нее надлежало до последней капли крови: война должна была окончиться только тогда, когда один из народов исчезнет с лица земли...

– За свою жизнь я многое видел, узнал, немалого добился, – в эти тяжелые дни Ныкын-Тайджи вдруг завел разговор по душам, – но не знал я жизни с женщиной, которую любил. Любил по-настоящему, всем сердцем. Всех жен мне выбрали матери. Ты их знаешь: это хорошие женщины, крепкие, выносливые, способные выдержать большие переходы и быть рядом даже во время войны. Но, оказывается, сердцу не удается забыть ту, на которую когда-то смотрел с любовью. Так и живешь с горечью в душе... Если не проявишь сейчас твердости, решительности, как в бою, так и будешь жить с грузом памяти, с сердцем порознь... Тогда Джэсэгэй сказал матерям:

– Нам предстоит большая война, которая решит судьбу монголов и судьбу всей Великой степи. Пока со мною Ожулун – я непобедим. Если при наших земных жизнях мы не увидим конца сражений, Ожулун родит мне сына, который отстоит нашу честь.

– Что ж, – молвила младшая из матерей, родившая Джэсэгэя, – Ожулун девушка достойная.

– Да разве мы против нее... – согласились разом старухи.

Не мешкая справили свадьбу.

Монголам предстояло избрать нового хагана. Поскольку в завещании Амбагай-хаган назвал имена сыновей Хутулу и Хадаана, так и порешили: хаганом сделали Хутулу, а Хадаана – главнокомандующим.

Обряд посвящения свершили на горе Хорхонох, которая величественно и одиноко возвышалась среди равнины. Вершину горы увенчивала раскидистая могучая лиственница, своей вековой древесной крепостью воплощавшая образ сильной власти и величия рода. В знак поклонения духу племени монголов ветви ее были унижены салама – тонко сплетенными шнурами из конского волоса с гривастыми пучками на конце, у корней лежали дары.

Монголы восходили на гору с тяжелыми камнями в руках и укладывали на вершине, выражая этим участие каждого в общем деле. Потом они танцевали вокруг дерева, двигаясь согласно движению небесного светила, то широко расходясь, то сближаясь и крепко держась за руки, осознавая свое нерушимое родовое единство.

Джэсэгэй оглядывал окрестности – и дух перехватывало: с высоты Обо – священного места – степная ширь виделась такой же беспредельной, как и небесная... Река Онон, то делаясь многопалой, то вновь собираясь в единое русло, блестела, как слюда, и казалась совершенно недвижимой... «Так же и вся жизнь, – подумалось Джэсэгэю, – если смотреть на нее вблизи – движется, течет, меняется, а если взглянуть издали, глазами далеких предков – многое ли изменилось?..» Джэсэгэй ощущал незримое присутствие своих прародителей, наблюдавших сейчас за ним из недр верхнего мира, и сердце, грудь батыра словно бы становились вместилищем всей степи, всех просторов под синим куполом небес, где род монголов творил свое бессмертие.

Так, размышляя о том, как мал и ничтожен человек сам по себе и как он величествен в вековой цепи рода, Джэсэгэй спустился с людьми со священной горы Хорхонох. Близилась ночь, стремительно надвигались тучи, сгущаясь у вершины могучей лиственницы. Вдруг небо словно треснуло, и бог верхнего мира во гневе послал огненное копье прямо в священное дерево, расщепив его... Это был дурной знак. Дерево не сгорело, но, затянувшись с годами в пораженных местах корой, так и осталось многоствольным... Стало терять свой былой блеск и громкое звучание славное имя монголов, ибо племя все более распадалось на отдельные родовые стволы, которые в упоении движением собственной судьбы забывали о принадлежности к единым корням.

Но об этом отдельный разговор.

Глава пятая

Неумолимая судьба, тяжкое предназначение

На Священной горе Хорхонох тойоны коленопреклоненно произносили такие слова клятвы перед восседавшим на белом покрывале Ханом:

*Когда мы, вознеся Тебя над нами
На белом покрывале почетном,
Признав заместителем Бога на земле,
Свершим обряд посвящения в Ханы, —
Мы будем преданы Тебе сердцами и помыслами,
Преклоним пред Тобою головы,
Слово Твое будет непререкаемо,
Каждый приказ Твой будет исполнен
беспресловенно!
Когда свергнем врагов наших, полоним и
К Тебе приведем самых прекрасных девиц,
Самых славных скакунов народов чужих
В мирное время к тебе пригоним,
С просторов степных, из лесов дремучих
Лучшую дичь и добычу.
В дни битв жестоких,
Если не станем мы щитом
Твоим и защитой,
Отрежь нам головы и пусти их катиться по черной
земле!
Если в мирное время нарушим слово Твое одно,
Отлучи от домов нас родных,
Изгони прочь в пустыню...*

Легенды о древнемонгольских вождах

Война не прекращалась ни зимой, ни летом. Тринадцать раз монголы вступали в битву с татарами, но никому не удавалось взять верх: каждая из сторон возвращалась восвояси, оставляя на поле брани неисчислимые жертвы. Завещание Амбагай-хагана сыновьям Хутулу и Хадаану и народу монголов не было выполнено.

Только батыр Джэсэгэй из всех битв выходил победителем, с малыми потерями, приводил полчища плененных, пригонял захваченный скот, обозы... Но не радость и торжество вызывали успехи его у почтенных тойонов, дела которых не ладились, а зависть.

Правда, самые бывалые и совсем молодые Джэсэгэя просто обожали. «Если бы не было с нами нашего Джэсэгэя, позора бы не избежать!» – честно признавались они.

Добыча шла впрок – все просторнее становился курень молодой семьи, все больше суртов появлялось в их стане, все труднее было Ожулун справляться одной с хозяйством. К тому же она ждала первенца.

Наступил день, когда пришли к ней матери Джэсэгэя и сказали, что хозяину пора подыскать вторую жену. Что делать? Отправилась со старухами на смотрины...

Хотя и плакала, стенала душа при мысли, что Джэсэгэй отныне будет принадлежать не только ей одной, но, увидев Сачихал, она смеялась и расхваливала невесту больше других.

Ревность, зависть, вражду среди жен монголы считают позором!.. Их отношения более близкие, теплые, чем между сестрами! Таков обычай.

Но человек есть человек, будь то даже женщина, особенно любящая. Родственники Сачихал не скрывали огорчения, что не их дочь, а какая-то пришлая стала женой-хотун. Сама Сачихал, уже пережившая однажды возможность выйти за Джэсэгэя, сразу же возненавидела Ожулун. Прямо, конечно, этого не высказывала, но обида сама за нее говорила: посуду мыть начнет – гром на весь стан устроит, убираться – пыль столбом! Губы свои в кровь искушает, пока поручение жены-хотун выполнит. Ожулун пересиливала ее и себя одним: делала вид, что ничего худого не замечает.

И в самом деле, как ее могли волновать дразги, если за десять лет жизни с Джэсэгэем Ожулун родила пятерых детей? Сачихал почти за это же время – двоих. Но жизнь воина, даже непобедимого, часто обрывается внезапно...

Непобедимому, словно заговоренному от стрел и острого клинка, батыру Джэсэгэю не суждено было пасть на поле брани, а погиб он от чаши с ядом, угодливо поданной на званом пиру коварной рукой. Вернулся он тогда домой, скатился с коня, за гриву держась, с лицом, будто росный лист, посмотрел на нее, на детей глянул, улыбнулся виновато, вздрогнул всем телом и... рухнул наземь.

Потемнело в глазах Ожулун, и долго она жила так, словно не видя бела света. Сачихал же будто только того и ждала, стала в ту пору необычайно мстительна, пренебрегая всеми заветами по отношению младшей жены к жене-хотун.

Обычай и обеты даны людям, чтобы человек не превращался в зверя, а в жизни его был лад. Нарушение заповедей, когда придет время, карает сама жизнь.

Первенца, рожденного Ожулун, назвали Тэмучином.

Тэмучину еще не исполнилось и года, когда Сачихал родила Бэктэра.

Тэмучин рос крепким, белокурым, как отец, с каждым днем все более делаясь похожим на того юношу, которого она видела во сне накануне замужества.

Бэктэр словно унаследовал всю затаенную злобу и завистливость Сачихал. Последняя, по своему скудоумию, часто подогревала его черную мстительность: «Если бы не перебежала дорогу мне эта безродная тварь, я стала бы женой-хотун!.. О, злые духи, отнявшие счастье у вас, моих сыновей, которых всего-то двое, как два рога у одной коровы!..» Стоило Бэктэру услышать самую малую похвалу по отношению к любому из братьев, даже к своему единутробному, он менялся в лице, начинал задираться, а то и лез с кулаками.

Ожулун не раз умоляла Сачихал не говорить плохого, не поносить ее, жену-хотун, чтобы не накликал беду на детей. Та умолкала, поджимала губы и твердила лишь, что она ни про кого ничего не говорит, больно ей нужно.

Горе не заставило ждать...

Тэмучину было пятнадцать, когда мать и сородичи призвали его:

– Пришла пора, бери род бурджугут.

К той поре уже давно полегли в битвах многие из достойных. Некогда многочисленное племя бурджугут без вождя захирело, стало слабым. Но мудрости старейшины не растеряли, поставив во главе рода еще незрелого годами юношу славного происхождения. С Тэмучином бурджугуты начали набирать силу с каждым днем, так что из забытых и затравленных они очень скоро превратились в серьезную угрозу для враждебно настроенных соседей.

Все шло на лад, как действия бурджугутов повсеместно, прямо-таки с колдовским наваждением, принялись опережать тайчиуты: не успевал род перекочевать, перебраться на новые земли – несколькими днями раньше в этих местах оказывались тайчиуты, обосновывались, разбивая стан...

Причина могла быть одна: завелся корыстный нос, все вынюхивающий... Чей он был – определить непросто. Тайчиуты и бурджугуты, хоть и враждовали веками, имели общую родо-

словную. Достаточно сказать, что правителем тайчиутов был Таргытай Кирилтей, родной брат Сачихал, которую Тэмучин, несмотря на все ее козни, согласно обычаю, почитал за такую же мать, как и родившую его. Так что среди того и другого родов находились люди, которые занимали сторону противника – зов крови не пересилишь...

Тэмучин собрал совет: старейшины долго обсуждали поведение людей, вызывающих сомнение. Что они делали, не отлучались ли надолго в последнее время? Сначала решили установить слежку за подозреваемыми, но поняли: тайчиуты за это время оттеснят их род в пустынные земли. Да и как знать, что предатель именно среди тех, кому не доверяют старейшины.

– Вспомним наш древний обычай, – сказал вождь, у которого только начали проклевываться усы. – Пусть каждый, о ком вы говорили, пройдет испытание меж двух огней.

Разожгли высокие костры, так что искры, казалось, уносились в звездное небо. Старейшины и колдуны сидели кружком и наблюдали, не сводя зорких глаз: огни должны были указать предателя.

Первый подозреваемый, крепкий парень, имевший близких родных среди тайчиутов, шагнул смело и надменно, не скрывая своего гнева. Взвилось пламя костров пуще прежнего, и в толпе зевак раздался единый вздох, ибо для непосвященных все зависело от движения огней. Но старейшины и колдуны следили и судили по-иному.

За ним пошел второй, растерянный и жалкий, – его чуть не слизало пламя, словно прогоняя от себя. Но и этого колдуны и старейшины отпустили с Богом.

Так миновали огни все «ненадежные», но колдуны с непроницаемыми лицами лишь качали головами.

– Все, весь род от мала до велика должен подвергнуться испытанию! – вскричал Тэмучин и первым показал пример, прошествовав столь величественно и уверенно, что даже огни поугасли, притихли в трепете перед ним.

И Тэмучин стал искать глазами того, кто последует за ним. Вдруг взгляд его уперся в странное, очень знакомое и в то же время совершенно чужое, какое-то несуразное, «не свое», как подумалось мельком, лицо. Только в следующее мгновение он понял, что смотрит на родного брата, на Бэктэра.

– Иди... – произнес Тэмучин тихо.

Бэктэр шагнул, но ноги его не слушались, подкашивались, как у старика, дергались...

Всколыхнулось, скрестилось пламя кострищ над головой испытуемого так, что в следующий миг огонь мог объять и поглотить человека.

– Я не виноват!.. – с воплем бросился прочь от костров Бэктэр. – Я случайно рассказал дяде Таргытаю о наших планах, а он потом меня стал заставлять, сказал, что на всю степь объявит, что я доносчик и соглядатай, и на всю жизнь меня опозорит! Что мне оставалось делать?!

Тэмучин помолчал. Посмотрел на старейшин, окинул взглядом весь собравшийся род.

Во всполохах огня лица казались особенно суровыми и торжественными.

Люди ждали. Костры нетерпеливо трещали и подгоняли жар к голове.

Он еще раз оглядел воинов. Взгляд пал на могучего джасабыла Баргыя, исполненного редким покоем.

– Я, Тэмучин, сын Джэсэгэя-батыра, поручаю тебе, джасабылу Баргыю, по обычаю предков свершить над предателем казнь! Я сказал!

Баргый вздрогнул: того, кто лишал жизни ханского отпрыска, обезглавив, хоронили вместе с убитым.

– Ты сказал, я услышал, – тихо, но твердо произнес Баргый.

– Все из-за тебя, из-за матери твоей приبلудной! – пуще прежнего завопил Бэктэр и бросился к коню.

Его схватили и скрутили. Исполнили все по обряду: джасабыл Баргый убил Бэктэра, пронзив сердце выстрелом в спину. Перед могилой опустился на колени, наклонив голову в готовности принять смерть.

– Мы, новые люди – люди длинной воли, меняем старые порядки, – решительно подошел к нему Тэмучин и поднял с колен. – Сын Хана ниже последнего раба, если он предатель! Долг и честь – мера всему! Я освобождаю тебя, джасабыл Баргый, от исполнения отжившего обычая: перед Всевышним Тэнгри отвечать буду я.

– Брат мой, – приблизился к нему тринадцатилетний Хасар, – я с тобой. Пусть и на меня падет ответственность за содеянное.

* * *

Широка степь, но малейшая весть непостижимым образом облетает ее мгновенно. Старцы-мудрецы, считавшиеся «оком земли», неспешно обдумывали, оценивали каждый примечательный поступок представителей великих родов, вымеряя их по ярким деяниям веков минувших. Приговор старцев пред одним отворял врата будущего, другому же грозил стать неодолимой преградой – так выравнивалось родовое русло, несущее воды поколений.

Вокруг старейшин всегда вертелись молодые прихлебатели, готовые с лета подхватить сказанное слово и донести его в надежде на мзду или милость благодетеля высокочтимым Ханам. Были среди них и горячие головы, терпеливо выжидающие сообщений о большой войне, в которой даже самые обычные люди могли разбогатеть, а лучшие и умелые – прославиться.

– Этот поступок полон скрытого смысла, – пространно выразились старейшины о Тэмучине с Хасаром, взявшим на себя ответственность за смерть Бэктэра.

По-разному слова их истолковали люди.

Тойонам, арбанаям и сюням, джасабылам и порученцам пришлось по душе, что Тэмучин спас джасабыла Баргыя от неминуемой смерти. «Юноша станет настоящим, великим вождем!..» – повторяли они друг другу взахлеб.

И тайно вынашивали мечты, когда наконец-то нарушится это мерное течение жизни, при которой воины превратились в сторожей и караульных, в мелких драчунов междоусобиц, не приносящих большой наживы: разве можно разбогатеть только одним скотом, который приносит приплод раз в году, да и то если мор не повалит или зной не выжжет степь? День и ночь биться ради прокорма этого скота, чтобы в конечном итоге его увел или отбил налетом какой-нибудь злой чужак! Куда как веселее добыть богатство и славу на лихом скакуне, саблей вострой да посланной точно в цель каленой стрелой: распахнись душа, горячись кровь! Для людей мелкого звания юный Тэмучин предстал тем человеком, решимость которого могла взвихрить степь, дав шанс возвыситься свой удел.

Ореол справедливого Хана весьма насторожил, даже напугал многих монгольских вождей. Они признали содеянное Тэмучином неслыханной дерзостью. Бэктэр был потомок великих Ханов как по отцовской, так и по материнской линиям, смертный приговор мог ему вынести только Хан более высокого звания и рода...

Особенно лютовал Таргытай Кирилтей. На него пал позор: где это видано, чтобы своего же племянника сделать предателем рода?! Вся степь осудила Таргытая, считая главным виновником случившегося – много ли нужно ума, чтобы сбить с пути истинного незрелого подростка, тем более безотцовщину!

Таргытай Кирилтей не удумал ничего лучшего, как расправиться с Тэмучином: то ли ядовитый язык сестры сделал свое дело, то ли еще что, но ненавидел он этого гордеца, как и мать его, терпеть не мог, и все тут!

Три сюна двенадцать восходов солнца и двенадцать лунных ночей охотились за Тэмучином, травили его по всей степи, как зверя. Схватили в ночь тринадцатую спящим у затухающего костра на горе Бурхан-Халдын. Привезли к Таргытаю. Тот без колебаний повелел надеть на шею и ноги Тэмучина колоды. Три дня держали без воды и пищи, а на четвертый Таргытай заговорил с ним:

– Я помогу тебе стать настоящим Ханом, буду оберегать твой род, но ты для меня будешь узнавать планы своего покровителя Тогрул-Хана...

Жить очень хотелось. Остро обозначился молочный запах степи, напоминающий о воле. Но Тэмучин почувствовал, что ему не страшно стать частью этой сухой земли, весело сотрясаемой копытами лошадей. Там, в верхнем мире, дух отца примет его таким, каков он есть, но отвернется, если хоть вздохом он изменит себе. Жалко было только, что у него нет сына, который бы отомстил за отца!

Тэмучина подвергли пыткам, но жить оставили, правда, в колодах. Он не догадывался тогда, что этот первый ранний опыт плена ему сгодится.

Пока же Тэмучин вынашивал план побега. Случай представился во время праздника 16-го дня первого месяца лета.

Тайчиуты, по обыкновению, пировали широко. Степь дурманяще наполнилась запахом жарящегося мяса, сменяющегося при дуновении ветра кислотатым ароматом араки. Тэмучин, борясь с головокружением от обострившегося голода, высасывающего последние силы, внимательно наблюдал за происходящим. Вдруг в кругу пирующих мелькнула знакомая фигура. Сначала он подумал, что почудилось, – но нет, трудно было ошибиться, ибо такой прыти, верткости и сноровки, как у этого человека, не сыскать во всем белом свете! Да, в число празднующих тайчиутов каким-то образом втесался его побратим Джамуха. Скоро он увидел и старшего брата Джамухи, известного в степи конокрада и разбойника.

– Эй, друг, – приближался развеселый Джамуха к стражнику, – чего это у тебя тут человек-то в колодах в такой день – и не пьяный?! Непорядок... Грех это большой. За это можно накликасть беду. Ну-ка немедленно сними колоды!

Степь в это время содрогнулась от конского топота.

– Лошадей! Табун угнали! – началась паника среди празднующих.

Ярмо, надетое Таргытаем Кирилтеем, обернулось для Тэмучина венком славы: по степи пошла гулять легенда о мужестве и бесстрашии молодого вождя.

А старцы-мудрецы, не долго размышляя, из произошедшего сделали такой вывод:

– Степь тоскует по сильной и властной руке.

* * *

За тридцать лет Ожулун научилась жить и думать так, будто ее Джэсэгэй находится где-то рядом. Домашние хлопоты, забота о детях, вокруг которых она крутилась с утра до ночи, опекая, закладывая родовые понятия, не утомляли ее. Она чувствовала присутствие рядом любимого – это бы Джэсэгэй одобрил, радовалась жена-хотун, а за это бы, наверное, пожурил... Глубокой ночью, когда ноги подкашивались от усталости, она порой подолгу не могла заснуть, глядя на таинственные небесные светила, заглядывавшие в открытый дымоход сурта. Именно оттуда, с неба, чудилось, и смотрел на нее, склоняясь, Джэсэгэй, величественный и заботливый...

Сразу после смерти мужа Ожулун, как подрубленное дерево, начала сохнуть, что называется, на корню. Ничего не ела, ни с кем не разговаривала, – Сачихал говорила ей прямо в глаза, что на нее страшно смотреть. Тогда Высокие Божества вновь дали знать о своем присутствии. До сих пор она не может разобрать, во сне ли то происходило, наяву ли? Ночью в звездном

небе появился светлый лик того самого седовласого старца, который когда-то вложил ее руку в руку Джэсэгэя. Оглушительным голосом старик прокричал ей:

– Женщина!.. Не смей поддаваться унынию! Не жалея Джэсэгэя, а радуйся за него: он выполнил земное предназначение и взят богами выполнять более высокую задачу. Ныне он уже вошел в сонм богов! Ты также несешь в себе надежду богов! Не сходи с пути, который был предначертан для тебя задолго до твоего рождения! Когда свою земную ношу ты донесешь до цели, твой Джэсэгэй придет за тобой – если ты не сойдешь и не собьешься с пути. Пойми это!

Она поняла: самый близкий для нее человек не исчез, погребенный в землю, а где-то существует, наверняка видит каждый ее шаг и знает помыслы, и вернется, когда придет время, чтобы забрать, и тогда уж они всегда будут вместе.

Иссушающая тоска оставила сердце, силы не только вернулись, но, кажется, возросли втрое. Во что бы то ни стало она должна вырастить детей достойными их отца.

Если прежде Ожулун ревниво относилась к Сачихал, то со временем все более стала жалеть, что они не взяли третью женщину – об этом должна была позаботиться она, жена-хотун. Было бы сейчас больше детей, которые потом смогли бы прочнее скрепить род и с божьей помощью объединить вокруг себя все племя монголов. Боги надоумили взять детей-сирот на воспитание, расширить новое поколение рода.

Степеннее, с большим пониманием она стала относиться и к косым взглядам Сачихал. Да, если бы та стала женой-хотун, при поддержке ее влиятельного рода Джэсэгэй сделался бы Ханом монголов. После смерти Хабыл-Хана племя несколько лет оставалось без Хана, раздираемое родовыми распрями. Ни один из родовых вождей не мог признать преимущество другого; Джэсэгэй же как раз пугал всех своей яркостью, исключительностью, совершенством, перед которым прочие тускнели...

Более двух десятков лет потребовалось его сыну, чтобы сделать то, что могло бы достаться ему по наследству: стать Чингисханом, собрав воедино тридцать колен монгольских. Тэмучин взял все лучшее от отца, но еще был наделен и тем, что для Джэсэгэя не имело особого значения, – даром повелевать.

Глава шестая Спасти Ордуу

Там не обретаются также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно.

Плано Картини. XIII век

Мать налила чай в пиалу, подала сыну. По глазам ее, залучавшимся теплотой, Тэмучин понял, что он вновь напомнил ей отца: за три десятка лет она не расплескала любви к мужу. Время также мало тронуло лик ее, лишь легкие морщинки, наползшие на уголки глаз, чуть выдавали прожитые годы.

– Когда я была совсем маленькой, – заговорила тихо мать, – народ, в котором я родилась, олхонуты, был неспособен к настоящей войне. От посягателей на наше добро мы скрывались, уходили подальше. Однажды мы ушли за много-много кес, в иные земли. Там высокие горы, много деревьев и большое озеро. Его называют Бай Кель – Богатым озером. Зима там холодная и длинная, а лето жаркое. Если в этих землях расположить ставку, на которую хищные найманы сразу же начнут охоту, чтобы вырвать из тела нашего племени сердце, враги ее долго не смогут разыскать.

Чингисхан в который раз подивился точности воинского чутья матери, благодаря которому, может быть, весь род и дожил до этих дней.

Когда-то, еще в противоборстве с тайчиутами, в котором о победе не приходилось и мечтать, мать сказала ему: «Знаешь, чем спасается мелкий зверь от крупного: он знает каждую извилину вокруг своей норы или логова. Изучай местность, сделай степь своим союзником».

Дни и ночи напролет Тэмучин с людьми тогда мотался округе, объезжая самые дальние, лесные и гористые места

Приближенные тойоны начинали коситься на него, полагая, что Хан занимается пустым. Зато потом, когда, отступая, как бы спасаясь бегством, со взгорья, к которому хорошо знали подступы, встречали уверенных, потерявших бдительность тайчиутов лучники, а затем, подобно камнепаду, обрушивались верховые – все стали осматривать и ощупывать каждый камень. Затем эта тактика стала существенной частью и большой войны, обеспечивающей успех.

Мать – великий стратег, всего более она печется о ближних, о своем роде. Но, может быть, умение зреть через расстояния и времена и начинается с этой непрестанной заботы о родных и близких?..

Так или иначе, но мысли о создании тайной ставки приходили и ему в голову, только он никак не мог понять: как ее можно в степи спрятать?!

– На лошадях горы перейти трудно, людей можно отправить по реке... – продолжала мать. – По течению они доплывут быстро.

– Да, но как возвращаться?

– Зимой, когда река встанет. На оленях, как делают это тамошние племена.

Тэмучин поставил пиалу. Мать подлила ему пахучего зеленого отвара, чуть заполнив дно.

– А не случится ли так, – вновь засомневался сын, – что тот род, который поселится в северной ставке, поневоле оторвется от всех остальных? Пустит корни и заживет своей жизнью?

– Видимо, нужно будет менять людей. И каждый раз с отправляющейся партией главной ставки назначать нового человека.

– Выходит, в ставке вместе с семейством Хана будет проживать то один, то другой род. Представители разных родов также станут поочередно и главой ставки. Тогда каждый род почувствует себя приближенным к Хану и кончатся извечные раздоры из-за желания сделать главой ставки своего человека?

Мать улыбнулась догадливости сына.

Тэмучин же снова подумал о том, что как он был перед матерью младенцем, так им и остается. Без нее, наверное, уже давно бы выбился из сил и ничего толкового бы не сделал, ибо тяжела эта ноша – объединять разношерстный народ. Но расслабляться нельзя, даже имея такую опору! Боги помогают только идущему, вкладывают мысль – ищущему.

– Не слишком ли ты приближаешь к себе своих военачальников? – посмотрела внимательно мать.

И об этом он тоже думал! Но как иначе, когда столько путей пройдено бок о бок?! Как он может быть недоступным с Джэлмэ, Мухулаем, Боорчу, Хубулаем, Борохулом, Сиги-Кутуком, а из молодых – с Джэбэ и Сюбетеем?! Если как на духу, то он и Ханом-то себя не чувствует, скорее – военным вождем.

– Вершина одна. Даже самые приближенные к тебе люди должны помнить, что вершина монголов – это их Чингисхан. Тогда они будут понимать тебя с полуслова, ловить твои мысли с полувзгляда и делать, о чем ты еще только хочешь подумать!..

В самом деле, кто из великих тойонов войска Чингисхана может угадывать его мысли?

Пока всех, включая самого Тэмучина, явственно опережала мать.

* * *

Не успел Чингисхан откинуть полы своего сурта, как Борте, жена его, прильнув ласково к груди, завела речь, будто слышала его разговор с матерью:

– Приходил Сюбетей, и этот мальчишка так тебя запросто спрашивает, как равного! Чингисхана ему, видите ли, подавай! Ничего себе, думаю! Ты с ними построже, покрепче их держи!

Тэмучин провел ладонью по ее волосам, поглядел с улыбкой. И вдруг с какой-то внутренней оторопью, как от прикосновения к тайному, в лице жены отчетливо разглядел черты матери: с годами сноха делалась все более похожей на кровь! Удивительно, как повторяются времена, как минувшее прорастает в будущем.

Когда-то его отец, легендарный батыр Джэсэгэй, отобрал силой жену у одного из молодых меркитских вождей. Злопамятные меркиты долго ждали отмщения, которое наверняка придумали в свою бытность еще старейшины рода.

И вот уже у него, Тэмучина, сына Джэсэгэя и Ожулун, налетом выкрали жену, когда он привез ее в стан. Борте узнала плен...

Правда, в отличие от меркитского вождя, примирившегося с положением, ему, Тэмучину, удалось вернуть судьбу в свое русло. Мать тогда так и сказала: «Не отстоишь судьбу, так она и закрутит, утянет в свои темные воды, будто в омут!»

– Как дети? – спросил муж.

– Что им, детям! По степи на лошадях наперегонки носятся.

– А младший где?

– С ними, где ему еще быть.

– Он что, уже умеет сидеть в седле?!

– Вот, отец! Расскажи кому, не поверят. Да он еще ходить не умел, а уже в седле держался! И от смеха ее звонкого, от порывистого прикосновения руки захолонуло сердце, до немоты обожгло неодолимое желание, страсть...

И, как всегда в такие мгновения, резанула боль, изъедающая душу ревность к тому поганому меркиту, который обладал ее телом, таким родным, принадлежащим только ему!..

Мать всегда решительно защищала невестку: «Меня лучше укоряй! Она расплатилась за мой грех... Тебе ли объяснять, что человек в плену неволен. Только последний дурак попытается привлечь человека к ответу за действия в подневольном состоянии».

К Борте, особенно на людях, он был внимателен, уважителен, чтобы ни одна собака в степи даже подумать о ней худого не посмела!

– Скоро тебе с детьми придется уехать, – сказал Чингисхан, еще раз с признательностью подумав о проницательности и дальновидности матери. – Северная ставка необходима.

* * *

Хан велел вызвать из сурта, где проходил совет, трех человек: Мухулая, Хубулая и Джэлмэ.

– Как вы думаете, – начал он издали, – что попытаются сделать найманы прежде всего?

– Они считают себя сильнее, – ответил Джэлмэ, – поэтому, скорее всего, ударят по нашему головному войску.

– При количестве их войска, которое превосходит наше в несколько раз, – принялся размышлять Джэлмэ, – они пойдут на нас со всех сторон.

– Я бы на их месте, – высказался Мухулай, – при их количестве и силе сразу же напал на ставку...

Хан обвел военачальников пытливым взглядом и улыбнулся:

– Да, их больше, они сильны. Мы должны быть быстрее и предусмотрительнее. Поручаю вам к вечеру решить: где может располагаться ставка? Я сказал.

– Ты сказал – мы услышали.

Хан сидел в окружении братьев, когда в самый разгар спора тихонько вошел старик – порученец – и шепнул ему на ухо, что пришли тойоны. Хан выпрямился в знак окончания разговора и медленно поднялся. Братьям явно не понравился такой исход разговора, но они повиновались, так же молча встали, склонили головы и вышли.

Хан понимал: увидев у сурта орды – у штаба – трех тойонов, братья обидятся еще больше, поняв дело так, что он им не доверяет. Что поделаешь: многие родственники услышанное в сурте орды начинают разносить по округе, кичливо гордясь близостью к Хану... Так что известными становятся не только грядущие дела, но и еще не выношенные планы...

А в нынешние времена это недопустимо!

По виду тойонов было понятно, что они пришли с готовым решением.

– Сомнений нет: если найманы будут знать, где ставка, то первым делом постараются захватить ее, – сказал Мухулай. – Нужно спрятать ставку, перевезти так далеко, чтобы противнику было не добраться. Хотун Ожунун высказала идею создания северной ставки. Самые подходящие для этого места – леса и горы на берегу Богатого озера – Бай Кель.

– Дорога туда трудна не только для найманов, но и для нас. А главное: там опасность грозит с востока, от хоро-туматов, – выразил сомнение Хубулай.

– О месте нахождения ставки не должен знать никто, – заявил Джэлмэ.

– Но как можно тайно перебраться в далекие края многочисленной ставке? Тем более что найманы наверняка через своих доверенных лиц установили слежку за каждым нашим шагом?! – заинтересовался предложением последнего Хан.

– Маленький зверь делает запасы в нескольких местах, заяц петляет и путает следы... В степи мы поднимем такую кутерьму, при которой никто не сможет понять, что происходит – куда движемся, зачем?! – Джэлмэ уже не мог сдерживать восторг от собственного плана. – В самых разных концах степи мы развернем... пять ставок! Распространим заведомо ложные сведения, слухи – попробуй разбери, какая из ставок настоящая! Пока найманы будут гоняться за этими призраками, ставку орды можно будет переместить в любые дали, так что и следа ее не найти.

– Хорошо, – улыбнулся Хан сдержанно, но не скрывая радости. – Кого вы предлагаете тойоном ставки?

– Усуна, – сказал Хубулай. – Старик лучше других знает местность и привычен к переходам. Ему также можно смело поручить всю организацию по отправке людей для северной ставки.

– Верно.

* * *

Старый Усун, еще не ведая о своем назначении, с утра объявил, что у него предчувствие дальней дороги. Ночью ему снилось, будто он мчится меж каменных громадных гор на быке, подобно хоринцам. Пестрый бык под ним молод и скор, а впереди бежит пегий пес.

Проснувшись, он с тревогой подумал: «Неужели это знак близкой смерти?»

К своему изумлению, Усун, в сотнях боев глядевший в лицо смерти, на этот раз, лежа на топчане в своем сурте, испугался. Одно дело – умереть героем, защищая свой народ, другое – от старости... Что поделаешь, он и в самом деле немало пожил, даже люди, как со временем все острее и раннее начал замечать старый воин, перестают с ним считаться, принимать всерьез.

«Пора, наверное, отказаться от мегенейства, передать свою тысячу более молодым...» – приходил к выводу Усун.

Пока он пребывал в подобных раздумьях и сомнениях, вдруг явился тойон Джасабыл, передал приказ Хана срочно явиться в ставку.

«Вот и все, – забилось сердце старого воина, – сейчас объявят, мол, спасибо тебе, послужил, хватит, передай меген молодому человеку – и на покой. Будешь, конечно, помогать ему советом, подсказкой. Отдыхай!»

И хоть только что Усун сам собирался отказаться от мегенейства, а прямо вот не продохнуть стало от участи такой. Но невозможно же отрицать явное: глаза не так зорки, уши не столь чутки...

По пути старик все вздыхал, а верный конь, словно сердясь и споря с хозяином, все фыркал недовольно и мотал головой.

– Ты кому прекословишь?! – тихонько шлепнул коня по макушке Усун. – Или ты тоже считаешь, что старый Усун отвоевался и теперь даже его конь может ему указывать?! Нет уж, брат, прости, со своими мыслями я пока еще справлюсь без тебя! Вот помру – ждешь тебе недолго осталось, – тогда и фыркай.

Скакун на эти слова опять недовольно оскалился, заржал и понесся во весь опор.

– Ну вот, только мне с тобой и осталось, что по степи скакать, ровно мальчишка!

Так, как бы в споре с конем, мегеней Усун прибыл в ставку.

* * *

– Почтенный старец, – встретил его Хан взаимным поклоном, – в заботах давно не видел тебя. Но я никогда не забывал о твоих заслугах, о помощи твоей в трудные времена. Благодарю, что помог мне увеличить совратившееся войско, сгустить поредевшие ряды...

Сердце Усуна окончательно обмерло: хоть он и ждал этого благодарного прощания, но все-таки надеялся... Крепок же он еще на самом-то деле, многим молодым не тягаться с ним!

– Мой вещий Хан! Дозволь сказать!

– Говори, говори...

– Не сочти, что слишком много возомнил о себе. Но считаю, что всей своей жизнью оправдал имя Усун-Туруун – Долгое Упорство, данное мне моим дядей, Хоомпур Хосууном – признанным вождем рода усун, известного своим упорством, стойкостью, правдивостью, никогда не спотыкавшегося на твердом месте, – выпалил на одном дыхании старик. И продолжил, словно пытаясь опередить ответ: – Хоть и согнуло мою некогда прямую спину неумолимое время, не так остр глаз и чутко ухо, рука не столь тверда, как прежде, но голова моя ясна и молода душа! Поверь, я еще могу делом и правдой послужить великому роду монголов!

Хан даже опешил от такой горячей тирады обычно молчаливого и неторопливого старца.

– Меня радуют твои слова, почтенный Усун-Туруун, – улыбнулся вождь. – Действительно, в эти тяжелые времена я хочу поручить тебе очень трудное дело, поэтому и выбрал тебя. Правду говоря, у тебя и без того много хлопот: командовать сразу тремя мегенами под силу не каждому молодому тойону! Понимаю это, но не нашел более подходящего человека для этого задания.

Старик приободренно насторожился. Глаза его засияли.

– Великий Хан, – опустил Усун на одно колено, – только слово молви: велишь сгореть – пойду в огонь, утонуть – прыгну в реку! Род усунув веки отличался верностью и упорством!

– Я, Чингисхан, назначаю тебя, Усуна-Турууна, главой ставки. Я сказал!

– Ты сказал! Я услышал!

Старый воин молодецки вскочил. Повернулся было к выходу из сурта, но вдруг остановился во внезапной оторопи: до него, кажется, только сейчас дошел смысл нового назначения.

– Но разве справится старик с такой должностью? – в полной растерянности обратился к Хану Усун.

Хан и все тойоны, находившиеся в сурте, громко рассмеялись.

– А ведь только что хорохорился, будто все тебе по силам, – сказал Джэлмэ. – Ничем не можем тебе помочь: указ Хана. Так что теперь ты сам можешь давать распоряжения...

– Тебе нужно срочно решить вопрос о подчиненных, подобрать писаря, посыльных. Время не терпит, – перешел Хан на серьезный лад. – Потом тебе предстоит долгий переход.

– Когда в путь?

Тойоны вновь невольно заулыбались юношескому пылу старика.

– Тем же утром, как получишь приказ, – залучились в улыбке зеленые глаза Хана.

* * *

Усун-Туруун возвращался в стан, очень гордый собою.

Вдруг конь его, фыркнув, опять затряс головой. Старик, словно бы протрезвев, понял, что радоваться нечему, на самом-то деле он попал в передрыгу, если не сказать, в беду... Какой, к шайтану, с него тойон ставки?! Ему с усунами-то управляться было не по силам! А жизнь в ставке с огромным количеством людей и богатств такая запутанная и сложная, что не только руководить, он разобраться в ней не мог!.. Там же, считай, ни одного простого смертного нет: все родовитые, не говоря уже о том, что придется жить рядом с братьями, детьми и женами самого Хана! Управлять ими! Вот попал так попал на старости лет по глупости своей!

Схватился Усун за голову... Но опять конь, собеседник его постоянный, затряс гривой, мол, это ты брось, брат, мы еще себя покажем, перед врагом не пасовали, а тут свои люди-то!

Ну, именитые, высокие званием, так ведь и Усун не последнего рода. А главное: он же не напрашивался – назначили. Сам Хан сказал: «Более подходящего человека не нашел...»

А Хан зря не скажет! Хан все видит! Если Хан решил, что тойоном ставки должен быть старый Усун, значит... Значит, об усунях лучшее мнение, чем у самого Усуна о себе и о своем роде. Ему, Усуну, всегда казалось, что ничем усуну не отличались, ни умом, ни сноровкой, кроме, пожалуй, воловьего упорства и недюжинной физической силы.

По молодости, помнится, его нерасторопность и тугодумие частенько вызывали насмешки, особенно во время облавной охоты или тренировок. Он только еще в строй становился, над ним уже начинали подшучивать. Все усуну были такими – медленно соображали, долго пристраивались. Бывало, раздастся команда «по коням», у уже ноги в стремях, а усуну еще прислушиваются! Все уже умчались, а усуну смотрят, принаравливаются. Правда, в конце концов усуну свое брали, добычи у них оказывалось не меньше, чем у других, но опять же – все уже поели, а усуну еще не распробовали, веселье пошло, над усунями снова подшучивают, считая, что зверь сам бежит на их стрелы. Помалкивают усуну. Будто оглушенные... Сколько раз было: домой уже вернется усун, к старухе своей под бок – и только тут до него дойдет шутка, давай хохотать! Но там, где было не до смеха – в трудных походах, в самых жестоких моментах битвы, – стойкая невозмутимость выводила усуну вперед, в прорыв! Об этом люди тоже знали и помнили.

Глава седьмая Джамуха-Андай

В то время, когда побратались, Тэмучину было одиннадцать лет. Они сказали друг другу: «Слышали мы некогда сказанные стариками слова о побратимстве: “У побратимов одна жизнь, не оставляйте друг друга, в жизни будьте охраной друг другу. Таков закон взаимного братства”. Ныне мы также произносим клятву побратимства – будем жить мирно!»
Лубсан Данзан. «Алтан Тобчи»
(«Золотое сказание»)

Тэмучин даже глаза прикрыл от радости, когда узнал, что Джамуха вышел из рядов найманов и расположил свое войско в стороне, выжидая. Будто гора с плеч: перед началом войны отошли от битв те двое, которые только и могли превзойти его, как он сам считал, в военном искусстве!

Причем первого, Кехсэй-Сабараха, отстранили сами найманы, для которых поход на Тэмучина был чем-то вроде прогулки с целью припугнуть и пожитья. Кехсэй-Сабарах при всех почтенных найманских тойонах назвал Тэмучина военачальником, равных которому еще не знала степь. «Идти против него войском, пусть и многочисленным, и прославленным, но устроенным по-старому, – сущее безумие!» – заявил он.

Джамуха был опасен во всех отношениях: великий ратный удалец, способный увлечь, воодушевить людей, вселить веру в их непобедимость даже при самых тяжелых обстоятельствах. Но главное – Джамуха хорошо знал войсковой уклад, понимал тактику и, наконец, характер самого Тэмучина.

Им было по одиннадцать, когда они побратались. Дело войны не раз их сталкивало на поле брани как врагов, но всегда, когда Тэмучину становилось невмочь, все меркло в глазах от безысходности и оставалось уповать только на Божью помощь, Джамуха уходил в сторону. Сейчас Тэмучин не смог бы ответить, что его больше обрадовало: то, что противник лишился ударной силы, или то, что в тяжелейшее время Джамуха подтвердил верность закону побратимства.

Открыв глаза, Тэмучин удивился таинственному покою степной шири, которую во мраке забот своих перестал в последнее время замечать. И, как всегда накануне свершений, он ясно ощутил присутствие духа отца: златокудрий, стремительный, несказанно красивый всадник, каким запомнился ему отец, непобедимо промчался по степи, незримый для остальных, указывая сверкающей саблей за край неба и земли.

Джамуха всегда напоминал Тэмучину отца: страстностью, горячим азартом, сноровкой и ладом движений. Конь под ним также играл, не в силах устоять на месте, а если уж всадник пускал его вскачь, то оба они, человек и животное, сливались в единое существо, летевшее над землей, подобно легкой стреле. На этом, правда, сходство заканчивалось: Джамуха не принадлежал благородному роду, а это, как ни крути, сказывалось на многом.

– Полностью доверять поведению Джамухи нельзя, – словно подслушав мысли Хана, размеренно заговорил Мухулай. – Как многие безродные люди, он не страшится опорочить свое имя, поэтому ненадежен... Волен творить зло и добро без оглядки.

Да, многие считали Джамуху коварным, лишенным стержня родовых заветов. Он сам тому дал основание еще лет двадцать назад: напал с войском на людей, с которыми всего несколько дней назад ел из одного котла.

Потом он объяснял, будто сделал это ради брата, жившего разбоем и конокрадством. В степи конокрадство никогда не считалось зазорным, не пойман – твое счастье! Даже если хозяин угнанных лошадей узнавал впоследствии, кто похититель, он никогда не выяснял отношения и не пытался мстить – этим он только мог навлечь беду на свой род и лишние пересуды – не будь вороной! Но если попался, пытаюсь угнать лошадей, – головы не сносить.

Тэмучин тогда не оправдывал, но и не торопился осудить Джамуху: после смерти Тайчара, единственно родного человека, который был для него не только братом, но отцом и матерью, вся горечь утраты, весь гнев пылкого Джамухи обрушился на тех, кто удерживал его от связи с братом, помешав в нужный момент оказаться рядом.

Безусловно, прав и Мухулай: родовитый человек так не поступил бы ни при каких условиях – за нарушение одного из основных законов степи пришлось бы расплачиваться в веках всему его потомству! Девушку – не возьмут достойные замуж, юноша – не обретет невесту своего круга. Одно опозоренное имя могло навлечь захирение рода...

– Джамуху нельзя судить лишь по безродности его, – проговорил наконец Хан.

– Сказать по совести, – продолжил прямой Мухулай, – многие недоумевают, почему ты, железный Чингисхан, так благоволишь Джамухе? Да, он твой побратим, но ведь он всех Ханов поднимал против тебя, наш род хотел изничтожить?!

Три года назад вожди самых знатных монгольских родов собрались в местности Алахый-Боллох. Чингисхан был дружно заклеимен, назван человеком, поправшим обычаи предков и степные законы. Все также выразили опасение, что Чингисхан слишком быстро набирает силу, сбивая вокруг себя охочих до перемен людей. Когда впоследствии Тэмучину передавали ход речей на том совете, он удивлялся, как по-разному понимаются следование обычаям и направленность человеческого деяния!

По его разумению, он только тем и занимался, что восстанавливал древние законы, отбрасывая те, которые потеряли смысл, и утверждая живые, спланивающие род! А если он и предлагал новые, то потому, что пришло их время. Стал нанимать уйгуров для обучения монголов письму и чтению – доживи предки до его дней, сделали бы то же самое. Мысленно он называл себя радетелем, даже певцом законов: если бы все монголы придерживались единых, жестких правил – народ мог бы объединиться и явить свое величие! Но Ханам иных монгольских родов не так виделись его намерения.

Сумели они убедить в своем понимании и Джамуху, рассчитывая его не слабыми руками убрать с пути неугодного Чингисхана. Джамуха же, именно по наивности и искренности своей, как был убежден Тэмучин, взялся «отстоять законы предков»...

Там же, в Алахый-Боллохе, Джамуху провозгласили Кур-Ханом – Ханом над всеми Ханам. Обряд свершили по обычаю: привязали к дереву жеребца и кобылу, пустили кровь... Потом, на слиянии рек Эргэнэ и Хаан-Мыраан посадили Джамуху на белую войлочную подстилку, вознесли над собой...

Было решено: объединенные войска под руководством Джамухи должны покорить Чингисхана и его сподвижника Тогрул-Хана. Но Тогрул-Хан и Тэмучин, посоветовавшись, не стали ждать, когда Джамуха соберет все силы, и выступила навстречу.

Не ожидавшие нападения войска Джамухи ушли в горы, где начавшийся не ко времени обвальный ливень смыл большое число лошадей и людей в ущелье. Оставшееся войско, разбившись на пять частей, спасалось бегством: найман Кучулук-Хан бежал по Южному Алтаю в сторону Улуу-Таас, меркиты со своим предводителем Хуту, сыном Тохтоо-бэки, бросились к Селенге, ойураты во главе с Ухудшу-Эки спрятались в лесу Сиксис, Чедю-батыр с тайчиутами бежал вниз по реке Онон. Джамуха в великом гневе догонял еще недавно подвластных ему людей, грабил, отбирал лошадей...

– Кто выиграл в результате этого заговора? Мы, по крайней мере, не проиграли, – улыбнулся Тэмучин.

– А что Джамуха сделал с детьми не покорившихся ему тойонов рода чонос?! Убил всех, а потом велел сварить тела в сорока чанах! Он – вместилище злых духов! Только могила его исправит! – высказывал накипевшее сдержанный Мухулай.

– Да, но после всего этого несколько племен вместе с мощными урутами и мангытами окончательно порвали с ним и присоединились к Чингисхану.

– Они бы и без того перешли к тебе: к тебе тянутся потому, что даже в самые шаткие, неясные времена в твоём сердце не перестают биться сердца предков.

Чингисхан усмехнулся невесело, подумав о долгих путях-дорогах, которые научили его примирять силы свои с веками. По молодости он тоже был горазд рубить сплеча там, где не надо было и саблю доставать из ножен, не очень-то оглядываясь на старцев-мудрецов. Как же, казалось, они могут о чем-то судить, если не понимают силы свистящей стрелы, которой в их молодости просто не было?! Но свистящую стрелу теперь может сделать каждый мальчишка, сила ее обычна, а закон, по которому народ превращается в людей длинной воли, все так же начинается с исполнения заветов!

Может быть, именно в этом их сегодняшнее различие с Джамухой: побратим остается таким же пылким, лихим парнем, каким был в юности.

Когда Джамуха помог ему бежать от тайчиутов, им всего-то было по шестнадцать! Правда, они казались себе очень взрослыми – такие испытания, ну, просто жизнь за плечами!

Добрались тогда до зимника у подножия горы Бурхан-Халдын, у излучины реки Сангыр. Вдруг непогода разыгралась, ливень хлестанул, смывая все на пути: боги оберегали беглеца. Прошло десять дней, двадцать, небо так и не собиралось проясниться. Сидели вдвоем почти безвыходно в сурте, благо были запасы сушеного мяса. Время тянулось медленно, томительно – Тэмучину после колодок и это было за счастье, Джамуха же чуть не выл от тоски! Начал вдруг мастерить лук – да такой отменный лук у него получился, словно человек был рожден для этого ремесла! Не выдержал, несмотря на страшный, бушующий ветер с дождем и градом, пошел охотиться. Первой же стрелой сразил оленя – ликовал до безумия! Стал жарить мясо, протягивал лучшие куски Тэмучину, как это делал отец, когда совсем маленьким брал его на охоту. С годами делаясь все более жестоким в боях, Джамуха не изменился в быту. А сколько они тогда переговорили!

– Так медленно тянулись дни, а вот уже и лето проходит! – удивлялся Джамуха. – Только что была весна, я ждал ее наступления всю зиму, а скоро опять зима...

– Для нас конец лета всегда был радостью, – усмехнулся Тэмучин.

– Почему?!

– Летом нам житья не давали тайчиуты, а осенью и зимой, в слякоть и в стужу, они нас оставляли в покое.

– Придет время, – блеснула ярость в глазах Джамухи, – мы покажем Таргытаю! В норе он будет у нас сидеть, как мышь!

– Сначала я отомщу его псу Еджи-батыру! – сжал кулаки Тэмучин. – Это он одел мне на шею колоду.

– Тэмучин! Скоро я возглавлю всех джаджыратов, в твоё племя входит много родов...

– После гибели отца они стали жить каждый по себе.

– Как ты мог собрать мальчишек в наших детских потасовках, так должен племя свое собрать воедино! Мы с тобой будем всегда вместе – вместе мы станем непобедимы!

Эх, если бы оправдался тот юный порыв Джамухи... Молодецкая жажда первенства и неуемная удаля помешали ему окончательно стать под знамена Чингисхана: едет – куда взбредет, воюет – с кем хочет, в общем, вольный человек. И наверняка еще летает во сне, тогда как он, Тэмучин, даже в забытии ползает, ощупывая каждый поворот, встречную граду, вымеряя движения. Джамухе можно позавидовать, если бы это не был удел вояки, пусть и непревзой-

денного, но хорошо видящего лишь поле того боя, на котором идет сражение... Джамуха должен быть в его войске.

Так решил Тэмучин, закончив разговор с Мухулаем словами:

– Что бы Джамуха ни делал, какие бы проступки ни совершал, старцы говорят, что степь без Джамухи станет тусклой.

* * *

Боги были благосклонны: зима в тот год явила себя настоящей защитницей Тэмучинова рода. Ветер, снежные бури, наледь позволили жить спокойно, без опасения внезапного налета тайчиутов. Правда, пришлось потуже подтягивать пояса, ибо большую облавную охоту в такую пору не устроишь, а за лето, которое для молодого Хана прошло то в колодах, то в бегах, сумели сделать небогатые запасы. Впрочем, сиротам к голоду не привыкать...

Вдруг однажды собаки известили о приближении чужака. Караульные заметили одинокого всадника на пегом коне с двумя пристяжными лошадьми, навьюченными, словно волю, поклажей. Что бы это могло быть? Не иначе подвох? Стражники нацелили копья.

– Я Хо-хо-хорчу, – всадник не то заикался, не то у него рот свело от холода, – меня по-послал Д-Джамуха с провизией!

С каким благоговением люди принимали, брали в руки, будто дар божий, сушеные творог и мясо, муку... Оказалось, что и сам Хорчу приехал к Тэмучину в услужение навсегда: Джамуха послал его как главный подарок.

Дело было так.

Хорчу приснился сон, что он стоит у обочины дороги, которая нитью прошивает всю Великую степь. А по дороге с грозным ревом идет громадный бык. Увидел он Хорчу и заговорил человеческим голосом: «Боги сотворили и отправили на Землю великого человека, который станет повелителем правителей и поставит мир на его настоящее место. Те, кто будет рядом с ним, – возвеличатся, те же, кто пойдет против него, – опрокинут свою чашу жизни!..» Услышав это, Хорчу крикнул ему, не заикаясь: «Скажи, кто он?! Назови имя его?!» Подобно раскату грома, прозвучал ответ быка: «Запомни и расскажи другим! Имя, данное ему от рода, – Тэмучин! Боги же назвали его – Чингисхан! Запомнил, дурачина?! Станешь служить ему – будешь иметь тридцать жен!..»

Доселе Хорчу никогда никаких снов не видел вообще. Поэтому, проснувшись, он был ошарашен. Более всего его удивляло, что Тэмучина он встречал в жизни всего один раз, да и то мельком: когда тот бежал от тайчиутов, Хорчу держал для них с Джамухой сменных лошадей. Может, он и про сон этот странный никому бы не поведал, но уж очень хотелось иметь тридцать жен, тем более что пока ему, нескладному, неказистому заике, ни одна женщина без жалости не улыбалась.

Джамуха посмеялся от всей души, когда Хорчу пересказал ему сон.

– Спасибо, потешил! – вытирал слезы веселья Джамуха. – Ну, если с Тэмучином у тебя будет тридцать жен, то у меня тебе нечего делать! У меня ты и трех жен не заведешь. Придется тебя подарить Тэмучину. Жалко, конечно, терять такого воина, да что делать? Когда приедешь, первым делом расскажи свой вещий сон и спроси, да твердо так спрашивай, нешуточно: мол, как ты, насчет тридцати жен не забудешь, когда этим-то станешь, повелителем правителей?! Положите ему, – крикнул Джамуха людям, – побольше еды, а то у этого владыки повелителей с голоду можно опухнуть!

Так Хорчу оказался в стане Тэмучина.

Вечером, когда потомки великих Ханов, переживающие ее лучшие времена, собрались в ожидании ужина, приготовленного из гостинцев Джамухи, Хорчу поведал свой вещий сон.

Все улыбались, слушая, кивали головами, как это всегда бывает, когда речь идет о чем-то несбыточном, вздыхали благодушно. Только Тэмучин сидел со странной тоской в глазах, все более отдаляясь ото всех, отстраняясь так, что в какой-то миг Хорчу показалось, будто в сурте больше никого и нет, кроме самого Хана. Хорчу даже в собственном присутствии усомнился – пощупал себя, дабы проверить, существует ли он еще, и вскричал:

– Д-Джамуха-то мне ч-что велел: с-сразу же, говорит, проси Тэмучина, если, мол, с-сбудется сон и он с-станет по-по-повелителем всех п-правителей, даст он тебе т-трид-цать жен или нет?! У него, мол, слово т-твердое!

– Ну, если сбудется, – улыбнулся Тэмучин, – я сделаю тебя тойоном-туменею – темником, а в подчинение тебе дам десять мегенов!

– Зачем мне столько?! – охнул Хорчу без заиканий. – Я с-с ними не с-справлюсь... Мне бы т-тридцать жен!

Грохнул дружный смех.

– А с женами-то справишься?

– Упэ-пэ-правлюсь! – заторопился заика.

– Со всеми тридцатью?!

– Со все-все-все...

– По-моему, он достоин тридцати жен! – обратился к сородичам Тэмучин. – Дело осталось за малым...

* * *

Был еще один замечательный воин, помощь и опыт которого Чингисхан не мог забыть: опытнейший, битый-перебитый жизнью Тогрул-Хан, вождь племени кэрэитов.

Для сирот Тэмучина и Джамухи в их отрочестве, когда так необходима рядом сильная рука старшего, Тогрул-Хан заменил отца. Он частенько приглашал парнишек в свой стан, учил воинскому искусству и всяким жизненным премудростям.

– Родовое имя, честь – превыше любого богатства, – любил повторять Тогрул-Хан.

Эти слова просто вживились в сознание Тэмучина, и со временем он сделал их непреложным понятием для каждого в своем племени, возведя его на более высокую ступень: «Имя и честь – превыше жизни и смерти».

Когда Тэмучин был вынужден хорониться от врагов, он находил прибежище у Тогрул-Хана. Зная, что побратим здесь, подъезжал к Тогрул-Хану и Джамуха.

– Как меняются времена! – пускался в рассуждения в ту пору Тогрул-Хан. – Люди становятся другими. Раньше все решали только вожди племен и родов, даже у самых отчаянных тойонов среднего и низшего звания и в мыслях не могло появиться желание вмешаться, что-то предложить свое... А ныне какой-нибудь тойон-арбанай начинает вести себя, как батыр или Хан! Считает, будто он знает, что делать.

– Разве это плохо? – задумывался Тэмучин.

– Если воин не принимает слова командира на веру, он не способен их беспрекословно выполнить! Все это влечет за собой разногласия, распад.

– Значит, начнутся большие войны! – с жаром потирая руки, тряхнул весело кудрями Джамуха. – Нам с Тэмучином терять нечего, а вот добыть кое-что можем!

– Грех радоваться большой войне! Когда-нибудь вы помянете мои слова...

В стане Тогрул-Хана действительно не было единомыслия: кэрэиты известны своим обидчивым, неуживчивым характером, и если бы не мудрость и доброта их вождя, не миновать бы этому племени беды...

Для Тэмучина это было время, когда после пленения душа его смиренно и внимательно стала прислушиваться ко всему вокруг. Он вынес тогда из пребывания у кэрэитов один вывод: объединить всех может жесткий закон. Сильные духом боятся позора, слабые – наказания...

В те годы Тогрул-Хан был еще молодым человеком, хотя юным Джамухе и Тэмучину он казался глубоким стариком: высокий лоб его напоминал земную кору в знойное лето.

Ему было всего восемь лет, когда меркиты увели его в рабство. Вскоре его отцу, Хурчахыс-Хану, удалось разбить меркитов на реке Селенга.

В двенадцать лет он оказался пленником татарского Аджи-Хана, одолевшего тогда кэрэитов. Два года он, потомок старинного рода, пас верблюдов в землях татар. В четырнадцать, окрепнув, ему удалось бежать: помог достать коня один из пастухов.

К той поре его отец, Хурчахыс-Хан, уже упокоился, оставив завещание, по которому Ханом должен был стать его старший сын Тогрул. Но многие вожди родов, каждый из которых сам надеялся стать Ханом, не приняли Тогрула. Кэрэиты разделились, началась бойня, войско юного Тогрула потерпело поражение. Вновь ждала его тяжкая доля, а то и смерть, если бы не пришел на подмогу друг детства Джэсэгэй. Отец Тэмучина наголову разбил противников Тогрула. С той поры степь знает и считается с именем Тогрул-Хана.

Многим простил обиду Тогрул-Хан, но со своими ближайшими соседями, склочными меркитами, способными выяснять отношения из-за оперения стрелы, Тогрул-Хан сводил счеты всю жизнь. Впрочем, здесь их интересы с Тэмучином совпадали.

Когда была похищена и пленена молодая жена Чингисхана, Борте, Тогрул-Хан первым вызвался помочь. Посчитал тогда делом чести пособить побратиму и Джамуха...

Меркиты в уверенности, что никто не сможет преодолеть глубокие пещеры и отвесные скалы на пути к ним, даже охрану не выставили. Тэмучин, Джамуха и Тогрул-Хан обрушились на них, как горный обвал, с трех сторон: что можно было разграбить – разграбили, унести – унесли. Много было добыто богатства, оскорбление отомщено...

Однако, как убедился с годами Тэмучин, вождение жадности всегда сбивает с истинного пути и уводит от великих успехов. Тогда могли бы захватить вождя удуйут-меркитов. Тохтоо-бэки преспокойно почивал в своем сурте, но в последний момент его успели предупредить люди, рыбачившие на реке Килхо, примчавшись ночью. Он успел присоединиться к вождю увас-меркитов Дайар-Усуну, и вместе они ушли вниз по Селенге в сторону Баргузина всего с несколькими нукерами. Удалось захватить лишь вождя хаатай-меркитов – ему надели на шею колоду.

Тэмучину же тогда было не до меркитских вождей и уж тем более не до богатств. Он метался, как больной, среди обезумевших меркитов, кидался наперерез бегущим толпам в страхе, что вот сейчас, когда он уже здесь, в стане врага, и Борте, похищенная жена его, где-то рядом, что-нибудь может случиться... «Борте! – кричал он, перекрывая сабельный звон, рев скота и общий людской ор. – Борте!» Темень стояла среди скал, как в каменном мешке, лиц было не разобрать. «Борте!» – прогремел он, теряя надежду. Не было ответа... Как потом жена рассказывала, голос его расслышала старуха Хайахсын, славившаяся чутким ухом: «Никак Тэмучин? – проговорила старуха. – Верно, муж тебя кличет...» Борте в гомоне так и не могла ничего разобрать, на полном ходу соскочила с арбы, стала метаться во мгле, натываясь на людей и скот. И вдруг в свете глянувшей луны увидела своего благоверного – и повисла на поводу у коня Тэмучина...

Тэмучин оставил сражение, исход которого был предрешен, послав Тогрул-Хану и Джамухе короткую весть: «Я нашел потерю».

Станным образом пропала тогда мать Бэлгитя. Сыну указали сурт, где находилась старуха, он бросился туда, но никого не застал. Люди рассказали, что она ушла, сказав напоследок: «Мои сыновья стали великими батырами, переворачивающими всю жизнь земли. Как же я могу смотреть им в глаза, если свершила грех рабов и челяди?!» Больше ее никто не видел.

Не только Тэмучин, многие потом, пытаясь истолковать ее слова, заподозрили, что старуха, имевшая среди предков меркитов, указала место зимовки семейства своего Хана... Свершила грех, как и несчастный Бэктэр когда-то...

Люди думали так тайком, ни до, ни после не высказывая подобных мыслей Бэлгитею. Как лишившемуся матери тогда ему доверили решить судьбу тех трех сотен из меркитского рода, которые участвовали в разграблении стана и похищении жены Тэмучина. Бэлгитей приказал казнить всех трехсот вместе с родственниками, чтобы некому было мстить; их женщин и детей поделили по справедливости между людьми Тэмучина, Джамухи и Тогрул-Хана...

Также на три части разделили следующим днем и других полоненных меркитов, их скот и имущество.

На широком пиру победы немногословный обычно Тэмучин был велеречив:

– Дорогие мои Тогрул-Хан, которого я почитаю за отца родного, и мой андай Джамуха, с которым побратались мы с малых лет! Мы рассекли черную печень меркитов, лютых врагов своих заставили обнять пустоту! Мы – одна душа! С нами – боги!..

Эти слова были произнесены на острове Толхун-Арал, лежащем там, где Орхон вливается в Селенгу.

А вскоре, по возвращении в Хорхонох, скрепили свое побратимство, повторив клятву андаев, которую дали в одиннадцать лет. Это было на склоне горы Кулдахаркун в Хорхонох-Джабджуре под могучим деревом, украшенным салама и олицетворяющим их единство и силу. Теперь, взрослыми, они сделали то, что не могли в детстве: устроили людям богатейшее угощение.

По обычаю, андаи обменялись золотыми поясами и длинноногими скакунами. Тэмучин сел на прекрасного жеребца Дайыра Эбиртэя, а Джамуха гарцевал на знаменитом иноходце Тохтоо-бэки...

Направляясь в свое излюбленное для стойбища место Туула Хара Тья и по пути устраивая облавную охоту, завернул к нему и Тогрул-Хан. Тогда он долго, с благоговением рассказывал о Боге Иисусе Христе, в которого глубоко уверовал, о тяжком пути его земном, страдании за грехи людские и о десяти заповедях, которые он завещал...

Когда у Тэмучина родился первенец, получивший имя Джучи, и Джамуха, и Тогрул-Хан прислали свои поздравления и подарки...

Тогда и в голову не могло прийти, что степь может столкнуть их в битвах как врагов. С кэрэитами была жестокая схватка...

С найманами Тогрул-Хану не по пути, но и Тэмучину он не поспешит на помощь. Станет выжидать. Нужно послать ему доброго скакуна в подарок – старик до слез любит лошадей...

Глава восьмая

Новые силы

*Я здесь не была лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непрекаемых высот.*
Анна Ахматова. 1941 г.

Близилась полночь. Хан вышел из сурта. Тишина стояла, покой... Он вздохнул. Вздох получился тяжким, всколыхнув, словно ил со дна, успокоившуюся было тоску.

Настанет ли когда-нибудь конец войне, а с нею и его бесконечным заботам, напряженной встревоженности, мучительному поиску выхода и непрестанной думе о всех и каждом? Сможет ли он когда-либо вот так просто идти по степи, смотреть на звезды, видеть в них мирный лик своего отца, не взывая к нему о помощи? Именно идти, а не скакать, подсакивая на крупе коня и вдыхая запах его пота, шагать себе, постигая суть своего пути...

Может, поэтому он и любит ночь, что лишь под звездным небом становится самим собой: беззащитным, каким осознавал себя с первых шагов. Кто он, что он без своих верных тойонов?! Когда-то отец сказал про него: «Мой мальчик очень боится собак...» Ему было страшно обидно это слышать, но при виде собаки у него действительно немели ноги. Мальчишки-сверстники подхватили слова отца и сделали их дразнилкой, специально науськивая на него злых собак. Он чувствовал себя запуганным, затравленным, но однажды, когда мальчишки со смехом натравливали своего пса, что-то вдруг остановило его. Страх исчез – как не бывало. И он, глядя прямо в глаза собаки, пошел на нее. Под его взглядом пес, брызгая от злости слюной, стал пятиться... Наверняка отец, видя природную робость сына, заговорил о собаках, чтобы заставить его бороться.

Только при едином порядке степь перестанет так обильно поливаться кровью сынов своих! Люди смогут в спокойствии пасти скот, растить детей. Тогда и он сможет осуществить давнюю мечту: пригласит уйгуров, чтобы они обучали монголов своему письму и чтению. Но где взять силы для победы, если воины, от нукера до тойона, еще не успели залечить раны после минувших битв? В то время как и без того многочисленное войско найманов сейчас еще больше разрастается за счет прибывающих к нему уцелевших врагов – обозленных, жаждущих мести меркитов, кэрэитов, прихлебаев из других племен, в логове найманов уже больше, чем всех монголов вместе взятых! Но нет иного пути: победа или гибель. Громкая слава монголов увеличит их число в глазах врага, а внезапный удар внесет смятение и разъединит их ряды. Да укрепит дух монголов Отец небесный – всевышний Тенгри!

Утром военачальники докладывали Хану:

– Тойоны, арбанаи и сюняи еще не окончательно утверждены. Мы их меняем перед началом каждой облавы, присматриваемся...

– Пора назначить постоянных, чтобы те лучше узнали своих людей, а люди привыкли ценить их как командиров, ставленников Хана. А вот то, что вышли на охоту всем миром, – хорошо. В этом наше спасение. Теперь каждый род должен организовать доставку добычи в свои семьи, а оттуда, из станов, дополнительно набрать людей. Очень нужны коноводы...

– По два коновода на один арбанай? – уточнил Мухулай.

– Больше. По четыре-пять, – сказал Хан, – чтобы в нужное время коновод мог встать на место погибшего воина.

– Люди нужны, – вздохнул Мухулай, – но ума не приложу, где их взять.

– Найдутся... – прищурился в задумчивости Джэлмэ. – Нужно прельстить глав родов. Скажем, пообещать за коновода от добычи половину доли воина?!

– Можно также задействовать слуг и рабов, – воодушевился Мухулай, – предложить за них хозяевам одну четвертую доли воина!

– Черное войско – разговор особый, – сказал Хан. – На каждый меген должно приходиться по два-три сюна черного войска. Не меньше, но и не больше, чтобы не могли повернуть пики против нас, а шли впереди, принимая на себя первый удар. За черного воина... дадим по три четверти доли воина. Сам же черный воин должен знать, что если будет смел и останется в живых, то обретет свободу! Главам родов дайте понять, что на этот раз, если не одолеем врага, им не потребуются ни рабы, ни слуги: все наши семьи лягут прахом в степную землю!

– За три четверти-то – усмехнулся Джэлмэ, – я думаю, отбоя не будет, всех рабов отдадут!

Джэлмэ людей знал. Скоро главы родов толпились у порога сурта Хана и просили стражу пропустить их:

– Да мы только спросить: можно ли в черное войско отдавать меркитов?! – Тэмучин распознал голос Аччыгыя, у которого прежде людей было не допроситься. – Можно ли им, бестиям, доверить оружие?!

– А кэрэитов?! Работники с них все равно никакие, больше проедают! За три четверти-то хорошо!..

Тэмучину было отрадно, что, вчера еще крепко приунывшие, а то и перепуганные до смерти, люди сегодня ожили, думают о добыче, нацелены разбогатеть, ухватить кусок побольше. Это хорошо. Перед войной человек должен грезить победой!

Интересно, отцу, великолепному батыру Джэсэгэю, только ли бойцовой сметкой и удачей удавалось побеждать там, где остальные терпели поражение? Или все-таки, как ныне сыну его, приходилось взывать как к доблести, так и к алчности, а порой подогревать хвастливость и зависть?! Важно одно, чтобы человек в ослеплении будущей добычей, званиями и почестями не замечал очевидного – своей слабости и силы противника, – шел напролом, рвался, будто одурманенный запахом крови зверь, к цели! Лишь простым нукерам нельзя позволять жить надеждой на легкую победу.

– Черное вой... – Аччыгый за завесой входа вдруг осекся на полуслове.

Да и главы родов, просившиеся к Хану, враз притихли.

– Ожулун-хотун и Борте пожаловали... – почти шепотом произнес кто-то из них.

– Айда к Мухулаю, у него спросим! – стал удаляться голос Аччыгыя. – Он отвечает за черное войско...

«Разбежались!.. – усмехнулся Тэмучин. – Так вам Мухулай все и выложит. Он умеет поводить за нос, когда надо...»

Рядом, при всей схожести, мать и жена различались так же, как солнце дневное и вечернее. Казавшаяся всегда высокой и осанистой, мать была чуть ниже хрупкой на вид Борте. По лицам женщин, полным значительной таинственности, Тэмучин догадался, зачем они прибыли так спешно.

Женщины умели вести дело. Не торопились. Принялись дня начала расспрашивать об охоте. Хан отвечал, понимая, что это лишь подступы к разговору.

– Скоро война, – сказала мать, будто это было для нее открытием.

– Да, война, – закивала жена.

– Всякое может случиться... – продолжила мать.

– Всякое... – вздохнула Борте.

– Нужны решительные действия, – заявила мать.

– Очень решительные, – жена стала кусать губы.

– Да, – согласился Хан, более думая о своем, чем слушая женщин. В одном из боев с кэрэитами уруты и мангуты, можно сказать, пожертвовали собой, вырвав для всех победу.

Если бы вы видели, с какой бесшабашностью они неслись в бой. словно все они вдруг презрели смерть, сминая ряды врага! Каких воинов мы тогда потеряли... Сегодня они могли бы стать ядром тумена.

– Война есть война, – вздохнула мать.

– Нельзя побеждать такими жертвами, нельзя! – сжал кулаки Тэмучин. – Иначе после одной победы никогда не наступит другая.

– Жалко урутов и мангутов, – покусывала губы Борте.

– Мы приехали к тебе по важному делу, – наконец перешла к сути мать.

– Да!.. – поддержала ее Борте. – У тебя уже четыре сына и все еще одна жена. Я подыскала тебе вторую жену.

– Благодарю, – улыбнулся Тэмучин, – но давайте сначала дождемся победы над найманами, а потом уж будем свадьбы играть, пиры устраивать!

– Твой отец, батыр Джэсэгэй, по-другому рассудил, отправляясь на войну с татарами! – чуть не всхлипнула в сердцах мать. – И был непобедим на той долгой войне!

– Для него ты была женой-хотун...

– Тэмучин! – словно прорвало Борте. – Я справляюсь с хозяйством, и нет нужды делить заботы с другими. Но ты же знаешь, что люди говорят...

– А что они говорят? – искренне удивился Тэмучин.

– Что Тогрул-Хан заманил тебя верой в Иисуса Христа, которая запрещает иметь несколько жен!..

– Нельзя, чтобы люди перед войной думали так, – одержимо добавила мать. – Степь есть степь! Мужчины здесь убивают друг друга и хотят иметь много женщин, а женщины остаются и за счастье почитают стать тридцатой женой настоящего батыра!

Чингисхан наконец-то понял, к чему это он повел речь про мангутов и урутов: нужно назначить шестерых тойонов-чербиев, чтобы они тщательнейшим образом обдумали как удачные стороны, так и просчеты подобных героических прорывов. В будущей войне должен быть выверен каждый шаг.

– В таком случае, – продолжил Тэмучин разговор с женщинами, – объявите всем, что Хан намерен взять сразу несколько жен.

– Ты не хочешь узнать, кого я присмотрела для тебя?! – выдохнула Борте.

Но Чингисхан уже звал парнишку-порученца: пока была жива мысль, он хотел, чтобы к нему явились Додой, Додолху, Оголой, Толуй, Багарах, Суюкэ – именно их он решил назначить чербиями, сделав знатоками секретов воинской доблести.

Глава девятая

Тогрул-хан

§ 177. Тут, Хан и отец мой, ты стал выражать свою глубокую признательность. Ты говорил: «Вот я получаю в дар от сына своего Темучина мужины свой утраченный народ, который спасли присланные его четыре витязя». За какую же вину прогневался ты на меня теперь, Хан и отец мой?

Пошли ко мне посла для объяснения твоего неудовольствия.

Если пошлешь, то посылай Хулбари-Хур и Идургена. Если нельзя двоих, то посылай последнего.

§ 178. Выслушав эту речь, Ван-Хан сказал: «О, погибнуть мне!

Сына ли только забыл я?

Правды закон я забыл.

Сына ли только отверг я?

Долг платежа я отверг.

Если теперь я увижу своего сына да умышлю против него худое, то пусть из меня вот так выточат кровь!» – И с этими словами он, в знак клятвы, уколол свой мизинец зеркальным ножичком для сверления стрел и, выточив из ранки берестяной бурачок крови, попросил передать его своему сыну.

Сокровенное сказание монголов. 1240 г.

Два года назад несколько найманских родов перевалили хребет Алтая и стали обосновываться на местности между Великим Камнем и Согол-Усуном, где прежде не ступала их нога. Многие мелкие племена, испокон веку обитавшие в этих местах, вынуждены были покинуть свои земли: жить рядом с великим племенем – значит, терпеть унижения и притеснения. Жалкая участь!

Тэмучин, Тогрул-Хан и Джамуха, посоветовавшись, решили напасть на неожиданного соседа, пока он не укрепился на новой для себя земле. Когда объединенное войско трех Ханов подошло к Великому Камню, найманский вождь Буйурук-Хан не стал пытаться судьбу, снялся в одну ночь с места и удрал восвояси. Да не тут-то было! Три Хана нагнали его войско вблизи озера Кисилбас-Нюр, там его и разбили.

Возвращались с победой, ликующие, но скоро узнали, что на пути их поджидает прославленный найманский полководец Кехсэй-Сабарах. Торопиться не стали. Решили остановиться на ночлег, не приближаясь к врагу.

А на рассвете Тэмучин обнаружил, что его союзников и след простыл – лишь пепел остался от их костров!

Как потом выяснилось, к наступлению ночи вернулись лазутчики Тогрул-Хана, рассказали – у страха глаза велики! – о несметных силах найманов. Тогрул-Хан решил, что теперь им пришла пора спасаться бегством. Тэмучину и Джамухе он послал с людьми такое сообщение: «Мы разожгли костры поярче и ушли отсюда».

Джамухе это сообщение передали, а до Тэмучина – в суматохе ли, по чьему-то злому умыслу – оно не дошло.

Каким-то чудом Тэмучину удалось спешно поднять свои войска, вновь перевалить Алтай и уйти в Желтую степь.

Кехсэй-Сабарах, обнаружив, что поджидаемые им противники исчезли, гнался за Тогрул-Ханом до самой его ставки. Настиг, отобрал половину скота и людей, захватил жен и детей Сангуна, единственного сына Тогрул-Хана.

Тогда Тогрул-Хан прислал к Тэмучину своего самого прославленного воина с таким посланием:

«Сын мой, названный справедливостью степи Чингисхан! Попал я в беду, рассказать о которой не хватит слов! Погружен в горе тяжелое! Найманы угнали большую часть моего улуса, увели невесток и внуков! Спаси, охрани, некому, кроме тебя, защитить меня! Пожалей мою старость! Не дай умереть с позором!..»

Многие военачальники Тэмучина, только что сами чудом выскочившие из пасти беды, выслушали эти стенания не без злорадства.

– То бросил нас, а то позора боится!.. – прямо при Хадах-батыре фыркнул Аччыгый.

Тэмучин же, поразмыслив молча, поблагодарил Хадах-батыра за весточку от Тогрул-Хана и просил передать такой ответ:

– Отец мой бесценный, перед которым преклоняю свои колени, Тогрул-Хан! Ты сказал о горе своем, я услышал. Что я могу сделать один с врагом, перед которым мы дрогнули втроем: ты, я и Джамуха?! Теперь же, после победы над тобой, враг стал еще сильнее! Но если ты просишь, значит, так глубока твоя вера в меня! Я не могу остаться в стороне, высокочтимый отец мой, когда ты в беде! Как бы ни был силен и страшен Кехсэй-Сабарах, я выступлю против него. Собери оставшееся свое войско, догоняй врага своего, а я стану ему поперек дороги. Это сказал я, младший сын великого Тогрул-Хана, сокол, взлетающий с его руки, Чингисхан!

Железный Хадах-батыр, в котором даже заподозрить было невозможно способность хоть к малейшей чувствительности, вдруг рухнул перед Тэмучином на колени и прошептал со слезами на глазах:

– Каким счастливецом надо родиться, чтобы летать под твоим крылом!

* * *

Проводив Хадах-батыра, Тэмучин сказал своим тойонам:

– Боорчу, Мухулай, Борохул и Чилайун, моих четыре тени, я отправляю вас против Кехсэй-Сабараха.

Тойоны уставились на Хана в оторопи.

– Я говорил при Хадах-батыре, будто боюсь Кехсэй-Сабараха, для того, чтобы впоследствии ценили нашу победу. На самом деле найманы сейчас уязвимы, как никогда.

Тойоны не понимали. Тэмучин вскинул голову, потряхнув своими светлыми волосами.

– Как ведет себя волк, объевшийся жирной олениной? Ноги его не держат, он отлеживается, не в силах двигаться, так? После победы над кэрэитами найманы поведут себя так же: сейчас они, растянувшись по степи, перегоняют захваченный скот, везут награбленное добро. Они уверены в своей непобедимости, а потому нет в них и малейшей настороженности. Если вы внезапно лавиной обрушитесь на них, они в панике рассыпятся по степи, бейте их разрозненные части собранно, будто кулаком! Пусть сопутствует вам удача, словно я рядом! Да помогут вам боги! Я сказал.

– Ты сказал, мы слышали! – воскликнули одновременно четыре тойона, преклонив колени перед своим Ханом.

Чингисхан как в воду смотрел! Найманские войска шли по степи, будто мирные кочевники. Основные силы двигались в хвосте растянувшегося каравана. Четыре монгольских тойона только, было, собрались рассечь его по центру, как вдруг из-за дальних холмов смерчем вылетели конные и понеслись на головные ряды найманов. Это было войско Нылхай-Сангуна, сына Тогрул-Хана: услышав от Хадах-батыра о том, что Тэмучин собрался отомстить за Тогрул-Хана, кровный сын решил опередить названного. Но разве так, сломя голову, можно было одолеть Кехсэй-Сабараха, пусть даже не готового к бою?! Опытный воитель успел развернуть свои основные силы и мгновенно смял конников Нылхай-Сангуна. Сам Нылхай свой

громкий боевой клич резко сменил на привизгивание убегающего, но и здесь его ждала неудача: под ним пал конь, сраженный стрелой, и незадачливый военачальник оказался в плену.

Однако для монголов он сослужил добрую службу. Четыре тойона, четыре тени Чингисхана, обхватили плотным кольцом ничего не чующих в запале борьбы найманов и обрушили на них тучи стрел. Найманы не могли уразуметь, в чем дело, откуда бьют: монгольские умельцы по указу Чингисхана смастерили и вооружили воинов луками, посылающими стрелы в четыре раза дальше, чем любые другие!

Из окружения сумели вырваться не более трети найманов. Остальные, не считая polegших на поле брани, сдались на милость победителя.

* * *

Не всегда добро порождает добро, а зло – одно лишь зло. В этом Тэмучину довелось убедиться чуть позже. Тогрул-Хан кланялся:

– Когда-то мой названный брат Джэсэгэй-андай возвратил мне потерянный мой народ. Ныне сын его, славный Тэмучин, спас мой улус и полоненный народ мой вернул мне! Чем отплачу я за столь великую добродетель?!

Если бы он ограничился только клятвой верности, то, может быть, не расплескалась бы чаша сия. Но благодарность Тогрул-Хана не знала границ, а чрезмерное чреватое порождением уродливого.

– Прожил я долгую жизнь, век мой уже недолог... Когда призовет меня Господь, кто станет править народом моим?! Младшие братья мои не имеют достоинств, единственный сын мой Сангун таков, что будто его и нет вовсе. Как мы с Джэсэгэем давали клятву андаев и были верны ей, так я хочу клятвенно назвать тебя, Тэмучин, моим сыном и тебе, сыну моему, могу лишь вверить народ мой!

Громкоголосой птицей облетела степь весть о том, что Тогрул-Хан еще при жизни хочет передать правление народом своим Чингисхану. Среди кэрэитов это вызвало самые разные пересуды.

– Мы и наши предки, веками охранявшие и защищавшие свои жизни мечами и пиками, вольно распорядившись своей судьбой, станем зависимы от другого племени, пусть даже спасшего нас, кровно близкого?! Не бывать этому! – возмущались многие тойоны.

– Уступая улус Тэмучину, – приходили к выводу старейшины, – Тогрул-Хан хочет устранить своего сына Нылхай-Сангуна...

Тогрул-Хан тем временем пошел еще дальше: он решил установить кровное родство с Тэмучином, выдав свою дочь Чаур-Бэки за его сына Джучи. Чингисхан почитал за честь породниться с уважаемым им человеком. Нылхай-Сангун на это сказал ему:

– Стать родней, конечно, хорошо. Но не случится ли так, что вы будете греться у костра, а мы останемся за вашими спинами?!

Тэмучин не ответил, тихонько собрался и уехал.

Может быть, несмотря на недомолвки и разногласия, племена монголов и кэрэитов сблизились бы, как того хотел Тогрул-Хан. Но для кэрэитов наступили времена, когда их глаза, уши и сердца внимали лишь дурному... По своей воле племя становилось вместилищем несчастий.

Когда-то кэрэиты были бедны, теснимые враждебными соседями. Мудрый, смелый, настойчивый, по-отечески заботящийся о каждом соплеменнике, Тогрул-Хан сумел сплотить кэрэитов, вселить веру в свои силы. Кэрэиты смотрели на своего вождя как на божьего посланца. Ведомые Тогрул-Ханом, они одолели врагов, обзавелись скотом, рабами. Но далее покладистость и добросердечие Хана стали превращаться в попустительство. Тогрул не мог вовремя пресечь появляющуюся в том или ином его сородиче гордыню, основу многих грехов

и разлада, не наказывал за скандальность и склочность. Все он боялся кого-то обидеть, оскорбить, а меж тем зависть и междоусобица среди кэрэитов становились нормой. А вскоре многие из них, в том числе и бездарный Нылхай-Сангун, решили, что богатство и успехи – это их личные заслуги. А Тогрул-Хан – лишь смешной старик, живущий по каким-то прежним понятиям, да еще и уверовавший в единого Бога именем Иисус! Если уж принял Тогрул-Хан христианство, то надо было и весь свой народ обратить в свою веру. Но Тогрул-Хан и здесь положился на добрую волю каждого, на провидение Господне. Он так и говорил, осеняя себя крестом и глядя на образ Иисуса Христа, изображенный на струганом дереве:

– Положимся на милость Божью...

Но боги, один или много, как с малых лет убедился Тэмучин, бывают милостивы к держащим.

– Придет день, и Иисус сам призовет сердце твое, – повторял Тогрул-Хан не раз и Тэмучину.

Были мгновения: отчетливо вставал перед глазами Чингисхана богочеловек, несущий свой крест на гору Голгофу... И думалось о своем пути, в котором он так же не может разогнуться под тяжестью какой-то неведомой ему ноши.

– Меня прельщает вера твоя, – признавался он названному отцу, – но одного не могу принять: единобрачия. Нас мало. Слишком мало. Если у наших мужчин будет по одной жене, нас станет еще меньше, и тогда мы просто исчезнем. Наше спасение в большом потомстве.

Но после этих разговоров Тэмучин, обращаясь мысленно к богам, не забывал помолить о помощи и Сына Божьего.

Так или иначе, но Хан кэрэитов жил заботами души, мало обращая внимания на страсти, которые, подобно набирающему крепость кумысу, играли в степи. По приказу Нылхай-Сангуна в первую очередь покатались головы с плеч именно тех кэрэитских тойонов, которые более всего пугали соплеменников страшной долей – жизнью под Чингисханом.

В ночь рождения Года Свиньи Нылхай-Сангун подговорил Алтана, Хучара и других заманить обманом Чингисхана к себе и убить его.

– Вы что, перепились?! – был вне себя от ярости Тогрул-Хан, когда ему предложили участвовать в заговоре. – Вокруг столько врагов, а вы хотите уничтожить единственного человека, на которого можно опереться?! Дальше-то что делать будете, вы подумали?! Да и как можно допускать мысли, чтобы человека пригласить как друга, а обойтись с ним как с врагом?! Не гневите Бога!

Тогрул-Хан решил, что он вразумил молодых тойонов. Но они лишь поулыбались словам старика, почитая его за выжившего из ума...

* * *

Тэмучин получил от Нылхай-Сангуна такое послание:

– Брат мой, богоподобный Чингисхан! Для всего нашего рода стать с тобой кровными родственниками было бы непомерным счастьем! Мы благодарим богов за то, что ты благоволил взять жену для своего старшего сына из нашего рода. Мы согласны отдать за твоего доблестного Джучи нашу луноликую Чаур-Бэки! Приезжай к нам, мы ударим по рукам и обсудим, как нам сладить свадьбу, равной которой не было в степи!

Тэмучин не забыл слова Сангуна, сказанные им, когда впервые речь зашла о возможности породниться. Но отнесся к посланию со свойственной ему верой в разумность: одумался, мол, человек! В самых чистых побуждениях Чингисхан отправился в путь, взяв с собой десяток приближенных. По пути остановились на ночлег у старого Мунулука, отца шамана Тэп-Тенгри, где находился и Аргас, один из лучших учителей воинского искусства.

Старик радовался прибытию великого гостя до смешного: суетился в хлопотах об ужине, стараясь сделать все празднично, с торжеством, при этом постоянно запинаясь и что-то ронял. Тэмучин, смеясь и подтрунивая, вдруг поймал себя на странной внутренней тревоге, даже горечи. Это чувство было знакомо ему с той поры, когда он узнал о предательстве Бэктэра. Неожиданно он отозвал старика в сторонку и выложил ему свои сомнения.

– Настораживает, что не Тогрул-Хан, отец Чаур-Бэки, а ее брат Сангун приглашает тебя, чтобы ударить по рукам, – стал размышлять вслух Аргас. – Настораживает, что Сангун, который сначала был против, теперь сам напрашивается в родственники.

Помолчав, почти приказным тоном Мунулук вынес решение:

– Тебе нельзя ехать.

Тэмучин, улыбнувшись, покорно склонил голову.

* * *

Заговорщики поджидали Чингисхана в ставке Нылхай-Сангуна. Они были очень довольны собой, переглядывались, тая улыбки, наслаждаясь своей прозорливостью и хитростью. Вестовые им уже доложили, что приближаются монголы числом с десятков. Готовилось пышное угощение. А после, когда Тэмучин заснет...

– Помните, – потирая руки, напутствовал Нылхай-Сангун, – с Чингисханом надо держать ухо востро! Принимаем его, угощаем, будто мы о том только и мечтаем, чтобы выдать за его паршивого отпрыска нашу несравненную Чаур-Бэки...

– Признаемся, – заметил Хучар, – что никто из нас не сможет одолеть Чингисхана в рукопашном бою...

– Ну, это мы еще посмотрим! – вспыхнул Сангун.

– Смотри не смотри, – поддержал Хучара Алтан, – а лучше дело решить внезапным ударом кинжала или выстрелом в спину.

Вошел караульный:

– Прибыли Бухатай и Киртэй с поручением от Чингисхана!

– А сам он?! Он что, не приехал?!

– Его нет...

Заговорщики замерли на миг.

– Неужели догадался? – прошептал в оцепенении Хучар.

– Хитрый лис! – выдохнул Сюйкэчэй.

– Если Чингисхан опередит нас, – как приговор произнес Эббигэчий, – нам придется заглянуть в черную пасть бога тьмы Аджарая!

– Надо опередить Чингисхана и напасть на него первыми! – поднялся Нылхай-Сангун.

– Да, сделаем так! – согласился Алтан, а за ним и все остальные.

– Но сегодня мы должны честь по чести принять Бухатая и Киртэя, – добавил Хучар, – пусть они уедут с мыслью, что мы настроены жить по-родственному.

После пирушки по случаю приезда послов Чингисхана, Бухатая и Киртэя, Еке-Джарен, младший брат Алтана, вернулся домой навеселе и с горделивостью сообщил своей жене:

– Спета песенка Чингисхана! Его послы уехали довольные, с подарками, будут рассказывать ему, как мы рады с ним породниться, а мы завтра же, собрав все силы, отправимся вслед за ними, окружим ставку Чингисхана и возьмем его голыми руками! Интересно, чем бы наградил Чингисхан человека, предупредившего его об этом?

– Не болтай лишнего, – прервала речи мужа Алахчин-хотун, – а то услышит кто-нибудь из рабов или челяди...

Женщина была права. Так и случилось: слова Еке-Джарена услышал конюх Бадай, принесший в сурт хозяина парное кобылье молоко. Не обошлось здесь, видимо, и без Божьего провидения, всегда сопутствовавшего Тэмучину.

Конюх Бадай, в свою очередь, поделился услышанным с другом Кишликом, тайно преклонявшимся пред именем славного Чингисхана!..

– Все так и есть! – озаренно молвил Кишлик. – Я еще подумал, неспроста мой хозяин приказал мне поймать и оседлать к рассвету двух лучших боевых коней.

– Такая возможность один раз в жизни выпадает! – чуть слышно проговорил Бадай. – Рядом с Тэмучином не пропадешь... Да и пропадать с таким батыром не страшно.

– Я готов умереть ради Чингисхана!

Решили действовать без сборов. Тэмучин окупит потерю их жалких пожитков. Поймали, как велел хозяин Кишлика, двух лучших коней, вскочили в стремя – и галопом навстречу судьбе!..

В четыре стороны света, подобно стрелам, пущенным тугой тетивой, понеслись джасабылы Чингисхана собирать войско монголов. Ставка самого Тэмучина срочно перебазировалась на гору Май-Удур, ожидая подкрепления. Путь Нылхай-Сангуну, который, поняв, что план его разгадан, бросился в погоню, остался преградить верный Джэлмэ Урангхай. С небольшими силами он расположился в засаде.

В эти дни Тэмучин получил от Джамухи сообщение:

– В первых рядах поставили джирикинйев, во вторых – тумен тюбегенов, в третьих – дунгхаев, за ними пойдет меген торготского войска. Управление боем поручили мне. Ты выставь клювом своих бесстрашных урутов и мангутов, чтобы сразу припугнуть джирикинйев. Весь остальной сброд без особой подготовки и без мира меж собой. Так что крепись, не падай духом, мой андай! Я не буду слишком усердствовать. Да поможет тебе Бог твой Тенгри!

Джамуха вслед за Тогрул-Ханом принял христианство, а Тэмучин мог положиться лишь на милость Бога Отца, а не Бога Сына, в которого верили его названные отец и брат, становившиеся на сей день боевыми противниками.

Идущие друг на друга в первых рядах уруты и джирикинйи были также людьми близкими: они принадлежали к единому роду, несколько поколений великих Ханов которого, начиная с храброго Алан-Куо, правили всеми монголами.

– Вы с ума сошли! – прокричал могучим хриплым голосом кто-то из урутов своим собратьям перед боем. – С чужим племенем идете с мечами и пиками на своих кровных родичей!

На миг пошатнул ряды джирикинйев этот голос, зов родового единства, но грозные голоса военачальников, следовавшие эхом, вновь их сплотили: хищно нацелились пики, кровавадно засверкали мечи, песню смерти затянули стрелы... Пошла великая сеча!

Когда уруты и мангуты под руководством своих славных вождей Джиргидэя и Хулдара прорвали заслон джирикинйев, на них надвинулись тумен-тюбегены, но и они не смогли долго продержаться. Тогда настал черед олон-дунгхаев, которые скоро бежали под ударами урутов; затем торготов, возглавляемых Хоросоломун-Тайджи. Это племя было известно храбростью и воинским умением, один вид монолитных рядов торготов, закованных в сверкающие железные доспехи, наводил ужас на врагов. Но Джиргидэй разбросал, разметал их, будто пух!

Тогда нетерпеливый сын Тогрул-Хана, Сангун, выскочил со своим отборным мегеном и помчался навстречу урутам. В разгаре боя Джиргидэй собственноручно подсек его порыв, словно полет птицы, послав стрелу Сангуну в лицо. Стрела прошла ему обе щеки и застряла во рту, лишив Сангуна того, что было лишним для него с самого рождения: дара речи. Кэрэиты подняли своего тойона и начали отступать.

В этом бою чуть не погиб младший сын Чингисхана, Угедей. Он был ранен стрелой, как некогда и отец, в шею. Стрелу удалось вытащить только благодаря тому, что на нем было шелковое белье из китайской чесучи, которое обычно надевали перед боем монгольские воины,

ибо эта ткань не рвалась, а втягивалась в тело вместе с попавшей стрелой: это облегчало ее удаление. Спас Угедея оказавшийся поблизости Борохул.

Победа над кэрэитами, ведомыми вероломным Сангуном, была одержана. Но слишком дорогой ценой. Тэмучин ужаснулся, увидев, как сильно поредело его войско. Тогда он понял: как бы ни были воины хорошо обучены владеть мечами и пиками, потери будут невосполнимы. Нужна иная, непривычная, тактика боя...

Глава десятая Отбор войска

Мы... Беда наша в немногочисленности нашей... Но еще беда в том, что даже при этом мы враждуем – воюем между собой... Увлекаемы безумными, шаманствующими и беснующимися, непонятливы к пытающимся дать разум, уродливы непризнанием вождей своих оказываемся... Мы...

Легенды о древнемонгольских вождях

Старик Усун в сурте совета был огорошен сообщением, что с уходящей на север ставкой отправятся лишь три мегена, составленные из разных родов – по одному сюну от каждого. По своему обыкновению, он долго перебарывал сказанное Мухулаем, наконец недоуменно спросил:

– А разве вы не дадите мне моих усунув?

– Нет, – был категоричен Мухулай, – твои усунуны – главная опора здесь! Здесь решится – быть живу или умереть! Поэтому здесь останется лучшее войско.

Старик приободрился и воспрял духом: ему было очень приятно, что так высоко ценят его усунув!

– В таком случае дайте мне таких мегенеев, которые могли бы держать в руках это разношерстное войско, – тотчас согласился старик.

– А кого ты хотел бы предложить?

– Не знаю... Ума не приложу, как командовать таким войском? Как неорганизованных, но послушных икирэсов объединить с быдаа, не признающими над собой никакого начальства?! Или упрямых адар-хадаров, которые ель будут тащить за комель, лишь бы было поихнему, с хвастливыми барылысами? Если только разделить всех и держать по отдельности? Так ведь еще и передерутся...

Мухулай не мог ответить на этот вопрос: он выполнял приказ Хана, который не до конца понимал. Знал лишь, что Тэмучин всегда смотрит намного дальше, чем способны видеть все остальные.

– Не надо никого делить, – пришел на помощь Джэлмэ, – просто тебе в помощники нужен такой мегеней, который бы всех держал в руках!

– Но при этом не лез в драку с племенами, попадающимися на пути. Чтоб умел ладить миром... Особенно надо остерегаться наших родственников хоро-туматов.

– Хорчу... – сказал старик, улыбнувшись.

– Хорчу! – разом повторили приближенные Хана, также заулыбавшись.

Прошло много лет с той поры, когда Хорчу прибыл в подарок от Джамухи, чтобы, согласно предсказанию своего сна, получить за службу у Тэмучина тридцать жен. За это время заика стал одним из виднейших военачальников войска монголов. Смешной в быту, он отличался необычайной крутостью и суровостью на поле брани. Жены у него до сих пор не было ни единой, ибо дни и ночи он проводил в седле, самозабвенно оттачивая с каждым нукером своего мегена умение воевать. Его меген был всегда примером жесточайшего порядка.

– Хорчу? – улыбнулся и Чингисхан, когда Джэлмэ, докладывая о переговорах с Усун-Турууном, назвал имя мегеней, который, по общему мнению совета, более других подходил для командования войсками, отправляющимися со ставкой. Чуть подумав, Тэмучин одобрительно кивнул: – Хорчу справится.

– Хан, позволь сказать, – не выдержал своих сомнений Мухулай. – Я боюсь, что каждый род отдаст со ставкой свой худший сюн... А в ставке будут твои дети и мать... Может, все-таки отправить с Усуном его усунов?

– Подумайте с Джэлмэ лучше вот над чем: почему один род так силен и надежен, а другой нет? Что, среди малочисленных икирэсов нет смелых и ловких, нет героев?! Есть. Нельзя все валить на сильных, нужно слабых подтянуть до сильных!

* * *

Мухулай вышел из сурта Хана и остановился в удивлении, увидев людей из рода еджи. Они погоняли караван навьюченных тяжелой поклажей верблюдов. Глядя на них, Мухулай, как бы впервые, открыл для себя то, что хорошо знал: люди из рода еджи всегда возят с собой много всякого барахла. Даже на войну они тащат с собой все хозяйство! Их за это ругают, смеются над ними, но, с другой стороны, чуть чего, бегут к ним: в любой момент у них можно найти от иглы до лишнего котла. А вот ходжугурты, те наоборот: сколько им ни говори – то возьмите, это, все равно отправятся чуть не голяком, а потом будут голодать и мерзнуть. Правда, в отличие от хлипких и неповоротливых еджи, хорджугуты необыкновенно выносливы и легки на подъем. Прежде для Мухулая все это было само собой разумеющимся, но если действительно, как говорит Хан, научиться использовать в войне разные качества родов, передавать умение одних другим?

Джэлмэ, также поглядев на караван рода еджи, вскочил на коня, и рука сама потянула узду в сторону стана мегеня Аргаса. Старик уже третий год собирал в один сюн лучшую молодежь всех тридцати монгольских родов и обучал ребят военному искусству. За эти годы двенадцать его воспитанников, будучи совсем юнцами, стали суньями, двадцать семь – арбанаями!

В мгновение ока ученый сюн Аргаса выстроился перед почтенным тойоном: все ладные, как на подбор, подтянутые, словно влитые в своих горячих скакунов, с пылающими взорами. Любо-дорого смотреть!

– Дети! – обратился старый Аргас к ученикам. – Накануне грядущих решающих битв к вам пришел один из величайших людей, находящийся рядом с вождем нашего народа Чингисханом, славный тойон Джэлмэ.

Хрупкие, еще неокрепшие тела юношей подтянулись, в устремленных на верховного тойона взорах серьезность.

Джэлмэ, проезжая строй, пытался угадать, какому роду принадлежит тот или иной молодец? Оказалось, если быть внимательным, то и здесь разница заметна.

– Этот парень из рода еджи? – спросил для проверки Джэлмэ, заметив у одного из юнцов обилие пристегнутой к седлу утвари.

– Да, – ответил не ведающий цели приезда тойона Аргас.

– А этот из урутов?

– Из урутов. – Аргасу это казалось явным, что тут гадать?

– А как они уживаются? Ведь урут наверняка намного сильнее еджи?

– Ничуть, – опять удивился старик вопросу. – Я собирал лучших из лучших в родах: присматривал отличившихся на охоте, в праздничных играх. Если урут и был поначалу подготовленнее в военном искусстве, то теперь... не могу сказать, кто из них лучший.

– Я думаю, Аргас, не собрать ли нам так же, как ты собрал сюн, лучших воинов всех родов, и пусть слабые поучатся у сильных?

– Нет ничего обиднее для человека, чем услышать, что его род слабый, плохой, к чему-либо непригодный. У каждого есть свои преимущества. Их надо только уметь использовать. Здесь надо с каждым заниматься отдельно. А вот совместные боевые учения, где бы люди

разных родов, с разными привычками и повадками могли присмотреться друг к другу, что-то друг у друга перенять, идут на пользу.

– А этот соколенок какого рода? Выправка, взгляд!

Аргас вмиг сделался пунцовым и промолчал.

– Чей это? – допытывался Джэлмэ. – Не могу определить!

– Это мой, – вымолвил, смешавшись, старик, – младший...

– Хорош!.. – хлопнул Аргаса по плечу тойон Джэлмэ, засмеявшись.

Аргас понял, что Джэлмэ собрался уезжать, остановил его.

– Очень прошу тебя, Джэлмэ, скажи слово ребятам. Они ждут. Вспомни себя юнцом.

Многие из них эти мгновения пронесут всю жизнь в сердце своем, детям и внукам будут о них рассказывать, как светлое предание.

– Скажешь тоже, – засмутился теперь Джэлмэ. – Не такой уж я...

Но, глянув на окаменело вытянувшуюся по степи цепочку подростков, Джэлмэ зычно произнес:

– Нукеры! Настают времена, будет испытан на закалку каждый воин! Пришла пора богатырей! Мы за то, чтобы каждый человек в степи мог жить вольно, спокойно, не боясь разбойников и грабителей. Но для этого мы, люди длинной воли, должны одолеть вероломных врагов наших. Нукеры! Не забывайте, что вы воины Чингисхана, единственного величайшего владыки, у которого ищут защиты все обездоленные, сироты и гонимые! Будьте быстрокрылыми, зоркими, верными соколами непобедимого Чингисхана!!!

– Да будет так! – воскликнул Аргас.

– Да будет так! – громогласным эхом отозвалась сотня.

– Да помогут нам все боги! – наполненно произнес Джэлмэ.

– Да помогут нам все боги!..

* * *

Звезды на небе казались налитыми, будто зрелая ягода: вот-вот посыпятся вниз! «Может, к ветру», – подумал Джэлмэ, который, как и Хан его, забыл про сон. Меняя коней, он ехал от рода к роду, встречался с воинами, особенно молодыми, испытывая подъем сил оттого, что полные решимости нукеры после его приезда еще более крепили, воспламеняясь духом! На глазах появлялись именно те, кого призовет за собой Хан: люди длинной воли!..

Глава одиннадцатая

Долгая весна

*Жизнь, устроенную в этом изменчивом среднем мире
Тридцатью пятью племенами-родами,
Воспели словами Олонхо почтенные старцы,
Великие Олонхосуты с пожелтевшими от веков
Седыми волосами...*

П. Ойунский. «Стремительный Нюргун-батыр»

Для Ожулун и ее людей в том году случилась долгая весна. Как только степь зазеленела проталинами, ставка двинулась в сторону горную, в край далекий, проходя в день по два-три кеса, делая большие остановки, чтобы скот и лошади могли поспеть и нагулять сил. Лишь спустя два месяца в холмистом предгорье весна стала опережать людей: трава здесь была высокой, благодатной, на залитых солнцем откосах алели тюльпаны.

Караван уходил все выше в горы. На одной из вершин Ожулун заметила, как старый Усун-Туруун, остановившись, смотрит назад. Глаза этого громадного человека, казалось, сочились тоской и безмерной любовью. Обернувшись, Ожулун и сама едва смогла перевести дыхание: там, внизу, сливаясь с небом, необъятным зеленым ковром лежала родная земля, вскормившая их, мать Великая степь.

Там остались сыновья, братья, мужья, народ монгольский, вступивший в жесточайшую схватку за право жить по своему разумению. Вождь монголов, сын батыра Джэсэгэя, прославленный Тэмучин, сделал неожиданный, смелый, единственно верный ход – повел своих ратников в логово врага! Там решается судьба монголов...

Рядом с Ожулун остановился никогда не унывающий Хорчу и, также повернув голову назад, тяжело вздохнул. Нетрудно было понять по его лицу, что сердце мегеня там, с братьями, он даже невольно сжал рукоять меча.

Движение ставки прекратилось, люди вглядывались в степные дали, словно надеялись увидеть своих родных, разгадать судьбу...

– Бабушка, бабушка!.. – послышался радостный вскрик маленького Угедя. – Посмотри, какой олень, какие красивые у него рога! – показывал он ввысь, в другую сторону, туда, куда и лежал путь.

Когда небесное дневное светило стало прятаться за сияющие наконечники горных вершин, путники остановились на ночлег. Люди из передового мегена уже разбили сурты и развели костры. Слабое дуновение ветра разносило по склону запашистые пары варящегося в котлах мяса: видимо, охота была удачной.

Ожулун спустилась с коня и, едва передвигая онемевшие после долгой дороги в седле ноги, отошла в сторонку, присела на огромный валун, поросший ржавым мхом. Белые зубья горного хребта, будто гребень, широко растрепали солнечные золотые кудели, так напоминающие Ожулун пряди милого Джэсэгэя, который ждет ее где-то там, в верхнем мире, в сонме богов. Ему сейчас, наверное, все ведомо о прославленном сыне своем?

«Бедный наш мальчик, – как это обычно с ней бывало, Ожулун начала мысленно обращаться к мужу, – с девяти лет, когда остался сиротой, по сей день, ровно тридцать три года не знает он покоя, ни зимой, ни летом, ни днем, ни ночью, был пленен, ранен, десятки раз заглядывал в лицо смерти – все эти годы в степи шла охота за твоим первенцем, ласковым и тихим Тэмучином! И вот опять наш златокудрый мальчик ведет монголов против бесчисленных туменов алчущего гибели нашего врага! Но почему всемогущие боги неба бездонного,

видящие всю Землю от конца до края, не вмешаются, не помогут несчастным, во тьме мечущимся людям, не выправят русло жизни?!»

– Бабушка! – нарушил ее мысли звонкий голос.

Вприпрыжку, не зная устали, бежал маленький Угедей. Ожулун, улыбнувшись ему, одновременно вздохнула, подумав о том, каково сейчас его старшим братьям, Джучи и Чагатаю, которых Тэмучин взял с собой.

– Возьми, покушай, – внук заботливо протянул печень и сердце оленя, завернутые в тонкий слой брюшного сала. – Это мясо оленя, которого убил Тулуй.

Следом подходил еще один внук, самый младший. Он изо всех сил сдерживался, стараясь не выказать охотничьей гордости.

– Тулуй попал ему прямо в сердце! – продолжал восхвалять младшего брата Угедей.

– Олень бежал вверх из оврага, а я спрятался в засаде, стою, затаился, а потом как выстрелю!.. И знаешь, он вот так, через голову кувыркнулся! – не выдержав, выпалил Тулуй, на едином дыхании и в азарте показал, как кувыркнулся олень.

– Хорошие вы мои, бабушку прибежали порадовать, – Ожулун поцеловала внуков в пропахшие дымом макушки. – Сами кушайте такую вкуснятину!

– Мы еще нажарим! – закричали наперебой мальчишки.

– Угостите бабушку Хайахсын, – подтолкнула их Ожулун к старой китайке, которая, как всегда на постое, несмотря на усталость, собирала целительные травы и коренья, а за ней व्यюном ходили девочки.

Хайахсын давно уже стала для Ожулун не прислугой, а добрым другом, верным советчиком, родным человеком. Благодаря ей дети даже в ту пору, когда жили впроголодь, не знали болезней, росли сильными и крепкими. Любила она всех детей, как своих, но особенно выделяла Тэмучина, учила младших уважать его, старшего, прививала ему с малых лет манеры владыки. А уж когда залечивала своими настоями раны Тэмучина, то, видя подобострастную заботу ее, Ожулун иногда начинало казаться, будто это не она, а Хайахсын родила такого батыра!..

– Иди сюда, Хайахсын, – окликнула Ожулун подругу, – посиди со мной.

Хайахсын приблизилась, поставила корзину, полную трав, присела... но не рядом, а ниже, на небольшой камень. Во всем она так: обязательно выявит превосходство своей хотун! Когда-то Ожулун считала это мелочью, но со временем стала осознавать тайную силу такого поведения.

– Если бы не твоя постоянная наука, – заговорила Ожулун, – тяжелая ноша жизни давно пригнула бы нас, поставила вровень с простыми людьми, которые более всего заботятся о куске мяса для себя, и тогда бы от нашего народа уже не осталось и следа.

– Ожулун, – улыбнулась Хайахсын, – не следовало бы тебе произносить вслух сокровенные мысли...

Старая китайка, каждым движением выражающая рабское служение, на самом-то деле была удивительно свободным человеком.

– Ты для меня как моя тень, ты мои мысли знаешь лучше меня самой... – Ожулун посмотрела Хайахсын в глаза и, как ни пыталась следовать ее совету и не выказывать на людях своих чувств, вдруг обняла подругу и разрыдалась. – Почему не убывает вражда? Почему война преследует моих сироток, как только они поднялись на ноги? Доколе терпеть?!

– Поплачь, поплачь, слеза тяжелее камня, носить ее в себе надсадно, – погладила Хайахсын волосы своей седеющей госпожи, едва сама, сдерживая слезы. – Поплачь, облегчи душу, а потом надо думать о судьбе твоих маленьких внуков...

Ожулун хоть и плакала, но еще раз подивилась внутренней силе Хайахсын: ей, у которой и внуков-то нет, чтобы зацепиться спасительной думой за будущее, тяжелее вдесятеро! То ли эта мысль помогла, то ли со слезами выплеснулась горечь, сделалось спокойней на душе.

Ожулун поднялась, вытерла лицо, вздохнула глубоко и улыбнулась.

– Хотун Ожулун, – приблизился, протягивая в пиале молочную араку, Хорчу, – выпей с устатку.

– Посмотри, сколько здесь женщин, Хорчу, – подхватила его бодрый тон Ожулун, – хватит тебе ждать твоих тридцати, давай тебе сосватаем хотя бы одну!

– Нет, нет, только тридцать! После победы, но все сразу! – привычно отшутился Хорчу.

Ожулун приблизилась к костру. Угостила из пиалы Духа огня, прося его благословения.

– Сегодня мой маленький внук подстрелил оленя! Это доброе предзнаменование! Пусть нам также во всем сопутствует удача!

* * *

Ожулун сидела одна у затухающего костра. Подернулись пеплом тлеющие угольки, и враз наступила темнота: здесь, в горах, светлый день сменялся черной ночью так внезапно, что казалось, будто кто-то подкрался за спиной и накинул на голову мешок! Но так же скоро и совсем низко по небу рассыпались большие яркие звезды, а прямо из-за ближайшей вершины выплывала и лила свой, зовущий ввысь к богам, свет громадная луна. И только горные глыбы нависали мрачно, словно живые, заколдованные, таинственные великаны...

«О, боги, Всевышние боги, – тихо прошептали губы Ожулун, – не оставьте сынов и внуков моих...»

Здесь, вблизи неба, как на ладони, становилась видной вековечная степная жизнь монголов. Маленькое, бьющееся за жизнь племя, теснимое со всех сторон врагами. С запада – найманами и сарацинами, с юга – китайцами, с востока – чжурчженами. Лишь с севера остается маленькое пространство, куда и держит путь ставка. Но и на этом пути поджидает опасность – хоро и туматы...

Ожулун вдруг обнаружила, что все ее тело мелко дрожит от холода: как свет и тьма, в горах так же резко дневное тепло сменялось ночной пронизывающей стужей. Она встала, пошла... И вновь остановилась, вздрогнув от далекого, едва уловимого ухом, протяжного, вынимающего своей тоской душу изнутри, воя. «Волчица», – поняла Ожулун. И ей захотелось вдруг подхватить далекий зов, подвыть в ответ, ибо и сама она ощущала себя загнанной, уводящей от чужой своры своих детенышей матерью-волчицей...

* * *

Утром Ожулун вызвала к себе старшую невестку Борте и тойона Усун-Турууна. Хрупкая и смуглая от природы Борте, кажется, еще больше почернела и похудела, как некогда сохла Ожулун, потеряв Джэсэгэя. На людях Борте держалась с достоинством, но рядом со свекровью, у которой привыкла искать защиты, весь ее облик делался жалостливым, глаза сами собой наполнялись слезами. Сейчас она смотрела на Ожулун с единственной надеждой услышать вести с войны.

Богатырь Усун-Туруун тоже спал с лица, пощипывал сеющую бороду, будто она ему стала мешать.

– Далеко ли еще до Байхала? – спросила она его.

– Пять дней пути.

– Почти пришли, – произнесла она, словно разочарованная. – Ты ведь неплохо знаешь эти места?

– Да, я в молодости увлекался охотой на соболя, вдоль и поперек исходил лес и горы, окружающие Отец-Байхал.

– С какой стороны Байхала места менее проходимые?

– С восточной...

– Нужно разбить людей и скот на мелкие группы, рассредоточить их, чтобы запутать следы, а мы пойдем по восточной стороне Байхала, расположимся в горах, в самом укромном месте.

– А как же наши потом нас найдут?! – в испуге воскликнула Борте. – Как мы выберемся обратно из этих мест?!

– Не заботься о том, голубушка, – ласково проговорила Ожулун, – доведется возвращаться – словно на крыльях, долетим до родной стороны. И наши нас не потеряют – остаться бы нам всем в живых...

– Ты думаешь... – в оцепенении вымолвила Борте, – мы их можем больше не увидеть никогда? Они же победят!

– Победят одних, придут другие, сильнее и могущественнее прежних...

– Разве найманы не самые многочисленные и сильные?!

– Для нас они многочисленны и сильны. Одолеем их, станем врагами более могущественных народов, которым не может понравиться, что у птенцов в орлином гнезде выросли когти и крылья.

– Выходит, что мы уже не вернемся на родину?!

– Вернуться – вернемся, но пока нужно заботиться о том, как будем хорониться в этой стороне, – сказала Ожулун тоном, прекращающим пустой разговор. – А доводилось ли тебе углубляться еще севернее? – обратилась она вновь к Усун-Турууну.

– Нет, но я часто встречал охотников-эвенков, которые приходили сюда с северных земель. Они рассказывали, что в их землях течет такая широкая река, что едва виден другой берег. Зимы очень длинные и холодные, снег выпадает толщиной в человеческий рост, поэтому трудно разводить и кормить скот. Видимо, северные места не пригодны для жизни.

– Не суди о том, чего не видел своими глазами, – задумалась Ожулун. – Если все, что имеет крылья, улетает по весне на север, чтобы вывести там потомство, значит, та земля таит свой великий секрет.

Борте чуть не вскрикнула, испугавшись, что хотун Ожулун намеревается увести ставку в те самые заснеженные северные земли, пусть и удивительные, в летнее время переполненные щебечущими птенцами, но такие далекие!

– Нужно снарядить несколько наших сюнов, – словно подслушав ее догадку, продолжила Ожулун, – чтобы они двинулись по этой северной реке и разведали, что это за страна. Отправить мужчин нужно вместе с женами, скотом и всем их скарбом.

– Все наши мегены состоят из воинов разных родов, – заметил Усун-Туруун.

– Это хорошо. Так каждый, кто прибудет туда, найдет своих.

– О, боги, какие несчастные мы!.. – взмолилась, не сдерживая слез, Борте.

– Что делать, – заговорила с ней Ожулун, как с малым ребенком, – нужно заранее пробить пути-дороги, по которым, случись беда, мы сможем увести детей наших, наше потомство туда, где никому в голову не придет искать нас.

Борте опустила голову, изо всех сил стараясь быть достойной своей величественной свекрови.

– Матушка моя, – призналась она, – мне не угнаться за твоими мыслями, которые охватывают такие пространства и опережают время!

– В северные земли мы уйдем только в крайнем случае, – по-матерински продолжала успокаивать Ожулун невестку, – а до того, пока есть выбор, мы будем жить в этих окрестностях. Создадим две-три ставки, выделим людям скот, все необходимое... Туда, где будет наша основная ставка, Усун-Туруун приведет нас не прямым путем, а петляя, запутывая следы...

– О, матушка, доколе все это нам терпеть? – опять не выдержала Борте.

– У тебя еще есть время, чтобы успеть пожить, как балованная женщина, в одном месте. Да будут благосклонны к нам боги!

* * *

На переломе дня поднялись на гребень горы – Женское Седло. Впереди были поросшие густым лесом, похожие на теснящихся к матке лохматых барашков, убывающие по высоте горы. Вдали, словно сгустившееся небо, виднелась синяя полоска Байхала. Дух перехватывало!

К Ожулун приблизился Усун-Туруун. Рослый жеребец под ним забил копытами и густо заржал. Старик потрепал своего коня по гриве и вздохнул.

– Подыскал тойона, который поведет людей на Север?

– Да, моя хотун. Сюняй Нохой, родом из урангхаев. – Усун указал на крепкого парня, почти юношу, восседающего на ладном, широкогрудом коне.

– А не слишком ли молод?

– Да, но он вынослив, с долгим дыханием, а главное, прежде имел связи с тонг-бисами, обитающими на северном пути, немного понимает их язык.

– Позови его.

Усун-Туруун сделал жест, сюняй Нохой готовно приблизился, ловко спрыгнул с коня, встал перед хотун Ожулун на колено.

– Кто твои родители? – спросила она.

– Отца зовут Баргы, он младший брат старика Джаргыстая, отца Джэлмэ-тойона. Мать родом из ханглы, она третья жена моего отца, сына твоего дяди по матери.

Ожулун всмотрелась в широкое лицо Нохоя, раскосые глаза, отметила его могучую статью...

– Как же я сразу не признала в тебе кровную родню! – проговорила она одобрительно. – Ты женат?

– Нет.

– Хорошо. Выберешь себе первую жену из тонг-бисов.

– Ты сказала – я услышал, моя великая хотун!

Ожулун рассмеялась готовности и понятливости парня: ведь она еще не сказала ему, как он на этот раз должен будет повстречать тонг-бисов!..

– Нохой, сынок, от имени Чингисхана я возлагаю на тебя трудную задачу...

– Я готов умереть, моя великая хотун, выполняя твое задание!

– Умирать как раз не надо. Стоит умереть тойону – войско обезглавлено. А тебе придется продвигаться со своими сюнами, с семьями воинов и всем их скарбом, на сто кес севернее этих мест, тогда как все остальные должны найти пристанище через пять кес. Там, на севере, ты устроишь тайную ставку Чингисхана. По пути ни в коем случае не ввязывайся во вражду с местными племенами, а наоборот, старайся сблизиться с ними и породниться. Так ты увеличишь число людей своих. Запомни: тот, кто придет с золотым ярлыком и скажет: «Прибыл по указу Чингисхана», – будет из посланных нами. Указ, который он передаст тебе, ты должен будешь выполнить незамедлительно. Тот же, кто придет с золотым знаком в виде солнца, станет тойоном ставки. Я все сказала!

– Ты сказала, я услышал! – ответил сотник Нохой недрогнувшим голосом.

– Туда люди сплавятся по реке, – проговорил в задумчивости ему вслед Усун-Туруун, – а вот обратно... смогут вернуться немногие, да и то разве что зимой, на оленях...

– Не говори об этом никому.

– Да как тут скажешь, – вздохнул Усун-Туруун. И помолчав, добавил: – Путь нелегкий. Может, мне отправиться с ними?

– Ты не хуже моего знаешь, что нужен здесь, – отрезала Ожулун, вглядываясь в даль.

– Я думаю, одну ставку нужно раскинуть вон там, в той стороне, в устье таежной реки, под укрытием горных скал, а другую, где поселишься ты... – Старик засмотрелся любовно на озерную синь. – Расположить среди Байхала, на острове!

– На острове?! – улынулась Ожулун, также засмотревшись на Богатое озеро. – А как мы на него переправимся со скотом и утварью?

– Часть людей переправим на лодках сейчас, а остальные придут со скотом зимой...

Усун-Туруун заметил, что Ожулун понравилось, как он все продумал.

– Я почему сказал, что, может, мне лучше пойти с людьми на север, – стал оправдываться он, – просто смолоду любил бродяжничать, и когда видел отъезжающих куда-то, тем более в дальние земли, в неведомые края... всегда охватывала тоска. Так и сейчас.

Усун-Туруун с такой задушевностью произнес эти слова, что и Ожулун вздохнула, совсем иначе, с удивлением взглянув на этого грубого на вид, с воловьей статью старика. Его светлая печаль напомнила ей, как давным-давно они сплавлялись по реке Керулен, поскольку не хватило для всех упряжного скота для кочевки. Тэмучину тогда было одиннадцать лет, Хасару девять, Тэмигэ семь, Аччыгыю пять, а Тэмулуну всего три года. Степь была выжженной, потрескавшейся от палящего солнца, а русло реки узким. Она постоянно боялась, как бы лодка в обмелевшей реке не наткнулась на пороги, прижимала к себе детей своих, будто, случись беда, могла их спасти...

– Тем более, – продолжил Туруун, – мне-то уже ни оттуда, ни отсюда на родину не вернуться...

– Я немногим моложе тебя, – посмотрела Ожулун на могучего старика.

И оба они оглянулись враз, глубоко вздохнули, будто пытались захватить с собой на чужбину последний глоток родного воздуха. Там, за их спинами, далеко-далеко оставалась степь, лежащая под низким, почти соприкасающимся с землей небом.

Ожулун, а за ней и Усун-Туруун дернули поводья своих лошадей. Через мгновение та сторонушка, где лежала степь, стала невидимой.

* * *

Здесь, по другую сторону хребта, двигались кучнее, теснясь друг к другу, настороженно, словно бы во тьме, вымеряя каждый шаг.

– Там, внизу, топот копыт, – вскинула голову чуткая Хайахсын.

Все остановились, вглядываясь туда, куда смотрела старая китаянка. С десятков конных вывернули из-за скалы.

– Это наши! Арбан разведчиков!.. – воскликнул зоркий Утедей.

Тойон арбана разведчиков Хурчагыс спешился перед хотун Ожулун и, опустившись на одно колено, глухим простуженным голосом радостно доложил:

– По распоряжению тойона-сюняя Буги я со своим арбаном прошел по берегу неизвестной реки, сбегаящей вниз с северной стороны Женского Седла, и встретил там хоро-туматский караул.

– Большой числом?

– Нет, человек двадцать. И они, и мы назвались охотниками, хотя по одежде и по снаряжению было видно, что те и другие – воины. Мы, как заранее обусловились, объяснили, что в степи стало слишком опасно, а мы хотим жить мирно, поэтому отправились искать подходящее место, чтобы перекочевать. На это они ответили, что передадут наши слова своему Хану Дойдухул-Сохору. И еще сказали, что, мол, если вы хотите здесь обосноваться, то пусть глава вашего рода прибудет к нашему Хану. Как только я рассказал об этом тойону Буге, он сразу же отправил меня к тебе.

– Значит, хоро-туматы живут в пойме, меж двух больших рек... – проговорила Ожулун, глядя в одну точку, словно в ней и была сосредоточена жизнь неведомых хоро-туматов. Посидев в задумчивости, Ожулун перевела взор на Хурчагыса. – Хоро-туматы станут следить за вами, а вы не спускайте с них глаз. Ни под каким предлогом не давайте повода для стычек, ни в коем случае не применяйте оружия. Если даже хоро-туматы обнажат свои сабли против вас, уходите, путая следы.

Ожулун хорошо понимала предупреждения о том, что самые свирепые в здешних местах – хоро-туматы со своим вождем Дойдухул-Сохором. Удастся с ним разминуться – будет в этих землях ставка. Ибо тас, баджигы, байыты, как и все племена, живущие рыбалкой и охотой, а поэтому и не враждующие из-за пастбищ, более миролюбивы.

– Нужно подыскать место для стоянки, – сказала она Усуну. – К Хану хоро-туматов Дойдухул-Сохору, видимо, придется отправиться тебе.

* * *

По ту сторону входа в сурт Ожулун услышала быстрые шаги и встрепенулась. Она усиленно старалась думать только о том, что готовит ей судьба на пути, и не позволяла мысли пытаться заглянуть в то, что может твориться в степи. Но внутри ее словно шла сопутствующая жизнь, полнящаяся постоянным ожиданием весточки оттуда.

Ожулун выглянула, подняв полог входа.

– Пропусти, у нас срочное дело! – наступал Тулуй.

– Нам некогда! – вторил за ним Угедей.

Перед мальчиками в позе командира стояла Хайахсын.

– Если вы торопитесь, так, по-вашему, можно вести себя как челядь?! Посмотрите друг на друга, в каком обличье вы явились?! Кто признает в вас будущих ханов, когда вы в таком виде?! В этих ремках даже баранов пасти стыдно! А ты, Тулуй, уже почти взрослый, а за ужином на колени к бабушке забрался!

– Она сама посадила... – насупился внук.

– Когда никто не видит, можешь хоть грудь бабушкину сосать, – отчитывала Хайахсын, – но на людях помни: недолго ждать, когда ты станешь военачальником, и многих из тех, кто тебя окружает, тебе придется вести за собой в бой! А они про тебя будут говорить: да он только что у бабушки на коленях сидел!

Хайахсын строга, но и воспитанники ее не промах. Угедей, а за ним и Тулуй применили безотказный прием: заговорили по-китайски. Ожулун уже ничего не понимала из их тошного «чунг-чанг», но было ясно, что накал страстей стихает, китайка начинает уступать. Ожулун запахнула полог, села, будто ничего не слышала.

– Бабушка, – заглянул Тулуй, – мы пришли к тебе с Тулуем.

– И что за срочность? – подхватила строгий тон Хайахсын хотун Ожулун.

– Мы хотим отправиться в дорогу вместе с урангхаями во главе с тойоном Нохоем! – выпалил Тулуй.

– Откуда вы узнали про их отправление?! – изумилась Ожулун.

– Услышали, что люди говорили...

– А почему вы подслушиваете?!

– Мы ненарочно...

– Мы только до реки Бетюн с ними доедем, – вмешался Угедей, – посмотрим, как и на чем они поплывут, а потом вернемся с дедом Усуном.

– Бабушка, пожалуйста...

– Очень-очень хочется? – тянула с ответом бабушка.

– Очень! – воскликнули мальчики. – Мы будем слушаться тойона Усуна!

– Сделаем так, – все медлила бабушка, – вы сами решите, как поступить, но сначала я вам кое-что постараюсь объяснить.

– Что объяснишь? – насторожился Угедей.

– Вы оба – сыновья Хана, значит, вы тоже Ханы? Так?

– Так... – закивали ребята, не понимая, к чему бабушка клонит.

– А чем Хан отличается от харачая, слуги?..

– Тем, что он главный. – Тулуй пока не терял уверенности.

– Правильно, главный. Хан направляет жизнь в правильное русло. Для этого он поступает не так, как хочется лично ему, а так, как нужно многим, как полезно для всех. Спросите у ста человек – чего они хотят? И вы услышите сто разных ответов. Ибо каждый руководствуется лишь своими желаниями. Хан же из этих ста решений должен выбрать то, которое выгодно всем. Но для этого ему необходимо в первую очередь упорядочить собственные мысли и поступки, подчинить их общей необходимости, общему делу. А теперь принимайте решение, но помните, что каждый из вас – хан.

– Я не поеду, – сказал Тулуй.

– Да, – согласился Угедей. – Если подумать обо всех, то ехать нам не надо.

Сделав ханский выбор, юные ханы приуныли.

– Что-то уж больно скоро вы передумали, – улыбнулась Ожулун.

– Выходит, бабушка, – не выдержал зова души Угедей, – хан, способный повелевать всеми, самый несвободный человек?!

– Свободным и независимым может быть только человек без роду, без племени. А чтобы повелевать, нужно в первую очередь уметь укрощать себя, свои желания, чувства, при этом нужно учиться угадывать чужие мысли, намерения и желания и осуществлять их чаяния. Будете жить ради людей – люди сами соберутся вокруг вас, пойдут за вами, как сегодня они идут за вашими отцами.

– Мы будем такими! – клятвенно ответил Тулуй.

– А ты что как в рот воды набрал? – повернулась Ожулун к Угедею.

– Бабушка, – обидчиво наклонил тот голову, – мы не провинились ни в чем, просто захотели...

– Хм... – глянула она на внука с интересом. – С одной стороны, ты прав. Ты обижаешься, что тебя поругали за несовершенную ошибку. Но это опять же простительно челяди или любому другому простому смертному. Но не Хану! Хан выше обид! Он должен понимать, что если неправильны были мысли, то неправильны и поступки.

– Так! – мгновенно отреагировал Тулуй.

– Да... – едва выдавил Угедей.

– Зачем ты говоришь «да», ведь ты не согласен? Или не совсем согласен?

– Я согласен, – проговорил внук, все более замыкаясь.

– Ох, и упрям же ты! – потрепала внука по волосам бабушка. – Ничего, со временем поймешь все, что я говорила, и согласишься...

– Я понимаю...

– Хорошо. Что касается реки Бетюн, решим так. Сюняй урангхаев отправляется основать для нас северную ставку. Если там, в Желтой степи, наши потерпят поражение, нам всем придется уйти отсюда, перебраться в северную ставку. Проводить людей пусть поедет один из вас. Одного из вас люди должны видеть среди провожающих. Другой должен быть в это время здесь. Помните: для людей вы продолжатели Ханского рода. Когда вы с ними, у них прибавляются силы.

Мальчики переглянулись, исполненные значительностью собственной миссии.

– Кто же поедет? – вновь первым спросил Тулуй.

– Решайте сами, – была непреклонна бабушка. Ожунун едва сдерживалась, чтобы не обнять, не прижать к себе внучков своих, сызмальства вынужденных скитаться по чужбине. Можно было, конечно, позволить им поехать вместе, никакой уж особой важности в их присутствии там или здесь не было, но надо было привить им мысль соразмерять каждый поступок с общими задачами. Да и к выбору, к принятию решений нужно приучать мальчишек. Для них нешуточное дело – решить, кто поедет, когда охота обоим.

Бабушка еще долго смотрела на удаляющиеся, сгорбленные, как у маленьких старичков, спины мальчишек, бредущих к общему костру.

«Маленькие мои, успеть бы для вас устроить спокойную жизнь! – взмолилась она. – О, всемогущие боги!.. Если лежит на нашем роду какой-либо тяжкий грех, еще не отмоленный и не отплаченный, за все взыщи лишь с меня одной! О, боги, неисчислимое множество нас на этой земле, молящих вас о милости, но верю, знаю, что услышите вы мои скорби, мольбу мою к вам! О, боги!..»

Глава двенадцатая

Купец Сархай

§ 1. О хороших нравах Татар

«Вышеупомянутые люди, то есть Татары, более повижутся своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире – или духовные, или мирские, – более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретаются также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет его к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно читит другого, и все они дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И это люди не изнеженные. Взаимной зависти, кажется, у них нет; среди них нет почти никаких тяжёлых ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бесстыдстве их женщин ничего среди них не слышно».

Плано Карпини. XIII в.

Едва Джэлмэ принялся за чай, как из-за стенки сурта услышал голос стражника.

– Тойон Джэлмэ, к тебе человек!

– Ну?! – рявкнул в сердцах тойон. – Кто он? Невидимый стражник заторопился:

– Не говорит ни имени своего, ни звания! Просит встречи с глазу на глаз, тойон! Не гневись на меня! Откуда – тоже не называет! Обыскивали – не нашли ничего...

– Нет ли у него на шее подвески, говори!

– Да-да! – заторопился еще более стражник. – Есть, тойон, что-то вроде золотого солнца!

– Такпусти же! – тойон с нетерпением поерзал на кошме и перевел взгляд на вход в сурт.

Невысокий плечистый человек вошел в сурт и тут же упал на колени.

– Тойон Джэлмэ, это я, купец Сархай! – заговорил он, не подымая взора с кошмы, на которой сидел тойон. – Я один из пяти, которых ты поручил заслать к найманам в начале этой зимы!

– Встань и говори! Смотри мне в глаза!

– Пришел с донесением от своих товарищей.

– Ок-се, догор, ок-се... Я уже потерял вас начисто: ни известий, ни слухов... Садись напротив, утоли жажду чаем.

От болезни ли, от тепла ли, заполнявшего сурт, лоб Сархая покрылся обильным потом. Он улыбнулся, стряхнул пот, заливавший глаза, черной ладонью:

– Как смотреть на тебя? Пот дорóг и ночевок ест глаза... Дай, тойон, освободиться от бремени известий, что переданы тебе издалека, а уж потом чай – не прогневись!

– Говори, храбрый Сархай!

– Тойон Джэлмэ, все пять волкоподобных желтоватых псов, отправленных тобой в стан найманов, целы и невредимы. Ни на полшага не отступили мы в сторону от указанного тобой дела. Там сильно развита торговля, и три купца наших безо всяких трудностей смешались с тамошними купцами, купили дома, которые служат им надежным укрытием. Мы – Онгут-бай, молодой Тунай и я – поступили перевозчиками товаров во дворец Тайан-Хана. Помог в этом наш человек, имя которого не называется для ушей. Вот что он передает: «Тойон Джэлмэ! В большой тревоге отправляю тебе срочное донесение... – Сархай устремил взор к дымоходу и прищурил глаза, чтоб ничто не мешало вспомнить депешу. – Тайан-Хан вынес указ о сборе войска. Он отправил в несколько великих стран своих гонцов из тойонов для поиска союзников, нарочные призывают тех присоединиться к Тайан-Хану в походе на нас. Но его указ еще не донесен до простых людей, а тойоны уже собирают оружие и снаряжение, готовят коней. Ходят слухи, что Кехсэй-Сабарах, найманский военачальник, сильно противился спешке со сборами и подготовке к войне. Но остальные тойоны склонили его к согласию. Однако те, кто держит сторону Кехсэй-Сабараха, недовольны своим молодым Ханом и говорят, что легкие мысли его дальше игр и забав не отлетают, а занятия ограничиваются охотой. Из этого следует, что дыма без огня не бывает: всем распоряжается мать Хана именем Гурбесу-хотун. Она своевластна, но люди ее слушаются и признают, а страна богата из-за хорошо развитой торговли. Здесь немало богатых и просто зажиточных людей, которые не стеснены в одежде, питье, развлечениях. Войско же большей частью пешее, тяжело вооруженное и одетое в кованые кольчуги. На вооружении пеших воинов пики длиною в две, а то и три сажени, тяжелые пальмы. Слабости войска еще и в том, что все большие тойоны стары, они ровесники Кехсэй-Сабараха и также давно не были на большой войне. Один Кехсэй-Сабарах воюет и сохраняет боевой дух, он везде побеждает, а единственное поражение понес от нас, но побежденным себя не числит: обвиняет во всем плохую погоду, неумелое управление тойонов своими нукерами и неожиданность нашего нападения.

Уверенность найманов в своих силах непоколебима, а свои воинские достоинства они возносят до седьмого неба. Выше себя ставят на западе – Мухаммеда, а на восточной стороне – Алтан-Хана, монголов же в расчет не берут, их считают бродягами, человекоподобными разбойниками.

Добавлю, что здесь утверждают: Джамуха близок с Тайан-Ханом. При нем состоят чадараны, хатагины, салджиуты, дюрбены, тайчиуты и часть унгиратов. Еще: с Тохтоо-бэки состоят в родстве все меркиты, но прежнего мира меж ними нет, их объединяет лишь нужда, и они готовы впасть во вражду, разбиться на слабые племенные кучки. Но всех их – множество.

Так что отправляю верного вестника с предупреждением о грозной беде. Ведь одно только войско, что отлучилось от нас и примкнуло к врагу, превосходит нас числом. Но если мы подготовимся заранее и встретим их продуманно, то ряды найманов быстро обнаружат свою рыхлость и нестойкость.

Так я сказал, вы услышали. Пусть удача сопутствует нам!»

Окончив речь, Сархай пружинисто поклонился и легко прошел на место, указанное тойоном Джэлмэ. Неуловимо быстрым движением он распахнул оторочку из пушистого меха на груди и подхватил чашку с чаем, взгляд же его был скрещен со взглядом тойона.

– Ты возник в самое нужное время, добрый человек, – поощрительно заговорил тойон. – Эхо того, что ты сообщил, только что долетело в наши края, и начат сбор войска. Теперь я уверен, что мы на верном пути... Пей чай и говори: что думают там о нашей силе? – Тойон кивнул головой в сторону выхода. – Они по-прежнему считают нас сборищем бродячих разбойных племен? – Джэлмэ догадывался о многом.

– Так, тойон Джэлмэ, – мягко улыбнулся гонец. – Они уверены, что походя раздавят и рассеют нас...

– А подстрекатели кто: Джамуха и Тохтоо-бэки?

– Твой ум летает выше сокола, тойон: по словам этих людей и судят о нас. А Джамуха и Тохтоо-бэки аж приседают от нетерпения разбить нас силами найманов, торопятся в поход, чтоб одержать победу до наступления большого зноя, чтоб успеть подыскать место для стоянки! – отвечал Сархай, и в глазах его плясали то ли лукавые искорки, то ли отблески домашнего огня. – Глупцы!

– Глупцы... – согласился тойон и до хруста пальцев сжал ремennую плетъ в правой руке. – Найманы их и погонят впереди себя в бой... А что же остальной народ, догор? Те же мысли?

– Судя по тому, что остальной народ запасается привычной пищей, а кочевники поспевают в сторону гор – это бегство от войны и тревога... Отток таков, что войскам приходится сдерживать его силой. Наши люди, укорененные во вражеских войсках, говорят, однако, что среди меркитов многие решительно настроены биться с нами насмерть. «Наступают времена, когда решится, кому жировать на этой земле», – говорят они. Люди нашего недруга Джамухи тянут в разные стороны. Одни твердят, что мы должны жить вместе, как стрелы в одном колчане, что все мы некогда стояли под крылом Тэмучина и тем были сильны...

– Полного согласия нет, – довольно произнес тойон Джэлмэ. – А самого-то Джамуху довелось увидеть?

– Видел. Он почти не изменился: силен, ловок, опытен, как девятилетний жеребец. В один присест может съесть стег мяса. Зато Тохтоо-бэки как-то подвялился, лицом почернел, глаза запали внутрь прошлого...

– Ты умен и наблюдателен, купец, – скупно похвалил тойон, наблюдая за тем, как его похвала отразится на лице Сархая: тот принял слова Джэлмэ с достоинством. Он склонил перед тойоном голову и произнес:

– Ты вскормил мое сердце, тойон.

Вежливо помолчав и тем самым давая Сархаю сделать глоток чаю, тойон спросил:

– Что найманы?

– Найманы весьма способны к торговле, а что касается их воинских способностей, сказать затрудняюсь, тойон Джэлмэ. Мне показалось, что они медлительны, нерасторопны в строю...

– Тс-с-с! – тойон предостерегающе поднял вверх кулак с зажатой в нем плетью: он услышал голоса за стенами юрта и, прислушавшись, определил их. – Пусть войдет Усунтай! – крикнул он и пояснил Сархаю: – Пришел мой сын Усунтай-долговязый...

Совсем юный воин вошел в юрт, скользнул взглядом по лицу Сархая и произнес:

– Отец, тебя зовет Хан.

– Слышу. Уходи. – Он дождался тишины, наступившей вслед за уходом сына, и встал с кошмы. – Хан должен услышать твои слова собственными ушами. Пойдешь со мной – твои сведения бесценны!

– Но мой тойон... – встал и растерянно оглядел свою одежду Сархай. – Как покажусь перед очами Хана в таком одеянии?..

Тойон невольно хлопнул Сархая по плечу и взбил легкое облачко пыли. Засмеялся молодым смехом:

– Да-а... Сразу видать, из богатых мест прибыл... Одежда ему не нравится, подавай другую... Будет тебе и другая. А пока пойдем так, по-простому. Сейчас не курултай, чтобы в праздничное рядиться!

– Быть по-твоему, тойон Джэлмэ, – начал было отряхиваться Сархай, но вспомнил о дорожной пыли в порах одежды, тряхнул головой, чтоб одолеть сонливость, и пошел вслед за тойоном, шепча выученные наизусть слова донесения.

* * *

В самый большой сурт ставки первым вошел Джэлмэ.

«Не уснуть бы стоя», – думал Сархай, но вскоре позвали и его.

При входе Сархай растерялся, ослеп от волнения и яркого света огней. Он не понимал, в какую сторону и кому поклониться, глаза его помутнели от бессонницы, и видел он лишь силуэты справа и слева от себя, но выделил все же впереди человека немалого роста и опустился пред ним на колени, чтобы одним духом выпалить слова донесения. Лишь потом сознание его прояснилось, и он узнал многих тойонов: Хубулая, Боорчу, Мухулая. Град вопросов сыпанул на его утомленную голову: где лежат броды рек и речушек; в каком состоянии горные дороги и перевалы; сочны ли пастбища и какая есть дичь; как охотятся найманы, богаты ли они скотом? Сархай, как усталый подраненный зверь, из последних сил плыл к берегу спасения, когда вступил в расспросы сам Тэмучин. Он указал внести в письма сведения о том, купцов каких народов больше всего на той стороне, каким товаром промышляет каждый из них и как кого зовут.

– Сархай, я доволен тобой, – сказал он среди всеобщего безмолвия. – Я благодарю тебя и оставшихся там, откуда ты пришел, людей за верность, благородство и ум. Если Бог поможет и придаст нам сил – мы сгоним жир с разьевшихся, высокомерных найманов. Тогда и встретимся после победы на развалинах вражеских стойбищ...

Сархай поднял глаза на Хана Тэмучина: ему показалось, что полулежит-полусидит великан, что глаза великана – светлые озера, дыхание – вольный ветер, а плечи – горные склоны. От него веяло спокойствием и уверенностью.

– Идите к тойонам, мегеняям и сюням, – приказал своим полководцам Хан. – Пусть узнают все, что знаем мы о нашем недруге. Война становится для нас привычным делом. Таким, как перегон скота. А привычка – дело столь же хорошее, сколь и опасное: мы должны разбить найманов наголову на их же земле, тут нужны хитрость и знание, которые заменят нам численность войска. Идите и расскажите моим военачальникам о бродах, переходах, горных перевалах, о спусках, подъемах и пастбищах и обо всем том, что рассказали мне. Пусть готовятся тщательно, как если бы им предстояло... – помолчал он, – перегонять скот...

Грядущая война и подготовка к ней владели всем в ставке Тэмучина. И Сархай понял, что горячее его тайное желание не будет утолено; что он попал в мощный водоворот великих событий, где человек с его личными страстями и заботами становится лишь частичкой общего потока, которым управляют лишь Хан и Бог. Он устало плелся вслед за Джэлмэ, который, словно поняв его невеселые мысли, дружески сказал:

– Не печалься, купец! Понимаю: ты давно не видел своих родных, но время нас не поймет, и наши же дети осудят нас за минуты слабости. Даст Бог, одолеем эту войну, а на перевале вздохнем о наших мелких переживаниях, поживем в достатке со своими семьями. Пока же сделаем так: на днях уходит караван, и к твоим гостинцам я прибавлю свои подарки для твоих родных. Передаст их с караваном надежный человек: это и будет весточкой от тебя... Как?

– Пусть будет так, тойон! – ответил Сархай: приказ освобождает душу воина от слабости, от ненужных искушений.

– Ты же набери китайского товару, – продолжил Джэлмэ, положив руку на усталые плечи Сархая и давая тем самым понять, что и ему близки человеческие переживания, – набери товару и на семи верблюдах завтра же отправляйся обратно. Вот так...

– Слушаю! – поклонился Сархай.

– Даю тебе десяток стариков и двух-трех парней. Ты хорошенько обустрой их у назначенных бродов и перекрестков. Они должны будут встретить наших людей в нужное время и стать их проводниками.

– Слушаю, тойон!

– А теперь иди отдыхать, друг. – Джэлмэ отвернулся и, подобно хищной птице, уставился на возгорающийся багрецом горизонт округленными видением будущих сражений глазами.

* * *

Две мысли не выходят из головы, то сплетутся, как весенние змеи, то разъедутся, как ноги верблюжонка на льду. Первая, что из многих падут многие, из немногих – немногие. Это слова презревших смерть и идущих на нее. Вторая – о Джамухе. В глазах меркнет от мысли, что андай опять переметнулся на сторону врагов. При этом распустил весть, что не станет участвовать в войне. Что же на самом деле?

Если долго думать одну и ту же думу, она рождает немало новых мыслей. Если ты не сможешь заранее мысленно построить зигзаги будущего боя, угадать ловушки и выстроить их, если не сумеешь вырыть яму на пути разъяренного бегущего быка, если не обучишься делать заячьи вскидки, охотничьей птицей падать из поднебесья, ходить мягче лисы и рычать громче медведя, то вряд ли сможешь навязать свою волю неприятелю и окажешься одним из тех многих, кто уйдет с земли в землю.

Далее: картина сражения состоит из текучих, быстро изменяющихся противостояний и стычек. Только при умелом управлении этим хаосом можно все время находиться на гребне волны, а не быть погребенными этой волной. Чуть раньше или чуть позже – это поражение. Удары и уклоны хороши лишь в единственно нужный миг. Кажущаяся стихия должна быть управляемой, послушной единоначалию. Войско должно быть гибким и жестким, как плеть в сильных руках, и всегда знать сиюминутную цель внутри общей цели. Каждый арбан и сюн станут гибким и жалящим телом змеи, а не раскрутившейся на отдельные нити веревкой – тогда победишь. Вот над чем надо поразмыслить сообща, когда Джэлмэ соберет всех на совет.

Так думал Хан, засыпая.

* * *

Хан пробудился до света и лежал, видя в дымоход сурта, начинает озаряться небо. Он ценил свои утренние мысли и считал, что их дарует Бог.

В предчувствии грозных времен Хан был холодно спокоен. Бейся мыслями и горячись сколько угодно, а отступить, спрятаться и обойти врага встречным маневром не сумеешь. Но разве было когда, чтоб он встречался хотя бы с равными себе по численности врагами? Нет, противник всегда превосходил его числом, все время приходилось изворачиваться, как зайцу во время облавной охоты, оставлять в цепких руках ловчих куски шкуры... Поход к подножию горы Май-Удур, неожиданный удар по ставке Тогрул-Хана тоже были вынужденной мерой, диктуемой безумством отчаяния. Любой другой выбор был бы губителен.

Теперь же спасет только твердое единоначалие и воинский порядок. Как нащупать те нити управления войском, те скрепы, которые вели бы к победе и рядового нукера, и большого тойона и понимались бы каждым человеком из народа? Вот перед войной с татарами на Большом совете все в кругу тойонов уговорились не начинать грабежа, пока не будет уничтожено все войско татар полностью, а каждый, кто нарушит приказ, будет приравнен к предателю и казнен. Что же получилось? Сами великие тойоны Алтан, Хучар, Дарытай не совладали с алчбой, бросились, как смердящие песцы на падаль, собирать трофейное барахло! Как казнить великих воинов после победы? Пришлось отнять у них награбленное. Они оскорбились этим, они снялись с места и откочевали прочь. То есть всякие договоры в кругу не имеют силы перед страстью наживы. Только страх перед неминуемой карой может прояснить горячие головы и не дать победе обернуться поражением.

* * *

Когда ушел Джэлмэ, Хан, оценивая высказанную тойоном мысль, расхаживал по сурту. Славная мысль, великая находка: возможность крушить врага, не сходясь с ним лицом к лицу, находясь вне досягаемости его палм и копий! Нужно лишь найти приемы битвы на любой местности и в любое время года. В волнении Хан вышел за порог. Восход уже зарумянился, в небе проглядывала чистейшая синь – непостижимая красота жизни. Как лягушка, узнавшая засуху и брошенная кем-то в болотце, всей кожей впитывает влагу, так Хан впитывал вечную утреннюю прохладу и потягивался, разминая умирающие ночью мышцы.

Со стороны синих гор ветерок донес клики журавлей, улетающих на север. Не впервые задумался Хан о тайне строгого порядка этих перелетов. В далеком детстве он, Джамуха и Хасар бежали по цветущей степи вслед за пролетающей журавлиной стаей, крича: «Задние – вперед! Задние – вперед!» И журавли, словно бы вняв их детским приказам, перестраивали клин, пропуская вперед задних.

Потом, когда он вырос, узнал на своей шкуре, что значит быть гонимым и преследуемым, когда узнал всю меру людской гнусности и низости, он вспоминал журавлей, думая: «Настанет день, когда мы, последние, станем первыми... Этот день настанет!» Как проникнуть слабому человеческому разуму в божественную тайну этого стремления последних быть первыми? И надо ли пытаться постичь непреложность вечных законов природы? Сколько разнопрекрасных земель возлежат под живительным солнцем, но ненасытному человеку все мало, все не хватает простору. Он не устает от войн и раздоров, влекомый алчностью и подстрекаемый гордыней. Первые гнетут последних, последние ненавидят первых. Зрячие люди не видят чудесного мира, глядя на него, они видят лишь собственные желания, а значит, ничем не отличаются от слепых. И человек не хочет открыть глаза для того, чтоб растворить себя в прекрасном. Он идет в мир разрушителем, губя живое в себе и вокруг себя.

Далеко ходить не надо. Только-только расправился с врагами, а вот уже Тайан-Хан идет сюда войной. Надо принимать бой, одними мыслями о прекрасном мир не изменишь. Пока мир таков, его можно крепить только оружием и военным искусством: чем сильнее власть, тем спокойнее жизнь в государстве, если правитель мудр и набожен. Мир должен быть построен, как лестница, от земли к небу, и те, кто на нижних ступенях этой лестницы, пусть считают иерархов небожителями. Тогда у них не будет этого зуда ниспровержения, а страх не позволит им раскачивать лестницу: рискуешь сорваться. Умный рассчитает подъем по этой лестнице на поколения вперед, и лишь далекий его потомок сможет взойти по всем ступеням лестницы наверх, к небу, где молнии и гром небесный подчинятся ему как оружие поощрения и возмездия.

...А пока нужно добиться предельной ясности отдаваемых тойонами приказов. Они должны быть краткими, точными, понятными и недвусмысленными, иначе всегда найдется, как в случае с Хойдохоем, повод для отговорок из-за превратного толкования приказа. А все нити управления пусть держит в руках один человек – Большой Тойон...

Кто-то вежливо кашлянул у входа в сурт. Джэлмэ?

Хан кашлянул тоже в знак того, что проснулся.

– Тэмучин, это я, Джэлмэ... – осипшим голосом доложил, входя, тойон, и по этому голосу Хан понял, что Джэлмэ не спал всю ночь. Однако лицо тойона было чистым и свежим, как после вольной скачки верхом в погоне за красивой девушкой.

– Слушаю, – сказал Хан. – Эй! Внесите факелы! Слуги развели огонь. Джэлмэ с Ханом сели друг против друга у ящиков с песком, где были начертаны карты местностей.

– Из сказанного Сархаем я уловил одну мысль... – осторожно начал Джэлмэ, замолчал и, поглаживая усы, заметался взглядом по полу сурта, словно потерял какую-то важную мелочь.

– Продолжай! – не повышая голоса, сказал Хан.

А Джэлмэ думал о том, как бы свою находку в военном деле подарить Хану, дать Хану додумать его, Джэлмэ, мысль. Наконец решился:

– Хан! Мы знаем с вами, что стрелы самых сильных стрелков найманов достигают цели от силы в двухстах-трехстах шагах. Так?..

– Так, Джэлмэ... А у нас средний стрелок бьет на пятьсот!

– На пятьсот широких шагов, Хан! – искоса глянул на Хана Джэлмэ и лукаво поднял левую бровь. – И эти двести шагов разницы...

Хан хлопнул в ладоши:

– Хой! Понял твою мысль! Эти двести шагов – наш щит! Мы осыпаем их стрелами изда- лека и все время двигаемся, сохраняя разрыв и не вступая в сечу!

– Так, великий Хан!

– Но какое же количество стрел понадобится, Джэлмэ! До совета нужно дать приказ всему войску о том, чтобы каждый нукер приготовил для себя сотни стрел. – Хан поднес факел ближе к песочной карте, взгляделся в рельеф гор и речных долин. – Ты обратил внимание, Джэлмэ, на слова Сархая о том, что большая часть пеших найманцев закована в броню?

– Да, великий Хан. Они, как и китайцы, тяжелы с этой броней.

– И мы – конные – будем осыпать их стрелами издалека, не дадим им приблизиться, всякий раз отходя из поля досягаемости их стрел! Собери людей сразу после утреннего чая, Джэлмэ, светлая твоя голова!

– Будет выполнено, великий Хан!

* * *

Джэлмэ собрал в сурт сугулана всех тойонов.

Когда вошел Хан, вскочили и поклонились толстые и худые, старые и юные, молчаливые и галдящие, важничающие и скромничающие, умные и пустоголовые, завистливые и великодушные – все склонили головы перед человеком, удерживающим в своих руках судьбы народа, столь же неоднородного, как и сами тойоны...

– Хочу знать об исполнении отданных распоряжений, – произнес Хан.

– Кто первый? – громко и сипло спросил Джэлмэ и глянул на Богургу, одного из надеж- ных.

– Я свое выполнил, – поднялся и коротко доложил тот. Встал Боорчу, один из понятли- вых.

– Я положил начало сколачиванию черного войска, и через три дня ядро этого ополчения будет готово. С возвращением каравана жду прибытия отданных мне людей...

– Тойоны обещали? – спросил Джэлмэ.

– Да. А караван придет через пять дней... Три дня, как ушел от нас, а на всю дорогу уходит восемь... Это все.

– Ты что скажешь, Сюбетей?

Сюбетей встал, нахлобучив на глаза высокую рысью шапку, устремил взгляд на носки широких сары – он произносил очень мало слов в своей жизни и очень страдал в это мгновение.

– Говори же, немота! – подстрекнул брата Джэлмэ, и Сюбетей поднял брови, будто собрался дунуть в боевой рог, отчего рысья шапка сдвинулась со лба: тойоны дружно засме- ялись.

– Тойоны-сюняи назначены, – не обращая внимания на смешок товарищей, ответил Сюбетей. – Арбанаев завтра-послезавтра поставим...

– Что еще добавишь к своей речи?

– На этом все...

– А по сколько стрел на сегодняшний день имеет нукер?

– По два колчана.

– Сколько в каждом из колчанов?

– По тридцать... – неуверенно сказал Сюбетей и тут же поправился: – Нет, Джэлмэ! По двадцать пять!

– Нужно в восемь раз больше! – сказал Джэлмэ. – Садись, Сюбетей...

Тойоны возбужденно гудели: это куда ж столько стрел-то? Сколько нужно колчанов? Как их таскать? Каков будет вес всадника?..

– Наберите воды в рот! Слушайте приказ! – зазвенел голос Джэлмэ: сипота исчезла. – В эти дни все займитесь изготовлением стрел. Нужно, чтоб каждый нукер имел пять колчанов, а в каждом колчане – сорок стрел. Понимаю, что непросто найти столько металлических наконечников – думайте! Поднимите все роды – пусть куют днем и ночью, пусть трудятся и не топчут гусиных перьев! Второе: добейтесь, чтобы каждый нукер мог поражать цель за пятьсот маховых шагов... Это приказ! Есть мысли?

Бормотнул Боорчу:

– Тяжело будет... Худо...

– Худо будет и тяжело, если вы не исполните приказа. Время требует нового ведения боя. Я сказал, вы слышали, и пусть поможет вам Бог!

Тойоны гуськом потянулись к выходу.

– Джэлмэ! – позвал Хан, доставая стрелу из своего колчана.

Джэлмэ обернулся, и Хан метнул в него стрелу, целя в горло. Быстрым движением Джэлмэ перехватил ее у межключичной ложбинки и с удивлением глянул на улыбающегося Хана, на стрелу, которая была лишена наконечника.

– Так? – спросил Хан.

– Так! – ответил Джэлмэ. – Их стрелы будут бессильны, Хан!

Глава тринадцатая

Ханские хлопоты

...Мы прожили свою жизнь в седле, не зная покоя и не рассчитывая на отдых. Как говорили наши славные предки, подчинившие себе все народы от моря и до моря, собравшие эти народы под одно начало и в одну великую империю: наши военные труды, наши лишения обернутся счастьем для наших детей, внуков и правнуков, и станут они царями царей...

Легенды о древнемонгольских вождях

Хана мучила жажда, но перед вечерним советом он выпил теплого топленого масла, а не чаю, чтобы погасить жажду и не отвлекаться во время сбора советников.

В назначенный час Джэлмэ сообщил, что пришли Боорчу, Мухулай, Хубулай, старик Аргас и Додой. Они входили один за другим, рассаживались на войлочной подстилке, лицами показывая послушание и внимание, готовность к исполнению любого приказа.

– Мы предполагали, что найманов больше, чем нас, в пять или шесть раз, но мы ждали дождя, а идет ливень. Мы ждали облака, а идут тучи. Объясни, Джэлмэ... – так начал Хан.

Джэлмэ внимательно осмотрел лица присутствующих. Сколько походов за их спинами... И не хочется, чтоб нынешний стал последним хоть для одного из этих испытанных бойцов. Сколь ни высок воинский дух каждого, но обиталищем его является всего лишь брненное тело.

– Сообщаю, что наш авангард встретился с авангардом найманов. Лазутчики доносят, что основное войско найманов превосходит нас по численности в три раза. Ими собрано дополнительно еще два тумена. Войско наших сородичей под водительством Хана Джамухи полторакратно превосходит нас. Вот и посчитайте: сколько их всех вместе? Давайте принимать решение, – с горечью сообщил Джэлмэ. – Скажите каждый, что нам делать?

– Трудно что-то сказать сразу после такого подсчета, – густым басом прогудел Мухулай, и глаза всех выжидательно уставились на него.

– Сдается мне, что ничего уже не поделаешь... Назад хода нет...

Люди словно бы отяжелели, раскисли. Стал слышен лай собак. Откуда-то донеслось ржание лошадей. Казалось, еще миг – и в очаге погаснет пламя.

– Если повернем обратно – на своих же плечах принесем в дом неприятеля! – со злостью неведомо на кого произнес наконец Боорчу.

И Джэлмэ согласился с ним:

– Так. Если позволим гнаться за собой, то как бы мы ни уворачивались, а число все равно возьмет верх...

Зашевелился толстый Хубулай, заерзал на кошме, словно кусали его насекомые:

– Но идти навстречу столь многочисленному врагу – безрассудно! Какой дурень сам полезет в пасть медведя?! Кто добровольно пойдет на самоистребление, а? Скажите мне, ну?

– Я скажу тебе, – поднял еще могучую свою правую руку старик Аргас. – Найманы – хорошие воины. Ведь Кехсэй-Сабарах, как и кэрэиты, никакому пешему войску не позволит на себя глаз поднять при преследовании его...

– И что ты мне такого сказал? – возмутился Хубулай и стал нервно почесываться. – Что ты нового сказал, старый воин?..

– Найманы – хорошие воины, – твердо продолжал Аргас, – но мы – лучше. Они слабы тем, что у них много путей. Мы сильны тем, что у нас один путь – идти напролом вперед, а Бог придаст нам сил...

Поднялся ропот, советники отмахивались от слов друг друга, как животные от слепней. А Хубулай сильно топнул ногой и погрозил пальцем кому-то неведомому.

– Пойдите! Подумайте еще раз! – спокойно сказал Джэлмэ, и его услышали: так обновился его вчера еще сильный голос. – Скажи свое слово, Додой-чербий!

Додой причмокнул губами, словно проверяя наличие слов во рту, вздохнул тяжело-хонько:

– Ыкы-лыкы-чыкы-лыкы – все говорят, ничего не поймешь... Все бьют – не поймешь кто. Нам надо оставаться здесь, в гористых местах земли, и, пользуясь легкостью войска, долбить найманскую громаду неожиданно и с разных сторон: тук-тук, цвик! Так я думаю, Джэлмэ...

Джэлмэ хорошо представлял себе пагубность этого плана.

– Такая война не оставляет нам и проблеска надежды. Да, временные успехи будут, и мы будем принимать их за победы, но наши ряды будут таять и изнурять себя безнадежностью. У нас один путь: идти навстречу врагу...

В наступившей тишине всхрапнул старик Аргас. Он спал сидя. Джэлмэ глянул в его широкое, плоское, медное лицо и рявкнул:

– Как скажешь, Аргас?!

– Вперед! – не открывая глаз, ответил хитрый старик.

– Вперед, чтобы вклиниться в ряды найманов, рассечь их порядки, рассеять! Они спокойны тем, что их в сравнении с нами – тьмы, но мы можем победить не силой пик и пальм, не жалами стрел, а тем, что сумеем, если даст Бог, посеять в их порядках панику и неразбериху, когда они сами начнут рубить своих...

– Правильно, Джэлмэ! – заговорили разом советники. – Повернем реку вспять, и воды смешаются с водами!

Старик Аргас, по-прежнему не открывая глаз, сказал:

– И все-таки плохо, что нас, монголов, так мало! – и в голосе его звучала печаль, как в крике одинокого лебедя. – И откуда нам умножаться, если только вчера из боя вышли...

Осмелел толстяк Мухулай.

– Раньше времени не умрем! Еще повоюем, – прогудел он. – Но ведь монголов, что перебежали к найманам с Джамухой – и тех больше нас... Это правда. Пхи!..

– Перебежавших, – язвительно подчеркнул Боорчу, – мы сами оттолкнули от себя. Не от хорошей жизни человек или народ уходят на чужую землю... Черная нужда увела да ошибки в обустройстве подстрекнули... Где-то мы виноваты, иначе большинство из них были б сегодня среди нас...

– Все сказали? – спросил Джэлмэ, чувствуя, что разговор уходит от главного. – Согласны со мной?

– Так, – дружно ответили советники.

Джэлмэ посмотрел на Хана – лицо Хана было в тени, а руки теребили наборный пояс. Хан сказал:

– Вы высказались, и я вас выслушал. Услышанное мне по душе. У нас действительно один путь: стремительным броском добраться до ставки неприятеля. Войско его огромно, как брюхо беременной верблюдицы, и неповоротливо, как гусеница, ползущая по песку. В гористой местности с глубокими расщелинами им не удастся сосредоточить это пугало в одном месте. Что имеем мы? Маневренность, подвижность, а Бог укрепит нас духом. Теперь и цель, и мысли наши должны быть едиными. Раздел мнений – раздел сил. Жребий брошен, гадалая ложка подброшена и летит! Сомнения же выматывают силы любого богатыря. Поняли?

– По-о-о-о!.. – грянули тойоны, воодушевленные речью Хана.

Все смотрели в глаза Хана, ища в них иероглифы своих судеб. Его решение, прямое, как расколотое полено, стало их решением. С этого момента каждый из них становится колющей пикой, рассекающей пальмой Хана.

Выходя вслед за тойонами, Джэлмэ по привычке обернулся к Хану.

– Вместе с Мухулаем и Боорчу зайдите через короткое время, – услышал он слова главнокомандующего.

Поклонился согласно. Вышел из сурта, когда Мухулай уже садился на своего гнедого.

– Что с тобой, Мухулай? – спросил Джэлмэ. – Уж каким ты толстым был, конь под тобой прогибался, а сейчас только что щеки в пазухи не ввалились?

Мухулай указал кнутовищем под ложечку:

– Тут болит и ноет, силы высасывает... Ем, однако, много... Поболит, потянет – и проходит. А проходит боль – и забыл о ней...

– Надо к целебному озеру ехать, лечить. Не то болезнь укоренится и начнет в тебе жить. Смотри, Мухулай...

– Победим – вылечусь, а не победим – лечение не понадобится, – засмеялся Мухулай.

– Не отъезжай, Хан просил остаться.

Тэмучин сидел недвижим, словно изваяние. Он не поднял лица к вошедшим не потому, что не выказывал уважения, а потому, что его мысленный полет шел сейчас над полями сражений, где монголы будут биться с монголами, где поле битвы вновь столкнет побратимов Джамуху и Тэмучина. Что может быть грешней? Лицо его покрылось завесой мрака.

– Почему столько людей ушло от нас? В чем наши просчеты? – продлевая свои мысли, спросил он вошедших. – Мы не сумели воспользоваться двумя своими крупными победами, и на стороне врага теперь большинство джаджиратов Джамухи, – стал загибать пальцы Хан, – половина хонгуратов, много тайчиутов, тюбэ, найахы, татар, меркитов, хадаров, множество богатых родов! Считать, пальцев на руках не хватит! Те, кого мы одолели на поле брани, не укрепили наши ряды, а просочились сквозь пальцы, как сыпучий песок... Что это значит? Я скажу: это моя ошибка! Я не сумел закрепить победу, извлечь из нее выгоду для нашего народа... Как мы радовались три года назад, когда одолели татар! Кровного своего врага, векового противника! А выгоды – никакой! Вместо того чтобы получить хороших и смиренных работников, приумножить число воинов, мы всех истребили...

Боорчу шепнул Мухулаю:

– Такого еще ни одно ухо не слышало! Пхи!..

Джэлмэ не дал Хану развить покающую речь. Он сказал:

– Пусть не услышит твоих слов, Хан, постороннее ухо! Вспомни: это не было твоим решением – так решил совет. Вспомни: ты пытался отговорить их от жестоких мер. Твоя ошибка, однако, в другом: на радостях от победы, подчинившись минутному настроению, ты сказал: «Мы победили и сокрушили вековечного врага, и я вручаю судьбу его в ваши руки, досточтимые сородичи... Взвесьте все и решайте, как быть с побежденными!» И тогда, опьяненные кровью, они закричали: «Какой там суд! Истребить под корень – и вся недолга! Пусть никогда в веках не возродится татарский ил-государство, пусть ничей сон они больше не нарушают и сами спят вечным сном!» А особенно упорствовали на жестокости Алтан с Хучаром, чтоб потом самим же и дать деру. Истреблением татар мы нарушили закон степей и отринули от себя людей... Вот и беда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.